

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

Кафедра общего языкознания и славянских языков

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА В НАУКЕ

*Сборник научных трудов участников
VI Международной очно-заочной
научно-практической
конференции молодых учёных, приуроченной
210-летию со дня рождения И. И. Срезневского*

Горловка
2023

УДК 811.161.1
ББК Ш81.411.1
С47

*Рекомендовано к изданию на заседании учёного совета
ГОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 6 от 25.01.2023)*

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Герасименко И. А. (гл. редактор), д. филол. н.,
проф. Кочетова С. А., к. филол. н., доц. Васильева Г. А.,
к. филол. н., доц. Белоконь-Пожарицкая Н. А., к. филол. н.,
доц. Лешкова Н. В., к. филол. н., проф. Штакина Л. А., к. филол. н.,
доц. Дмитриева Ю. Л., к. филол. н., доц. Святобаченко И. С.

Сборник включён в Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ): лицензионный договор № 990-10/2020К от 29.10.2020.

Славистика: новые имена в науке : сб. науч. тр.
С47 участников VI Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф.
молодых учёных, приуроч. 210-летию со дня рождения
И. И. Срезневского / ГОУ ВПО «Горловский ин-т иностр.
языков» ; редкол. : И. А. Герасименко [и др.]. – Горловка :
Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2023. – 152 с.

В сборнике собраны научные статьи участников VI Международной
очно-заочной научно-практической конференции молодых учёных
«Славистика: новые имена в науке», приуроченной 210-летию со дня
рождения И. И. Срезневского, посвящённые исследованию актуальных
вопросов отечественной и зарубежной лингвистики и литературоведения.

Для научных работников, специалистов-филологов, преподавателей
языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего
профессионального образования, учителей филологических дисциплин в
школе, студентов-филологов.

**УДК 811.161.1
ББК Ш81.411.1**

Алексеевкова Ульяна
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностраннных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ТОПОНИМЫ И МИКРОТОПОНИМЫ: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ

В данной статье рассматриваются неофициальные топонимы и микротопонимы. Автором проведён сопоставительный анализ указанных терминов, выявлены особенности и основные отличительные признаки неофициальных топонимов и микротопонимов, а также предложена авторская дефиниция термина микротопоним.

Ключевые слова: микротопоним, неофициальный топоним, топоним.

Язык современного города имеет неоднородный состав. В него входят различные подсистемы, среди которых ойконимическая, гидронимическая, урбанимическая и др., которые находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Современная русская топонимическая система включает в себя различные географические наименования, которые обозначают как естественно-природные, так и объекты, созданные руками человека. Исходя из особенностей географических объектов, учёные их дифференцируют на тематические топонимические классы. Например, в гидронимы включены гелонимы, потамонимы, лимнонимы, пелагонимы и океанонимы. В свою очередь, в ойконимы входят комонимы и астионимы, а также агронимы, дромонимы, цоронимы, хоронимы и др. Все вышеперечисленные классы составляют основу топонимической системы края.

Топонимическая система любого региона характеризуется наличием исторически сложившегося лексического состава, т.е. набором топонимов, отображающих этимологию и особенности фонетических, семантико-словообразовательных, морфологических средств языка этноса, который принимал участие в её формировании.

Городские топонимы можно разделить на две группы: официально-оформленные и неофициальные топонимы, бытующие в устной речи местных жителей. Официальные названия городских объектов строго регламентированы в различных документах, картах, городских справочниках. Они отображают историю города,

а также древнее состояние языковых единиц, его фонетические, семантически-словообразовательные и морфологические черты. Лингвисты при изучении официальных топонимов прослеживают грамматические и фонетические изменения, произошедшие в процессе эволюции языка.

Являясь лексической единицей языка, топоним содержит определённую информацию. Основная функция топонима – номинативная. Топоним, называя географический объект, указывает на номинацию конкретного объекта, на его «имя». Но это лишь часть информации, которую содержит топоним. Топоним также может содержать информацию диахронического и функционального характера. Диахроническая информация позволяет определить основу, от которой возник топоним. Функциональная информация включает связь географического наименования и объекта, данные о характере объекта, к которому относится топоним, комплекс сведений о самом объекте. Эта информация может изменяться в зависимости от смены социального статуса именуемого объекта, его роли в жизни человека.

Следует отметить, что топонимы представляют собой наименования крупных внутригородских объектов, к которым относятся административные районы города, а также наименования населённых пунктов, которые кодифицированы в официальных документах и нанесены на географическую карту города. Они известны за пределами города. Именно этим официальные топонимы отличаются от неофициальных городских номинаций.

Отметим, что неофициальный топоним является разговорным вариантом официального топонима, который именуется крупный внутригородской объект. Неофициальные топонимы – это модные, но не принятые в социуме в качестве нормы номинации.

Кроме того, неофициальная топонимика является не только разговорным эквивалентом официальных названий, но ещё и служит средством опознания «чужих» среди «своих». Если кодифицированные наименования городских объектов известны, о них можно узнать из официальных источников, то неофициальные, так называемые «народные» топонимы, имеют место только в устной традиции. Поэтому их изучение возможно только при личном «погружении» в речь местного населения.

Следует отметить, что существует целый ряд терминов для обозначения неофициальных топонимов. Так, некоторые современные лингвисты, например, И. Е. Гальченко и Г. А. Гюльмагомедов, называют неофициальные городские наименования *локализмами* или *регионализмами*. Также в лингвистической литературе существуют такие термины, как *узуальные номинации*, *неофициальные регионализмы*, *топонимы-*

прозвища и другие. Проанализировав их, мы можем утверждать, что эти термины являются синонимами. Одним из популярных термином в современной лингвистической литературе является *регионализм*, который появился в ряде языковедческих работ начиная с 80-х годов XX века. В исследовании М. М. Молчановой, которое посвящено языковой ситуации на Кавказе, сказано, что *регионализм* – это лексема, которая была заимствована жителями определённой территории у других народов и функционирующая только в речи местного населения. Вслед за М. М. Молчановой изучением регионализмов занимались В. И. Беликов, Г. А. Гюльмагомедов, Л. Ф. Климова и др. Следует отметить, что именно Л. Ф. Климова относит к числу регионализмов *микротопонимы* [2, 52].

Изучением микротопонимов занимается микротопонимика. Предметом исследования микротопонимики является микротопоним. Данный термин исследовали такие известные лингвисты, как А. В. Суперанская, И. А. Воробьёва, Н. В. Подольская и др.

Микротопонимы занимают значимое место в топонимической системе города и имеют ряд особенностей, среди которых существование и функционирование только на конкретной территории и только в устной речи, подвижность формы, экспрессивность. Несмотря на разное толкование, учёные не всегда чётко разграничивают понятия микротопонима и топонима. Это связано, прежде всего, с отсутствием одной общепринятой дефиниции данного термина.

Впервые термин *микротопоним* был использован в работе О. С. Мельничука «Топоніміка Кодимського району Одеської області» (1957). После этого термин получил широкое распространение, но к единому определению учёные так и не пришли. А. С. Крюкова считает, что под термином *микротопоним* следует понимать наименование небольшого географического объекта, который функционирует в речи узкого круга людей (об этом см.: [3, 69]). И. А. Воробьёва обозначает микротопонимы как названия, существующие лишь в одной микросистеме (об этом см.: [1, 45]). Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» (1978) пишет, что микротопоним – это собственное имя, чаще всего, природного физико-географического объекта, (реже) объекта, созданного человеком, которое имеет достаточно узкую сферу употребления (об этом см.: [5, 246]). Ю. А. Карпенко толкует микротопонимы как систему наименований мелких географических объектов, среди которых болота, ручьи, урочища, дороги, улицы и подобные. На наш взгляд, наиболее точное определение представлено в работе Э. М. Мурзаева «Очерки топонимики» (1974). Автор пишет, что микротопонимика представляет собой совокупность географических названий, известных ограниченному кругу людей, которые живут

рядом с называемыми небольшими объектами – выгонами, пашнями, зимовьями и подобными [4, 23]. Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» (1978) указывает, что микротопонимика – это «совокупность топонимов» [52, 86]. Также определение микротопонимике дали В. А. Никонов, В. Н. Попова, Д. В. Цыганкин и др. Но А. В. Суперанская указывает, что названия улиц, частей улиц и кварталов не являются частью микротопонимики (об этом см.: [7, 187]). Е. М. Поспелов считает, что перечень объектов, наименования которых можно отнести к микротопонимике, не установлен по причине того, что состав микротопонимики зависит от физико-географических особенностей территории, её заселения, истории и культуры в каждом конкретном случае (об этом см.: [6, 37]). Спор вызывает ещё и тот факт, что деление на макро- и микро- не приемлемо для других разделов ономастики, в числе которых топонимия, антропонимика и др.

Проблема до сих пор остаётся нерешённой и этим привлекает внимание исследователей. Но, на наш взгляд, наличие такого количества дефиниций и исследований, а также широкий круг специфических черт микротопонимов позволяет считать микротопонимику подклассом топонимии, без которого невозможно в полной мере описать топонимическую систему города.

Таким образом, официальные топонимы и микротопонимы являются частью топонимической системы города. Их основная функция – точное обозначение определённого географического объекта. Также они выполняют локализующую и конкретизирующую функции. Важно то, что микротопонимия, как и топонимия, имеет системную организацию, обусловленную внеязыковыми факторами и характеризующуюся вариативностью. Также реализует номинативную функцию и обладает эмоционально-экспрессивной окрашенностью. При этом вариативность и эмоционально-экспрессивная окрашенность в большей мере проявляется в микротопонимике, чем в топонимике города.

Но важно отметить, что помимо общих и отличных черт, топонимика и микротопонимика имеют и другие отличительные особенности. Микротопонимика, в отличие от топонимики, функционируя только в устной речи, содержит фонетические особенности речи местного населения. Топонимы и микротопонимы также отличаются степенью известности, сферой употребления, а также имеют различный объём и диапазон функционирования.

Анализ научной литературы и материала нашего исследования позволил конкретизировать понятие «микротопоним». По нашему мнению, во-первых, микротопонимы – это наименования небольших физико-географических объектов, функционирование которых носит ограниченный характер. Во-вторых, микротопонимы известны жителям определённой микротерритории и неизвестны людям, живущим вне

микросистемы, на которой функционирует данное наименование. В-третьих, микротопонимы функционируют лишь в устной речи населения, они не зафиксированы на картах и не употребляются в официальных документах. В-четвёртых, микротопонимы в ходе различных исторических событий, влияющих на жизнь горожан, довольно часто видоизменяются, а иногда и вовсе исчезают из обихода. В-пятых, микротопонимы образуются стихийно и активно пополняются новыми единицами. В-шестых, микротопонимы не могут иметь аналог в официальной топонимике. Они существуют независимо от официальной номинации.

Важным для нашего исследования является разграничение терминов *неофициальный топоним* и *микротопоним*. Основным отличием неофициального топонима и микротопонима является размер называемого объекта. Как было указано выше, неофициальный топоним именует крупные внутригородские объекты, к числу которых относятся наименования районов города, а также крупных посёлков, которые зафиксированы на географических картах. Они имеют большую степень известности, так как называют крупные, хорошо знакомые всем жителям исследуемой территории объекты. Как следствие, в отличие от микротопонима, неофициальный топоним обязательно имеет аналог в официальной топонимике. В основном неофициальный топоним не обладает эмоционально-экспрессивной окраской, лишь в редких случаях она выражается с помощью словообразующих морфем (суффиксов). Ещё одной особенностью неофициальных топонимов является то, что основной способ их образования – морфологический. Следует отметить, что неофициальные топонимы семантически мотивированы. Следовательно, неофициальные топонимы и микротопонимы, несмотря на большое количество общих черт, имеют ряд различий и не могут употребляться в качестве синонимов.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что микротопонимы, несмотря на расплывчатость границ и неоднозначность своей интерпретации, являются лексическим пластом языка, отображающим особенности жизни носителей языка, своеобразие их менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьёва, И. А. Язык Земли: О местных геогр. назв. Зап. Сибири / И. А. Воробьёва. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. – 152 с.
2. Климкова, Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира : монография / Л. А. Климкова. – М. : Арзамас, 2007. – 394 с.
3. Крюкова, А. С. Семантический и словообразовательный анализ микротопонимии Приуралья / А. С. Крюкова // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 208–212.

4. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимии / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1974. – 382 с.
5. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
6. Поспелов, Е. М. Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат / Е. М. Поспелов // Микротопонимия. – М. : МГУ, 1967. – С. 23–30.
7. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1984. – 182 с.

SUMMARY

Yliana Alekseenkova. Unofficial toponyms and microtoponyms: the differentiation problem of terminology

This article discusses unofficial toponyms and microtoponyms. The author carried out a comparative analysis to bring the terms to responsibility, identified the features and main identified features of unofficial toponyms and microtoponyms, and also proposed the author's definition of the term microtoponyms.

Keywords: microtoponym, unofficial toponym, toponym.

Андреева Диана

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Димитриева О. А.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»,

г. Чебоксары, РФ

ДЕМОТИВАТОРЫ КУЛИНАРНОЙ ТЕМАТИКИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению демотиваторов, семантически связанных с кулинарной темой. Особое внимание уделяется вербальному компоненту демотиватора, реализуемого с помощью языковой игры. Проводится анализ языкового материала на уровне лексики. Также рассматриваются разновидности языковой игры, используемой в демотиваторах.

Ключевые слова: «кулинарный» демотиватор, вербальный и невербальный компоненты демотиватора, языковая игра, лексика.

Актуальность данного исследования продиктована необходимостью анализа демотиваторов как набирающего популярность явления. Целью исследования является анализ «кулинарных» демотиваторов на лексическом уровне языка. Задачи

связаны с изучением приемов, с помощью которых реализуется лексическое наполнение вербального компонента демотиватора, а именно языковой игры. О демотиваторе, его структуре подробно написано в статье «Прецедентные тексты в демотиваторах с кулинарной тематикой» [1]. Особое внимание уделяется приемам, с помощью которых создается развлекательно-юмористический характер демотиватора с точки зрения лексики.

Многие исследователи изучают «языковую игру». Например, Б. Ю. Норман под этим термином понимает «нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [5, 168]. Автор отмечает, что одной из особенностей языковой игры является создание комического эффекта. Широкое распространение в языкознании получает точка зрения В. З. Санникова: «Языковая игра – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [6, 23]. При этом преднамеренная неправильность / неточность должна побудить читающего (слушающего) на поддержание процесса игры. Таким образом, языковая игра противостоит языковой норме.

Языковая игра ярко реализуется на словообразовательном (использование приемов псевдочленения, псевдовосстановления и др.) и лексическом уровнях языка. Например, А. В. Красакова в статье рассматривает разновидности языковой игры, реализуемые на лексическом уровне. К ним она относит: омонимию и смежные с ней явления (омографы, омоформы, омофоны); парониманию; каламбуры [4]. Р. А. Воронин несколько расширяет эти разновидности и считает, что при создании языковой игры можно воспользоваться стилистическими приемами для придания слову / выражению новой формы: «транспозицию, алломорфию, синонимию, супплетивизм, полисемию, омонимию, фразеологизмы и т. д.» [3, 1356].

Материалом данного исследования являются демотиваторы, в составе которых есть кулинарная лексика или визуальный гастрономический образ (картинка). В основном демотиваторы взяты со следующих сайтов: Бугага [2], Demotivatorium [7], Mixer. lv [8] и др.

Рассмотрим демотиваторы, содержащие элементы языковой игры (на уровне лексики). Для этого обратим внимание на разновидности этого приема. Языковой феномен, когда за одной языковой формой, одним планом выражения обнаруживаются принципиально разные значения, широко используется для создания комического эффекта в демотиваторах. В данном случае мы обращаем внимание на омонимию как одну из разновидностей языковой игры. В широком смысле она проявляется в том, что слова-омонимы без понимания

их семантики и употребления могут быть неправильно поняты. В демотиваторе вербальный компонент демотиватора вне контекста (визуального компонента – пирожки с денежными купюрами) может быть неправильно воспринят адресатом. Создание комического эффекта создается именно с помощью изображения, которое дает нам понять, о какой капусте идет речь. В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова слово *капуста* имеет два значения, каждое из которых помещено в отдельную словарную статью: «1. КАПУСТА. Огородное растение сем. крестоцветных с завивающимися в кочан листьями, которые употребляются в пищу. *Пирог с капустой*. 2. КАПУСТА (*жарг.*). Деньги».

В демотиваторе языковая игра также реализуется с помощью омонимии слов. Вне контекста смысла вербального компонента демотиватора изображенная *белочка* воспринимается человеком как форма слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом -к- и обозначает «маленькую белку». Однако анализ текста демотиватора (*К тому, кто пьет красиво, приходит красивая белочка*), включение в него глагола *пить* позволяет определить другое значение слова *белочка* как компрессии от выражения «белая горячка» (т. н. универбат).

Одним из видов омонимов являются омоформы. В следующем демотиваторе вербальный компонент содержит слова, которые различаются своим значением и грамматическими признаками. В первом случае слово *есть* употребляется в значении «быть, существовать» и часто является неизменяемой связкой в составном именном сказуемом. Во втором случае оно имеет совершенно другое значение – «принимать, поглощать пищу», на что нам указывает визуальный компонент демотиватора (девушка с бургером). Использование омоформ в сочетании с изображением создаст ситуацию юмора.

Языковая игра может использоваться для создания комического эффекта с помощью полисемической оппозиции двух значений. Например, вербальный компонент демотиватора содержит следующую оппозицию (*плоская еда – плоский живот*). Значение слова *плоский* в двух различных словосочетаниях отождествляется. Отсюда и следует парадокс, что живот станет плоским, если есть плоскую еду.

В следующем демотиваторе происходит создание псевдословарной статьи, при котором пельмени приобретают новое значение. В данном случае это значение создается путем обращения на внешние особенности блюда (мясо в тесте). При этом внутреннее содержание пельменей отождествляется с котлетами, а оболочка – с белыми пленками.

Таким образом, создание комического эффекта демотиватора часто строится на основе использования приема языковой игры. При этом используется ряд разновидностей этого явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Д. В. Прецедентные тексты в демотиваторах с кулинарной тематикой / Д. В. Андреева // Этнопедагогический ежегодник. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2022. – С. 126–133.
2. Бугага – твоё хорошее настроение! [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bugaga.ru>. (дата обращения: 25.11.2022).
3. Воронин, Р. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность (современные концепции языковой игры) / Р. А. Воронин // Научный альманах. – 2015. – № 7(9). – С. 1352–1361.
4. Красакова, А. В. Языковая игра и игры с языком / А. В. Красакова // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 55-11. – С. 30–33.
5. Норман, Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. – Минск : Высшая школа, 1987. – 220 с.
6. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва : Языки славянской культуры, 1999. – 541 с.
7. Demotivatorium [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://demotivatorium.ru> (дата обращения: 25.11.2022).
8. Mixer.lv [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mixnews.lv/tag/demotivatory> (дата обращения: 25.11.2022).

SUMMARY

Diana Andreeva. Demotivators with culinary themes: lexical aspect

The article is devoted to the study of demotivators semantically related to the culinary theme. Special attention is paid to the verbal component of the demotivator, implemented with the help of a language game. The analysis of the language material at the vocabulary level is carried out. The varieties of the language game used in demotivators are also considered.

Keywords: «culinary» demotivator, verbal and non-verbal components of the demotivator, language game, lexical level.

Баранова Дария
Научный руководитель –
к. пед. н., доц. Крутова И. Ю.
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский
университет им. академика И. П. Павлова» Минздрава России,
г. Рязань, РФ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Медицинская терминология включает в себя бесчисленное количество различных терминов, многие из которых – фразеологизмы. Каждый из них имеет свою этимологию, значение и область употребления. Данная статья освещает эти и многие другие аспекты профессиональной медицинской фразеологии.

Ключевые слова: фразеологический оборот, медицинская лексика, медицинская терминология, медицинские фразеологизмы, идиофразематические единицы, терминологизмы, медицинские работники.

Сложно переоценить роль фразеологических оборотов в медицинской терминологии, они уже очень давно прочно вошли в лексикон врачей абсолютно разных специальностей. Их можно встретить везде: истории болезней, медицинских заключениях, научных работах и т.д. Этим и обусловлена актуальность данной работы.

Несомненно, тема использования фразеологических оборотов в современном языке и, в частности, в медицинской среде является актуальной, поскольку многие современные исследователи, такие как И. Ю. Крутова [1; 6; 7], М. В. Сомова [8; 9], рассматривают особенности использования различных фразеологизмов в разном контексте в современной речи.

Исходя из этого целью данной работы является изучение фразеологизмов из профессиональной речи медицинских работников. Несомненно, следует обратить внимание на их этимологию, тематическую принадлежность.

Задачи данного исследования: изучить структуру медицинской терминологии; выявить медицинские фразеологизмы; ознакомиться с этимологией некоторых фразеологизмов.

Для начала необходимо обозначить, что такое фразеологический оборот. Это лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы [4, 45].

Также важно рассмотреть структуру медицинской терминологии, ведь это одна из самых сложных терминологических систем русского

языка. Всего в ней выделяют три основных раздела: анатомо-физиологический, клинический и фармацевтический [10, 9].

В каждом из перечисленных разделов есть огромное количество фразеологизмов. Рассмотрим их более подробно.

1. Анатомо-гистологический раздел: сюда относят анатомические термины. Представим некоторые фразеологизмы из области данной тематики: *турецкое седло, червячок мозжечка, чудесная сеть, хвостатое ядро, волосатое сердце, носовая раковина, большой мозг, конский хвост, луковица двенадцатиперстной кишки* и т.д.

2. Клинический раздел: термины, обозначающие названия заболеваний, симптомов, методов лечений, обследования, диагностики и т.д. Это наиболее обширная группа терминов. Данное направление представляет особый интерес, так как некоторые фразеологизмы этого раздела чаще используются не медицинскими работниками, а пациентами, например, *грудная жаба, молочный зуб, волчий голод, гусиная кожа, зуб мудрости, солнечная ванна, куриная слепота, заячья губа* и т.д. И наоборот, есть фразеологизмы, которые в основном можно встретить в устной или письменной речи врачей: *падучая болезнь, попугайская болезнь, болотная лихорадка, голова Медузы, грудь сапожника, средиземноморская анемия, холодный/горячий абсцесс, священная болезнь, облачко роговицы* и т.д.

3. Фармацевтический раздел: термины, обозначающие названия химических соединений, лекарственных препаратов и т.п. Фразеологизмы данного раздела основываются в основном на названиях составных частей растений: *сердечные корни, березовая мочка* и т.д.

Особое внимание стоит обратить на так называемые идиофразематические единицы и терминологизмы. Начнем с первых. Это устойчивые сочетания слов, которые были образованы на основании терминов и профессионализмов [12]. Из медицинской терминологии в обиход вошло немало фразеологизмов, например, *грудная жаба*. Данный термин в XVII-XVIII вв. использовался как название сердечно-сосудистого заболевания. В настоящее время на его место пришел термин «стенокардия», а *грудную жабу* часто в своей речи используют пациенты для описания типичного болевого синдрома.

Необходимо обратить внимание на идиофразематический фразеологический оборот *родиться в сорочке*. Часто его можно встретить в научной литературе прошлых столетий по акушерству и гинекологии. В настоящее время принято считать, что *родиться в сорочке* значит быть во всем удачливым. Но когда-то данный оборот был термином. Так называемая *сорочка* – это плодный пузырь, который в норме должен разрываться, но при определенных патологиях этого не происходит, и

младенец рождается окутанным в стенках этого пузыря. На самом деле, это опасное состояние, поэтому если ребенок после такого остается в живых, это настоящая удача.

Что касается терминологизмов (термины-фразеологизмы), то это языковые феномены, которые возникают в том случае, когда терминологическое значение вырабатывается на базе существующего фразеологического [2]. Например, *зуб мудрости*. Наши предки считали, что данный зуб вырастает, когда человек становится мудрым. Сейчас же *зуб мудрости* – это термин, обозначающий третьи моляры человека, которые прорезываются в возрасте 18-25 лет [3].

Надо заметить, некоторые фразеологические обороты в медицинской терминологии заимствованы из других языков. В частности, *белая горячка* (алкогольный психоз) есть ни что иное как перевод с латинского языка (*delirium tremens*), *слоновая болезнь* (увеличение конечности из-за лимфостаза) и *священная болезнь* (эпилепсия) – это перевод с греческого языка и т.д.

Следует отметить, что большинство фразеологизмов в медицинской терминологии появилось благодаря отличительным внешним признакам того или иного явления, то есть, например, *мраморная болезнь* названа так из-за внешнего сходства окраски кожных покровов и текстуры мрамора. Таких примеров очень много: *гусяная кожа, ржавая мокрота, львиное лицо* и т.д.

Итак, суммируя все вышесказанное, приходим к следующему выводу: фразеологизмы в профессиональной речи медицинских работников занимают очень почетное место. Особенностью является то, что в медицинской терминологии данные обороты играют несколько иную роль, чем, например, в художественной литературе. Если во втором случае они нужны для эмоциональной окраски речи, то в медицинском направлении они необходимы для конкретного и научного описания того или иного процесса и явления в организме человека. Несомненно, что фразеологизмы – неотъемлемая часть медицинской терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные вопросы профессиональной языковой подготовки студентов неязыкового вуза: коллективная монография / Л. П. Костинова, А. В. Ельцов, Л. Ф. Ельцова [и др.]. – Москва, 2021. – 162 с.
2. Алексеевко, М. А. Словарь фразеологической лексики современного русского языка / М. А. Алексеевко, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова. – М. : Азбуковник, 2003. – 400 с.
3. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред. Э. Г. Улумбекова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 2242 с.

4. Варбот, Ж. Ж. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев, – М. : РАН, 1998. – 54 с.
5. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1986. – 161 с. // Русский филолог : портал. – Сайт. – URL : <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm> (дата обращения: 20.11.2022).
6. Крутова, И. Ю. Формирование познавательной активности студентов в процессе обучения иностранному языку (на примере медицинского вуза): автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Крутова Ирина Юрьевна; Карачаево-Черкес. гос. ун-т. – Карачаевск, 2017. – 27 с.
7. Крутова, И. Ю. Фразеологические единицы английского языка и их национально-культурный колорит / И. Ю. Крутова // Сборник научных трудов кафедр гуманитарных дисциплин. – Рязань, 2010. – С. 38–47.
8. Сомова, М. В. Россия в XXI веке: культура языка и речи / М. В. Сомова // Научно-методический электр. журнал «Концепт». – 2017. – № 28. – С. 65–67.
9. Сомова, М. В. Филологическое образование в России: истоки проблемы / М. В. Сомова // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции / Под ред. Т. В. Стрыгиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – С. 272–275.
10. Татаренко, Т. Д. Медицинская терминология на занятиях латинского языка / Т. Д. Татаренко, Б. Н. Нурмухамбетова, Е. К. Лисариди // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 8–2. – С. 304–306.
11. Хакиева, З. У Терминологизмы как результат взаимодействия терминологической лексики и фразеологизмов / З. У. Хакиева // Гуманитарный научный вестник. – Грозный, 2020. – № 12. – С. 108–112.

SUMMARY

Daria Baranova. The use of phraseological units in medical terminology

Medical terminology includes countless different terms, many of which are phraseological units. Each of them has its own etymology, meaning and area of use. This article covers these and many other aspects of professional medical phraseology.

Keywords: phraseological units, medical vocabulary, medical terminology, medical phraseological units, idiomphrasematic units, terminologisms, medical workers.

Бладысик Ольга
Научный руководитель –
д. филол. н., доц. Шаталова О. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ОНОМАСТИКА КАК РАЗДЕЛ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Процесс обозначения предметов реальной действительности языковыми знаками является постоянным и непрерывным. Когда человек познаёт мир, он даёт разным его частям названия, то есть идентифицирует их. Ономастика является как разделом языкознания, изучающим имена собственные, так и социально-культурной сферой развития личности.

Ключевые слова: имя собственное, ономастика, оним.

В современной гуманитарной науке наблюдается повышенный интерес к функционированию имён собственных. Ономастика как раздел языкознания начала своё активное развитие в XIX–XX вв., поэтому многие аспекты бытования онимов остаются непрояснёнными, что актуализирует обозначенную проблему как в сфере науки, так и в социально-культурной среде.

История становления ономастики как науки включает три этапа, характеризующиеся специфическими формами освоения и анализа ономастического материала:

I этап – «доакадемический», хронологически соотносимый с половиной XIX века: в это время создаются первые словари имен собственных, появляются первые научные исследования по ономастике;

II этап – «академический», II половина XIX – I половина XX вв.: проводятся различные филологические исследования по ономастике, устанавливаются принципы исследования ономастических единиц, определяются границы онимов и выявляются классификационные основания;

III этап – II половина XX века – настоящее время: формирование интеграционных подходов в изучении ономастических единиц, обоснование лингвокультурологического и историко-лингвистического подходов не только к характеристике внутренней природы онимов, но и к описанию функционально-прагматического потенциала имён собственных в современных коммуникативных условиях.

«Академический» период ономастики характеризуется стремительным развитием: наблюдается рост научных публикаций по вопросам ономастики, появляются крупные монографические работы по ономастике А. В. Суперанской, В. Д. Бондалетова, В. А. Никонова [5], Э. Б. Магазаника, О. И. Фoniaковой, А. Б. Пеньковского, В. М. Калинкина, которые отображали новые идеи, развивавшиеся учёными с 70-х по 90-е годы XX века [6, 117].

Термин «ономастика» имеет комплексное значение:

- в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой ономастика определяется как раздел языкознания, изучающий личные имена; совокупность личных имён как особый предмет изучения лингвистики; раздел языкознания, который изучает собственные имена [1, 277];
- в «Словаре лингвистических терминов» Жюля Марузо термин «ономастика» обозначает систему личных имён данного языка или области, либо изучение этой системы [3, 187];
- в лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой термин «ономастика» понимается как раздел языкознания, который изучает имена собственные. В данном словаре ономастика в зависимости от особенностей языка разных типов подразделяется на теоретическую и прикладную, литературную и диалектную, реальную и поэтическую, современную и историческую.

Таким образом, ономастика является специальной дисциплиной, которая изучает имена собственные, их функционирование в языке и обществе, закономерности их образования, развития и преобразований [2, 2733]. В рамках современной научной парадигмы ономастика подразделяется на отдельные направления, такие как: антропонимика – наука об именах людей, топонимика, изучающая названия географических объектов, зоонимика, предметом исследования которой становятся клички животных, и др.

Объект исследования ономастики – история возникновения имён и мотивы наименований, а также их становление в разные классы онимов, территориальное и языковое распространение, использование в речи, социальный и психологический аспекты, юридический статус, возникновение и использование собственных имён в художественной литературе.

Исследования в области ономастики способствуют расширению знаний о прошлом человечества: могут помочь найти места древних поселений, пути миграций разных народов, выявить языковые и культурные контакты, определить древнее состояние языков.

Ономастика связана с историей, этнографией, археологией, генеалогией, литературоведением, географией, астрономией, а также с такими науками, как геология, демография, страноведение.

В аспектах ономастических исследований выделяются:

- описательная ономастика – фундамент исследований в ономастике, которая даёт обще-филологический анализ и лингвистическое толкование материала;
- теоретическая ономастика – изучает общие закономерности развития и функционирования систем ономастики;
- прикладная ономастика – связана с присвоением имён, их использованием в живой речи, проблемам наименований и переименований. Она даёт рекомендации картографам, биографам, юристам;
- ономастика художественных произведений – составляет раздел поэтики;
- историческая ономастика – изучает историю возникновения имён, их использование в разные эпохи;
- этническая ономастика – изучает возникновение названий этносов и их частей в связи с их историей, а также соотношение этнонимов с другими именами, эволюцию этнонимов, которая приводит к созданию топонимов, зоонимов, а также связь этнонимов с названиями языков. Этнонимика – раздел ономастики, который изучает происхождение и использование в языке этнонимов, то есть названий наций, народов, племён, родов. Благодаря изучению этнонимов мы можем объяснить происхождение имени, его эволюцию. Они несут в себе важную историческую и лингвистическую информацию;
- современная ономастика – комплексная лингвистическая дисциплина, обладающая своими проблемами и методами [4, 187–189].

Имена привлекают лингвистов тем, что, прежде всего, имя – это языковой знак. Понимание особенностей имён собственных является надёжной опорой для их объяснений. Имена имеют свою природу, семантику.

Роль имён в прошлом оценивалась человеком как обладающая высокой степенью значимости. В древности человек осознанно берёг своё имя, так как считал его неотъемлемой частью себя. Он держал свое имя в тайне, чтобы отгонять злых духов. Когда он узнавал имена врагов, то мог уничтожить их с помощью магии. Магия имён – известный лингвоэтнокультурный мотив.

У современного человека нет предрассудков, касающихся психологических или социально-культурных аспектов бытования личного имени: он легко может поменять фамилию и имя. Изменения в обществе ведут к изменениям имён собственных, формируются тенденции активизации или перехода в разряд историзмов тех или иных имён. Однако имя, в силу своей специфической связи как с отдельным лицом, так и с обществом как культурным феноменом,

продолжает влиять на социально-культурный фон, на особенности восприятия действительности человеком, на облик реальности, которую человек моделирует в том числе посредством актуализации или нивелирования определённых онимов.

Удивительные свойства имён состоят в том, что имя способно служить обществу при высокой повторяемости компонентов, в том числе и в формате бытования распространённых стереотипов. К примеру, считается, в России огромное количество людей с именем Иван, фамилией Иванов, что не соответствует истинному положению, но формирует некое культурное представление о русском человеке (что отражается во фразеологизмах, поговорицах, загадках и т.п.). В то же время значительным коммуникативно-прагматическим потенциалом обладают современные иноязычные или ранее относившиеся к разряду историзмов имена, получающие распространение в современном российском обществе: Изабелла, Аделина, Стефания и Матвей, Тимофей, Елисей и пр.

Изучение тенденций их использования на основе статистических данных и материалов художественной литературы позволяет оценить особенности развития современного общества, мышления отдельной личности и тенденции интеллектуально-психологических перспектив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
2. Баркова, М. Ю. Подходы к определению термина «ономастика» / М. Ю. Баркова // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 50. – С. 2732–2736.
3. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – 1849 с.
4. Насруddинов, С. М. Связь ономастики и ее составных частей с разными науками / С. М. Насруddинов // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2019. – № 1(254). – С. 187–191.
5. Ономастика. – М. : Наука, 1969. – 261 с.
6. Фомин, А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы / А. А. Фомин // Вопросы ономастики. – 2004. – № 1. – С. 108–120.

SUMMARY

Olga Bladysik. Onomastics as a branch of linguistics and the socio-cultural sphere of personality development.

The process of marking objects of real reality with language signs is constant and continuous. When a person learns about the world, he

gives different parts of it names, that is, identifies them. Onomastics is both a branch of linguistics that studies proper names, and a socio-cultural sphere of personality development.

Keywords: proper name, onomastics, onym.

Бляшко Юлия

Научный руководитель –

д. филол. н., доц. Любимцева-Наталиха Л. Н.

ГОУ ВПО «Горловский институт

иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

ТРАНСДИСКУРСИВНЫЙ АВТОР: К ТЕОРИИ ВОПРОСА

В постмодернизме категория трансдискурсивности является одной из наиболее важных. В начале XXI столетия в драматургии формируется понятие «трансдискурсивный автор». По совокупности признаков к трансдискурсивным авторам можно отнести А. Чехова, Н. Гоголя, Л. Толстого и др.

Ключевые слова: *трансдискурсивность, традиция, автор, трансдискурсивный автор.*

На рубеже XX – XXI веков отечественный театр переживает очередное возрождение: появляются новые театральные площадки, проводятся конкурсы и фестивали, в том числе и международного масштаба, значительном изменении театрального репертуара, появляются новые драматурги из молодёжной среды. Всё чаще и чаще в своих пьесах драматурги II половины XX – I половины XXI века используют приёмы, а также перенимают традиции классиков русской литературы. Одной из малоисследованных, но актуальных категорий новейшей драматургии стала категория «трансдискурсивности».

Мишель Фуко ввёл понятие «трансдискурсивность» в работе «Порядок дискурса» для обозначения особого типа дискурсивности, который, обладая генеративным потенциалом, открывает в культурной среде определённую традицию дискурсивных практик. Идея появляется у М. Фуко в связи с проектом «Археология знания», который представляет собой систематическое описание реконструкции функционирующего знания определённой эпохи как некой объективной данности. Этому вопросу был посвящён и доклад М. Фуко «Что такое автор?», прочитанный во Французском философском обществе. Именно в «рабочем» наброске намеченного проекта анализа и был впервые использован термин «трансдискурсивность». М. Фуко тут же

уточнял, что речь идёт об авторах в «трансдискурсивной» позиции: «... они оказываются авторами большего, чем определённое произведение, влияния – в сфере которого оказываются и другие авторы, другие произведения. Несмотря на оперативно появившуюся критику такого разделения, интуитивно ясно её основание – особенности текстологических новаций, различие внутренних механизмов генерации дискурсивно нового: новый жанр в литературе, новая дисциплина в науке или принципиально новый тип рассуждения. Пожалуй, для всех трёх характерно то общее понимание трансдискурсивности, которое даёт М. Фуко: создание возможности и правил образования других текстов, т. е. установление некой бесконечной возможности дискурсов» [2].

В современной драматургии сложился целый корпус пьес, которые доказывают актуальность анализируемого понятия. К трансдискурсивным авторам относят тех, чьё творчество повлияло на создание новых произведений: А. П. Чехов, Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь. На А. Чехова ориентированы, к примеру, пьесы: «Сахалинская жена» Е. Греминой, «Стакан воды» Л. Петрушевской; на М. Лермонтова – «Памяти Печорина» Н. Садур, «Лермонтов нашего времени» О. Богаева. Если говорить о Ф. Достоевском – это «Dostoevsky-trip» В. Сорокина, «Раскольников» Н. Коляды и др.

Новые произведения интертекстуальны (перекликаются с другими произведениями, ссылаются на них, используют такие литературные приёмы как аллюзию, пародию, цитирование и т.д.) и трансдискурсивны (дают возможность образования новых произведений).

Подводя итог, следует подчеркнуть, что заявленная проблема требует дальнейшего изучения, актуализируя ряд теоретических проблем: какие признаки превращают автора в трансдискурсивного, почему только отдельные писатели демонстрируют необходимый потенциал для порождения традиции, на каком этапе развития литературы можно констатировать, что автор приобрёл характеристики трансдискурсивности и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишель Фуко. Порядок дискурса [Электронный ресурс] / Фуко Мишель. – Режим доступа : <https://studfile.net/preview/5565509/> (дата обращения : 15. 11.2022).
2. Мишель Фуко. Что такое автор [Электронный ресурс] / Фуко Мишель. – Режим доступа : http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt_with-big-pictures.html (дата обращения : 06.11.2022).

SUMMARY

Yuliia Bliashko. Transdiscursive author: to the theory of the issue

In postmodernism, the category of transdiscursivity is one of the most important. At the beginning of the 21st century, the concept of “transdiscursive author” was formed in dramaturgy. According to the totality of features, A. Chekhov, N. Gogol, L. Tolstoy and others can be attributed to transdiscursive authors.

Keywords: transdiscursiveness, tradition, author, transdiscursive author.

Богомолова Валерия

Научный руководитель –

д. филол. н., доц. Соснина Л. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт

иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-БАХУВРИХИ С КАЧЕСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

В данной статье рассматриваются структурные модели прилагательных-бахуврихи с качественным значением. В нашей картотеке встречались композиты, где в качестве ономазиологического базиса выступает именно атрибутивная функция исходного словосочетания, реализованная в суффиксе, что и объясняет сочетание синтаксической и семантической функций.

Ключевые слова: *бахуврихи, качественные прилагательные, семантическая и синтаксическая функции, суффикс.*

Темой предлагаемой статьи является описание структурных моделей прилагательных-бахуврихи с качественным значением. В современной лингвистике существует множество мнений о синтаксической и семантической функциях «бахуврихи». Многообразие подходов и взглядов, отсутствие в современной лингвистике четкой системы критериев, определяющих границы бахуврихи, подтверждает сложность и крайнюю неоднородность элементов группы данных композитов, что и определяет актуальность данной работы. Цель нашего исследования состоит в анализе имеющихся научных подходов к изучению композитов, а также рассмотрению и выявлению структурных моделей прилагательных-бахуврихи с качественным значением в современном русском языке.

В современной лингвистике многие работы посвящены рассмотрению качественных и относительных прилагательных.

А. Ю. Красикова, Г. В. Судаков определяют понятие качества как семантическую основу прилагательного. Изучая проблему средств выражения грамматического значения качественности, формальных элементов, с помощью которых выражается общее грамматическое значение качественного признака, они отмечают, что именно аффикс делает прилагательное прилагательным и значение конкретного качества как лексико-семантического свойства конкретного прилагательного, особенно качественного, выражается всем морфемным составом определенного слова [2, 86].

Мао Янь в своей работе отметил, что основу прилагательных как особого класса слов составляют качественные прилагательные, которые по своему значению подразделяются на 4 группы: 1) размер; 2) возраст; 3) оценка; 4) цвет [3, 145]. Ф. У. Саттарова предлагает классификацию качественных прилагательных, обозначающих: 1) пространственные характеристики (дальнеродственный); 2) цветовые признаки (светловолосый); 3) признаки величины (широколистный); 4) временные признаки (ежеминутный); 5) черты характера (слабохарактерный); 6) интеллектуальные характеристики (слабоумный); 7) физиологические характеристики (здравомыслящий); 8) социальные характеристики (высококвалифицированный) [4, 334].

На сегодняшний день лингвисты сходятся во мнении, что словообразование в русском языке неразрывно связано с лексикологией и с грамматикой. При выполнении словообразовательного анализа необходимо учитывать как внешние особенности, так и семантические взаимоотношения, которые определяют внутреннее содержание производных, их словообразовательную семантику, словообразовательные значения.

В нашей работе мы описываем структурные модели бахуврихи с качественным значением. Бахуврихи относятся к композитам универбализационного типа, сама их модель строится на базе модели исходного словосочетания, которая абсолютно идентична целому композиту и модели структуры сложного слова. Исследуя структурные типы композитов, Л. В. Соснина выделяет модели исходных конструкций, служащие для образования композитов, различающихся по количеству компонентов: 1) двухкомпонентные, 2) трехкомпонентные и 3) четырехкомпонентные [5, 238].

Мы относим бахуврихи к группе двухкомпонентных (высокорослый – высокого роста) и трехкомпонентных (широкоплечий – с широкими плечами) композитов. Для описания исходного словосочетания важен порядок следования его компонентов, поскольку он используется для определения возможных перемещений компонентов при универбализации, а также установление грамматических характеристик его компонентов –

частеречной принадлежности, падежной формы, парадигматической активности [5, 239].

Э. Бенвенист описал бахуврихи как двуплановые сложные слова, сочетающие в себе синтаксическую и семантическую функции [1, 253]. Он утверждает, что именно суффикс указывает на атрибутивную функцию бахуврихи.

Л. В. Соснина, разграничивая ономазиологические модели бахуврихи и деривационных атрибутивных композитов, утверждает, что в бахуврихи атрибутивная посессивная функция исходного словосочетания реализуется при помощи суффикса, выступающего только в качестве «оформителя однословности», не вносящая никаких новых сем в значение исходного словосочетания [5, 261].

Взяв за основу классификацию качественных прилагательных Ф. У. Саттаровой, мы выделили следующие структурные модели бахуврихи с качественным значением:

1. Сильного действия – Прил4ед + Сущ 4ед: *Любопытно, что в препаратах сильного действия (протаргол, протаргентум) серебра меньше, чем в препаратах **сильного действия** (аргин, соларгентум, аргирол и другие), но в раствор они отдают его значительно легче* (Что вы знаете и чего не знаете о серебре и его соединениях // «Химия и жизнь», 1969; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru); **сильнодействующий – оснПрил4ед + инт + оснСущ4ед + суф (ств) + инт + суф (ющ) + парПрил:** *Лиля хватает минералку и залпом выпивает ее, но в воде растворен **сильнодействующий** препарат, и, когда милиция приходит к Лиле, та практически ничего не соображает и под действием лекарства признается в преступлении, которого не совершила* (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004); Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru). В данном случае описывается признак качества препарата.

2. С белыми боками – Предл + Прил5мн + Сущ5мн: *Четвертый человек доставал из машины громадный красный барабан с **белыми боками** и – поставил гулко на траву* (Юрий Петкевич. Явление ангела (2001) Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru); **белобокий – оснПрил5мн + инт + Сущ5мн + парПрил:** *Белобокий сивка на задние ноги оседает, старается... Повыше королевичу в стреланах приподняться надо, чтобы заглянуть в лицо месяцу* (Н. С. Слюсарева. На первой Мещанской // «Волга», 2010; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru).

3. Черный, как уголь – Прил1ед + союз Сущ1ед: *Метрмодель ладонью провел по залитанным, как воронье крыло, волосам, поправил черную бабочку, стал надевать **черный, как уголь**, пиджак* (В. М. Шапко. Грузок, what is it горка and липка? // «Волга», 2014; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru); **угольно-**

черный – **оснПрил1ед + инт + оснСуш1ед + парПрил**: *Угольно-черный осколок размером с драконий зуб сверкал серебристыми осколками, а может, просто молния отражалась в каплях дождя* (kartaslov.ru). На данных примерах ярко выражен цветовой признак композита.

4. Крупного калибра – **Прил2ед + Суш2ед**: *Калибр оружия, которым пользовались агенты, был не меньше 7,65 миллиметра, поскольку выстрел из оружия **крупного калибра** валил преступника с ног* (Г. В. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы (2008); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); **крупнокалиберный** – **оснПрил2ед + инт + оснСуш2ед + суф (н) + пар Прил**: *Ветер донес автоматные и пулеметные очереди. **Крупнокалиберный** пулемет звучал солидно, как контрабас. В ответ на пулеметную стрельбу снова бабахнули гаубицы* (Н. Н. Фоменко. Взять теплые вещи // «Волга», 2016; Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

5. Из двух этажей – **Предл + Числ4 + Суш4мн**: *И это не курятник какой-нибудь, а сложная постройка **из двух этажей** 24 ариш. х 20 ариш.* (Н. П. Окунев. Дневник Москвича (1919); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); **двухэтажный** – **оснЧисл4 + инт + оснСуш4мн + суф (н) + парПрил**: *Он вынул из внутреннего кармана своего ворсистого пиджака альбомчик с фотографиями, показал свой дом в Иоханнесбурге, клинику и еще один красивый **двухэтажный** дом на берегу моря, который он называл дачей* (Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995-2000); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru). На данных примерах демонстрируется признак размера величины.

В. И. Теркулов предположил, что данный конструктор –**ух** – является не интерфиксом, а застывшей флексией, указывающий на падежную характеристику исконной конструкции, в то время как Л. В. Соснина отметила случаи, когда в состав новообразованного прилагательного – композита входит часть основы конструкции, где –**ух**- рассматривается именно, как интерфикс [5, 250]. Например, *двухтомная книга – книга в два тома*.

6. С тремя головами – **Предл + Числ5 + Суш5мн**: *Первой на поляну выскочила огромная собака **с тремя головами*** (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); **трехглавый** – **оснЧисл5 + инт + ЧоснСуш5мн + парПрил**: *Граф Толстой в черном трико, широко взмахивая руками, катил по льду к далекому горизонту; его движения были медленны и торжественны, но двигался он быстро так, что **трехглавый** пес, мчавшийся за ним с беззвучным лаем, никак не мог его догнать* (Виктор Пелевин. Чапаев и пустота (1996); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru). В

данным предложениях описывается признак внешности животного с учетом антропосемичного поля, то есть преобладанием метафоры. В. И. Теркулов в данной конструкции отметил суффиксальную бахуврихи – аббревиатуру с усечением основы главного компонента исходного словосочетания [6; 189].

Таким образом, мы определили структурные модели сложных прилагательных с качественным значением, реализующихся как универбализационные композиты. Перспектива нашего исследования видится нам в рассмотрении бахуврихи русского языка в ономаσιологическом и структурном аспекте и определении их места в лексическом составе современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : УРСС, 2002. – 448 с.
2. Красикова, А. Ю. Качественные имена прилагательные в русском языке XVIII века: проблемы и источники изучения / А. Ю. Красикова, Г. В. Судаков // Вестник череповецкого государственного университета. – 2012. – № 2–1 (38). – С. 86–89.
3. МАО, Я. Качественные значения у относительных прилагательных в русском языке / Я. МАО // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. – 2016 . – № 1. – С. 145–152.
4. Саттарова, Ф. У. Качественные прилагательные. Степени сравнения в русском и узбекском языках / Ф. У. Саттарова, Дирбек Рустамжан Угли Зиятов // Jriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. Scientific Journal Impact Factor. Advanced Sciences Index Factor. www.orins.uz – Апрель, 2022. – С. 332–338.
5. Соснина, Л. В. Адъективные композиты русского языка: структурный и ономаσιологический аспекты / Л. В. Соснина. – Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. МОН ДНР, ДонНТУ, 2017. – 429 с.
6. Теркулов, В. И. Бахуврихи в русском языке / В. И. Теркулов // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2008. – № 2(8). – С. 185–190.

SUMMARY

Valeriia Bogomolova. The structural models of adjectives-bahuvrihi with quality meaning

This article is devoted to consideration of structural models of adjectives-bahuvrihi with quality models. In our card index, we have met the complex words, where the onomasiological model is the attributive function of initial word-combination, realized in suffix. This statement explains the combination of syntax and semantics functions.

Keywords: bahuvrihi, quality adjectives, syntax and semantic function, suffix.

Бондарь Виктория

Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Шишкина И. Е.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностраннных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ УКРАИНСКОГО МАТЕРИАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ О. М. СОМОВА

Исследование посвящено изучению особенностей воплощения украинской темы в художественном наследии О. М. Сомова. Автор приходит к выводу, что украинская тема в творчестве О. М. Сомова является основной. Одной из заслуг писателя стало широкое введение в русскую литературу украинского фольклора, картин малороссийской жизни, быта, изображение украинского национального характера.

Ключевые слова: украинская тема, русский романтизм, О. М. Сомов, Малороссия, фольклор.

Украинская тема – своеобразный художественный феномен в развитии русской литературы первой половины XIX века. Она заняла важное место в творчестве многих писателей и пользовалась особенной популярностью среди романтиков. Эта тема привлекала внимание многих литературоведов: А. И. Белецкого, И. Я. Заславского, З. В. Кирилук, П. В. Михеда, Н. М. Жаркевич, В. Я. Звиняцковского и других. В своих работах они обращались, в первую очередь, к наследию ведущих российских авторов, рассматривая украинскую тему в контексте российско-украинских литературных отношений. Образ Украины, ее природа, героическая история, специфические черты украинского национального характера были предметом размышлений и творческих исканий как для классиков русской литературы – А. Пушкина и Н. Гоголя, так и для писателей второго ряда – Ф. Глинки, К. Рылеева, А. Шаховского, А. Погорельского, Н. Загоскина, Н. Погодина, Ф. Булгарина, Н. Кукольника и многих других. Украинский материал стал благодатной почвой для развития теории и практики русского романтизма. Используя его, романтики реализовали свой интерес к явлениям необычным и экзотическим, фольклору, народным обычаям, мифологии. Обращение к героическому прошлому украинского народа, его борьбе за свободу актуализировало чувство тоски по прошлому,

свободолюбивые настроения, которым принадлежит важная роль в эстетике романтизма.

Особое место среди писателей-романтиков принадлежит выходцу из Украины, известному русскому журналисту, поэту и переводчику первой трети XIX века Оресту Михайловичу Сомову. Одной из характерных особенностей художественного мира О. М. Сомова является «обращение к Украине, с ее героическим прошлым, с ее поэтическими народными песням» [4, 515].

Украинская тема была сквозной в творчестве писателя и с расцветом его таланта претерпела ряд изменений. В первых его стихотворениях («Прости», «Тоска по семье», «Песнь о Богдане Хмельницком, освободителе Малороссии») проявляются сентиментальные мотивы. Со временем народные предания, славянская мифология, украинская история, этнография приобретают доминирующее значение в романтическом творчестве О. М. Сомова. Первым выступлением Сомова-рассказчика, сразу выдвинувшим его в число лучших прозаиков 1820-х годов, стала «малороссийская быль» «Гайдамак» (1825). Здесь автор воспроизводит обобщенную, насыщенную социально-историческим и психологическим драматизмом картину национальной украинской жизни. Широко используя свободолобивые мотивы украинских дум, исторических песен, преданий, О. М. Сомов создает образ романтического героя-борца, сознательно встающего на путь борьбы против гнета и несправедливости.

Повесть «Гайдамак. Малороссийская быль» – первое произведение О. М. Сомова, которое написано на основе исторических и фольклорных материалов. Главный герой повествования был реальной исторической личностью и жил на Украине в середине XVIII века. Образ «малороссийского разбойника и мстителя» Гаркуши был популярен в народе. О его жизни и приключениях рассказывали сказочные и фантастические легенды. Повесть переносит читателей в Малороссию, где очень ярко изображается прежний быт простолюдинов и богачей, веселые ярмарки и «благородные» разбойники. Как отмечает Н. Н. Петрунина: «Элементы юмора, меткой бытовой наблюдательности, превосходное знание народной речи, обычаев, местной этнографии, характерных повадок разных по занятиям, по сословному и национальному облику людей – разгульного чумака, корыстного торговца, плутоватого цыганенка, слепого певца-бандуриста, вольных гайдамаков – сочетаются в «Гайдамаке» с приметам народно-героического, эпического повествования» [2, 14].

Уже в первой своей повести О. М. Сомов вставляет в текст большое количество украинизмов, которые вынужден объяснять русскому читателю, для чего после текста самого произведения добавляет «примечания» с пояснениями украинских слов и реалий, например, «бандура», «багач», «оселедец», «свитка», «ятка».

В незавершенной повести «Гайдамак» писатель делает одну из первых попыток изображения слепого певца-бандуриста, который позже станет символом прошлого в романтической литературе. Включив в текст произведения «Думу о походе Хмельницкого в Молдавию», О.М. Сомов откровенно выражает тоску по временам Богдана Хмельницкого. Фигура Гаркуши идеализируется автором. Изображая эпизоды из жизни «малороссийского» разбойника, О.М. Сомов идет по пути мифотворчества и, как типичный романтик, развивая сюжетную линию, предпочитает вымысел правде.

О. М. Сомов одним из первых среди русских романтиков сосредотачивает свое внимание на образах народной демонологии – русалках и колдунах, ведьмах и упырях. «Как правило, они основаны на подлинном этнографическом и фольклорном материале, снабжены особыми примечаниями и пояснениями. Но главное для романтика Сомова – дух народа, выражающийся в его поверьях и мифологических представлениях», – отмечает Н. Н. Петрунина [2, 112].

Повесть О. М. Сомова «Сказки о кладах» тесно связана с народными поверьями и преданиями, в ней писатель совмещает бытовые и фантастические элементы, используя предание о том, что в ночь на Ивана Купала расцветает папоротник. Описание купальской ночи мы встречаем не только в «Сказках о кладах», но и в рассказе «Купалов вечер». О. М. Сомов и в повести, и в рассказе пытается добиться этнографической точности, сохранить купальскую символику и атмосферу праздника. В обоих произведениях писатель отмечает черты народного мировосприятия, христианского в своей основе, но которому свойственны и черты язычества.

К особенностям творческой манеры О. М. Сомова относится синтез фольклорных, фантастических и бытовых элементов. В одних произведениях на первый план выступают мистические и фантастические мотивы («Купалов вечер», «Бродящий огонь», «Недобрый глаз»), в других – историческое, бытовое и фантастическое приобретают одинаковый вес, примером чего могут служить повести «Русалка» и «Киевские ведьмы». Фольклорные, этнографические элементы, а также мотив колдовства играют большую роль в художественной структуре малорусской легенды «Русалка», которая строится на поверье о появлении русалок среди людей на Зелёной (Троицкой) неделе. В славянской мифологии существуют мифы и легенды о чарующе красивых, соблазнительных хвостатых девах. Как считали славяне, русалки – это души утонувших девушек, которые покончили жизнь самоубийством. В примечаниях к тексту автор поясняет, что русалки «по мнению малороссиян, бегают по лесам на зеленой (Троицкой) неделе, аукают, качаются на деревьях, и если поймут живого человека, то щекочут его до смерти. Посему малороссияне боятся в продолжение сей недели откликаться на лесное ауканье» [3, 145].

В повести «Киевские ведьмы» важное значение имеют народные предания о Лысой горе и ведьмах. Автор «погружает» мистический сюжет в исторический контекст: упоминает исторические имена в тексте повести, ссылается на летописи, а описание шабаша ведьм ассоциируется с соответствующими фрагментами в «Украинских мелодиях» Н. А. Маркевича. О. М. Сомов переплетает элементы мифологии, национальной сказки и реальности, создавая таким образом неповторимый и цельный малороссийский колорит. В лице лихого казака Федора, героя, воевавшего с казачьим полком против утеснителей Малороссии, нашла отражение поэтика «грозного мужества» с кодексом чести и верности Отечеству.

Местом разворачивающегося действия в повести О. М. Сомова становится Лысая гора, временем – ночь. Следует отметить, что Лысая гора – это реально существующая историческая местность на территории Голосеевского района современного Киева. Именно она в произведении предстает самым известным местом шабаша ведьм. На Лысой горе как раз происходит испытание-поединок героя с нечистой силой. В произведении сталкиваются языческий мир и христианская мифология. Безумная демоническая страсть, зачастую носящая сексуальный характер, гипнотический сон, заговорно-заклинательный фольклор, символический хронотоп местности (Лысая гора) являются составляющими элементами языческого мифа, а проблема покаяния и жертвенности – христианского.

Обращаясь к мифологии древнего Киева, фольклору, автор обращается к народным корням. «Даже такие повести, как «Русалка» и «Киевские ведьмы», где фантастические события разворачиваются на фоне исторической жизни, а в «Киевских ведьмах» они совершаются не только в определенном месте – «Киеве златоглавом», но и приурочены к конкретному моменту национально-освободительной борьбы XVII в. Сомов опирался на рукописную «Историю Руссов», в соответствии с которой и описаны конкретные исторические события и рассказаны как бы с позиций народного сознания», – отмечает В. И. Мокляк [1, 28].

Таким образом, украинская тема в творчестве О. М. Сомова имеет не периферийное значение, а является основной. Писатель придал ей новое звучание, обогатил новыми мотивами. Он смело включал в тексты художественных произведений украинизмы, отрывки из народных песен, дум, «Энеиды» И. Котляревского, уделял большое внимание народным поверьям, обычаям и обрядам, широко вводил картины малороссийской жизни, воссоздавая тем самым национальный колорит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокляк, В. И. Циклизация в творчестве русских романтиков / В. И. Мокляк // Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – № 2 (17). – С. 25–29.
2. Петрунина, Н. Н. Орест Сомов и его проза / Н. Н. Петрунина // Были и небылицы. – М. : Сов. Россия, 1984. – С. 3–20.
3. Сомов, О. М. Малороссийские были и небылицы / О. М. Сомов. – М. : Сов. Россия, 1984. – 368 с.
4. Степанов, Н. Л. Прозаики двадцатых–тридцатых годов [XIX века] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. VI. Литература 1820–1830-х годов. – 1953. – С. 501–562.

SUMMARY

Victoria Bondar. Artistic development of Ukrainian material in O. M. Somov

The study is devoted to the study of the peculiarities of the embodiment of the Ukrainian theme in the artistic heritage of O. M. Somov. The author comes to the conclusion that the Ukrainian theme in O. M. Somov is the main one. One of the writer's merits was the widespread introduction to Russian literature of Ukrainian folklore, pictures of Little Russian life, everyday life, and the depiction of the Ukrainian national character.

Keywords: Ukrainian theme, Russian romanticism, O. M. Somov, Little Russia, folklore.

Гелюх Наталья

*старший преподаватель
кафедры начального образования
ГОУ ВО ЛНР «Луганский
государственный педагогический
педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР, РФ*

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В статье рассматривается воспитательный потенциал региональных текстов, позволяющий приобщить будущих педагогов к культурному наследию «малой родины», совершенствовать их филологическую компетентность, патриотизм, нравственную, эстетическую языковую культуру.

Ключевые слова: *региональный аспект, воспитательный потенциал, литературно-языковое краеведение, филологическая компетентность, социокультурная среда, языковые явления.*

Первоочередной, наиболее актуальной образовательной задачей современного российского общества является формирование у юных граждан любви к Родине, знание культуры и традиций своего народа.

Одним из важнейших направлений молодежной политики в современных условиях является патриотическое воспитание, что отражено в Законе «Об основах государственной молодежной политики» № 48 – ПЗ/15 от 22 мая 2015 г., и Законе «О системе патриотического воспитания граждан Луганской Народной Республики».

Региональный аспект современного образования предусматривает привлечение языкового материала краеведческой направленности, его анализ и обсуждение, возможность распознать ценностную проблематику, ее эволюцию и взаимосвязь ценностных образований. Обучающиеся получают возможность осмыслить воспитательный потенциал регионального материала, где ценностные парадигмы рассматриваются как «сквозные мотивы – своеобразные меридианы культуры» [4], к которым следует отнести гуманизм и человеколюбие, любовь к родному краю, уважение к культурному и духовному наследию, знание своей истории и бережное отношение к родной земле.

Региональный компонент в современной системе образования позволяет приобщить будущих педагогов к истории и культурному наследию своей Отчизны, в частности «малой родины», привить чувство уважения к землякам – честным, работающим, открытым людям.

С учетом особенностей языковой среды нашего региона работа с подобным лингвистическим материалом способствует формированию филологической компетенции, т. е. речевых умений в различных сферах коммуникации, репродуцированию и продуцированию собственных высказываний краеведческой тематики, обогащенных новой информацией.

По мнению академика Д. С. Лихачева, краеведение является наиболее массовым видом науки. Любовь к своему краю, народу воспитывается на основе знаний собственной национальной истории, культуры, обычаев и традиций предков [1]. Литературно-языковое краеведение способствует развитию культурологической и шире – социокультурной компетенций студентов [2; 3; 5].

Мы считаем тексты краеведческого содержания важным средством когнитивной методики обучения русскому языку, что является основой филологической компетенции будущего

учителя начальной школы. Это специально подобранные тексты: художественные, научные, публицистические, адаптированные или созданные преподавателем. В них отображается широкий спектр жизни республики, её прошлое и настоящее.

В плане тематической направленности эти тексты могут быть посвящены:

- истории ЛНР, ее городов, сел, поселков, отдельных предприятий и учреждений образования и культуры;
- памятникам, обелискам, зданиям, памятным местам;
- исторически значимым персоналиям (героям Великой Отечественной войны и войны на Донбассе, выдающимся писателям и артистам, спортсменам и художникам, космонавтам и ученым, героям труда – нашим землякам);
- традиционным для края ремеслам;
- природным «жемчужинам» Луганщины.

В текстах чрезвычайно важна и такая исторически сложившаяся уникальная особенность Донбасса, как многонациональность населения региона, и «русскость» менталитета, духовной жизни, культуры наших людей, т. е. их принадлежность к Русскому миру, самоидентификация, особенности языковой ситуации, специфика речевого поведения.

Так, предлагая студентам при изучении темы «Пунктуация в сложноподчиненном предложении» в курсе «Практикум по современному русскому языку» и «Практикум по орфографии и пунктуации» текст **обучающего диктанта**, мы, безусловно, уделяем внимание не только знакам препинания.

Донбасс. Донбасс... Вот приехал Алексей сюда в двадцать три года, и жизнь словно бы наполнилась совершенно иным – более значительным, важным содержанием! И сердце застучало учащеннее, бодрее, и мысль заработала шире и четче, и на душе стало радостнее, полнее. Как будто после долгих вынужденных странствий возвратился в отчий дом, в родную стихию.

Удивительно: Стаханов даже сам не подозревал, что так привязан к этому краю. И только сейчас со всей очевидностью понял, что, когда ему бывало грустно, когда что-то тяжелое опускалось на сердце, это означало, что ему не хватает вот этих людей, с которыми вчера и сегодня общался, вот этого воздуха, насквозь пропитанного запахами угля и колчедана, вот этой необходимости личного присутствия здесь, причастности к тому большому, что тут происходит, совершается, творится людьми, имя которым – шахтеры.

Гениальное зачастую кроется в простом, великое – в обыденном. И тот, кто творил гениальное и кто совершал великое, скорее всего не осознавали этого, не думали, что люди назовут дело их рук подвигом.

Нельзя, конечно, сказать, что Алексей шел на ту смену, которой суждено было перевернуть, изменить всю его жизнь, всколыхнуть и потрясти страну, так же спокойно, уравновешенно, как ходил ежедневно на обычные смены. И никак нельзя. Ждал он ее с трепетом сердца, с неведомым ему ранее волнением... Не кривил душой Алексей и не хвастал, просто был уверен: выдюжит, лишь бы не помешало что-нибудь неожиданное. Потому и не увидел никто волнения на лице Стаханова, когда шел он на решающую смену (По Г. Довнару).

После первого прослушивания проводим **беседу** со студентами:

1. Что вы знаете об Алексее Стаханове?
2. Когда человек более всего ощущает привязанность к земле, на которой он живет? Как это объясняет себе герой Г. Довнара?
3. Какие чувства, по вашему мнению, испытывал он в то утро?
4. Почему эта смена оказалась **решающей** (найдите эпитет в тексте) в жизни и молодого человека и всей страны?

Послетекстовые задания

1. Озаглавьте текст. Обоснуйте свое решение.
2. Что вы знаете о жизни и творчестве Г. Довнара?
3. Как понимаете слова Геннадия Довнара: «Гениальное зачастую кроется в простом, великое – в обыденном». Приведите пример таких «решающих смен» из деятельности других наших земляков или персонажей литературных произведений, созданных писателями Донбасса.
4. Как вы понимаете выражение «трудиться по-стахановски»?
5. Только ли к шахтерам относится это определение?
6. Проанализируйте, в каких фрагментах текста и с какой целью чаще используются наречия в сравнительной степени, однородные члены предложения, однородные придаточные?
7. Подберите синонимы к глаголу **выдержать** (вынести, снести, перенести, стерпеть, перетерпеть, выдюжить). Почему автор выбирает из этого синонимического ряда просторечное **выдюжить**?

Нами показан лишь небольшой фрагмент работы с региональными текстами, которые дают возможность совершенствовать филологическую компетентность, ее аксиологическую направленность, воспитывая патриотизм, любовь к родному краю, расширяя кругозор будущих учителей начального образования, обогащая их новой информацией средствами учебных дисциплин филологической направленности. При этом необходимо учитывать особенности языковой и социокультурной среды нашего региона. У будущих специалистов сферы образования появляется возможность на региональном материале критически оценивать языковые явления, развивать

внимание к слову и бережное к нему отношение, повышается мотивация к изучению филологических дисциплин, формируются умения работать в группах и индивидуально, появляется хороший языковой вкус. Работа с региональными текстами формирует патриотическую, эстетическую, нравственную и языковую культуру будущего педагога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев, Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. – М. : Искусство, 2000. – С. 159–173.
2. Носкова, З. А. Десять вечеров со словарем В. И. Даля: пособие для внеклассной работы по русскому языку / З. А. Носкова, И. И. Постникова. – Луганск: Альма-матер, 2001. – 122 с.
3. Родного края корни и листва...: учебное пособие / Г. В. Звездова, О. В. Ланская, Ю. В. Миронова, Л. Б. Яковлева. – Липецк : ЛГПУ, 2008. – 232 с.
4. Шуравлев, А. М. Реализация аксиологического потенциала художественных концептов при исследовании сквозных мотивов русской литературы / А. М. Шуравлев // Наука и школа. – 2012. – № 2. – С. 79–82.
5. Юган, Н. Л. Литературное краеведение / Н. Л. Юган. – Луганск : Альма-матер, 2005. – 125 с.

SUMMARY

Nataliya Geluh. Educational potential of regional texts in the professional training of future teacher

The article examines the educational potential of regional texts, which allows future teachers to become familiar with the cultural heritage of the “little motherland”, to improve their philological competence, patriotism, moral, aesthetic language culture.

Keywords: regional aspect, educational potential, literary and linguistic local lore, philological competence, socio-cultural environment, linguistic phenomena.

Грунистая Альбина
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Жихарева Н. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ЧАСТОТНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ РЕЧЕВУЮ АГРЕССИЮ, В РАМКАХ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ РОМАНА ДИНЫ РУБИНОЙ «МАНЬЯК ГУРЕВИЧ»

Проблема распространения речевой агрессии является актуальной, так как связана не только с проявлением негативных эмоций, но и с манипулятивным воздействием на адресата. В данной работе мы выявили тенденции к использованию лексических и грамматических единиц агрессивных косвенных речевых актов в рамках романа Дины Рубиной «Маньяк Гуревич».

Ключевые слова: *речевой акт, косвенный речевой акт, количественный анализ, грамматические единицы, лексические единицы.*

Активное проявление речевой агрессии является негативной тенденцией на современном этапе развития языка. К. Ф. Седов дает следующее определение данному явлению: «Речевая агрессия – целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия» [2, 197]. Таким образом, мы говорим о том, что проявление речевой агрессии по отношению к адресату речи является не просто проявлением негативного психо-эмоционального состояния, но и является попыткой оказать манипулятивное воздействие на оппонента.

Для того, чтобы отследить тенденции в построении косвенных речевых актов, которые несут в себе элемент речевой агрессии, мы обратились к примеру современной прозы, а именно к роману Дины Рубиной «Маньяк Гуревич». Мы исследовали косвенные речевые акты, реализованные в рамках диалогического взаимодействия персонажей произведения. Стоит отметить, что мы опирались на понятие речевого акта, которое представлено в Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой: «Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого

поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [1, 412].

В рамках проведенного нами анализа были выделены следующие группы: местоимения, имена существительные, глаголы, имена прилагательные и группу, которую мы условно озаглавили как «имена собственные, названия, понятия».

В отношении использования местоимений в исследуемом нами материале прослеживается четкая тенденция к использованию местоимений первого и второго лица. На местоимения первого лица приходится 52% от всех использованных местоимений, в то время как на местоимения второго лица – 48%, что говорит о том, что в выборе тактики оказания речевого влияния на оппонента адресанты речи в равной степени склонны апеллировать как к собственному опыту, так и к личности оппонента. Наиболее часто встречаются местоимение первого лица единственного числа в именительном падеже и местоимение второго лица множественного числа в винительном падеже. Каждое из данных местоимений встречается в 26% случаев. Следующими наиболее часто встречающимися местоимениями выступают местоимения второго лица единственного и множественного числа в именительном падеже, которые были отнесены нами в одну группу, так как выбор числа при использовании данных местоимений во многом ситуативно и социально обусловлен. На данную группу местоимений приходится 17% случаев.

Что касается употребления имен существительных, то нами они были условно разделены на семантические группы. К первой группе, которая составляет 7% от всех исследуемых имен существительных, мы отнесли существительные-номинативы подчеркнуто негативной коннотации, такие как *маньяк*, *алкаш*, *психи* и т.д. Вторая группа включает в себя имена существительные, которые указывают на место. В нее были отнесены такие существительные, как *лужа*, *дом*, *страна*, и она составляет 13% от общего количества исследуемых имен существительных. К третьей группе мы отнесли имена существительные, которые называют предметы одежды. Существительные, входящие в состав данной группы, составляют 7% от общего числа. Четвертая выделяемая нами группа, включает в себя такие имена существительные, как *сын*, *врач*, которые используются для обозначения места личности в рамках социального пространства. Наиболее же обширной оказалась пятая группа, которая составляет 40% всех рассматриваемых нами имен существительных. В данную группу вошли имена существительные, которые связаны с ментальной сферой жизни человека, а именно такие существительные, как *сознание*, *небытие*, *память* и т.д. Обширность данной группы мы связываем со спецификой тематики романа.

При анализе имен прилагательных, нами выделялись две группы. В первую группу вошли имена прилагательные, обладающие положительной коннотацией, а во вторую – негативной. В ходе анализа нами была прослежена тенденция к более широкому использованию имен прилагательных с негативной коннотацией, таких как *ужасный*, *избитый* и т.д., которые составили 55% от всего исследуемого материала. Однако в связи с тем, что имена прилагательные, обладающие положительной коннотацией, представлены также достаточно обширно, мы не можем говорить о явном превалировании первой группы над второй.

Анализируя глаголы, мы опирались на такие их характеристики, как вид и время глагола, а также их смысловое наполнение. Определили, что 48% исследуемых нами глаголов принадлежат к совершенному виду и 52% – к несовершенному, что не дает оснований говорить о четкой прослеживаемой тенденции в данном случае. Что касается категории времени глагола, то в данном случае можно говорить о тенденции к использованию глаголов настоящего времени. Они составляют 46% от всех рассмотренных нами глаголов. Следующими по численности являются глаголы будущего времени, которые составляют 29%. На глаголы прошедшего времени приходится 25% рассмотренных нами случаев.

В рамках выделенных нами на основании лексического значения глаголов тематических групп можно проследить следующее их распределение. В первую группу мы поместили глаголы, которые обозначают действие, и на них пришлось 46% от всех проанализированных нами глаголов, что делает данную группу наиболее многочисленной. Вторая по численности группа составляет 39% от общего количества и включает в себя глаголы, которые связаны с ментальной деятельностью. К третьей группе мы отнесли глаголы, которые выражают значения возможностей и обладания. Данная группа составляет 15% всех проанализированных нами глаголов.

Также интересным фактом является то, что в рамках выделенной нами группы «имена собственные, названия, понятия» явное доминирование принадлежит лексическим единицам, связанным с религией. Они составляют 44% от всех лексических единиц данной группы.

Таким образом, можно говорить о том, что в рамках проанализированных нами косвенных речевых актов, выражающих речевую агрессию в рамках романа Дины Рубиной «Маньяк Гуревич», можно выделить следующие тенденции. Наиболее частое использование местоимений «я» и «*вас*» говорит о том, что адресаты агрессивных речевых актов выбирают тактику апеллирования к своему опыту или личности в позитивном ключе в равной степени

с обращением к опыту и личности оппонента, но уже в негативном контексте. Достаточно обширные семантические группы глаголов и существительных, связанных с ментальной деятельностью, могут быть объяснены спецификой романа. Превалирование имен прилагательных с негативной коннотацией не дает нам права говорить о четко прослеживающейся тенденции в их употреблении, так как расхождение с прилагательными, содержащими в себе положительную коннотацию, являются незначительным. Достаточно обширное использование глаголов настоящего времени дает нам возможность предполагать, что адресаты речи в большей степени апеллируют к настоящему, видя в этом более эффективную тактику манипуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
2. Седов, К. Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии / К. Ф. Седов // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003. – С. 196–212.

SUMMARY

Albina Grunistaya. Frequency of lexical and grammatical units expressing speech aggression within the framework of indirect speech acts of Dina Rubina's novel «Maniac Gurevich»

The problem of the spread of verbal aggression is relevant, as it is associated not only with the manifestation of negative emotions, but also with a manipulative effect on the addressee. In this work, we have identified trends in the use of lexical and grammatical units of aggressive indirect speech acts in the framework of Dina Rubina's novel «Maniac Gurevich».

Keywords: speech act, indirect speech act, quantitative analysis, grammatical units, lexical units.

Демченко Наталья
Научный руководитель –
д. филол. н., доц. Соснина Л. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностраннных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ЭТНОФОЛИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ)

В работе рассматривается этнофолизм как инструмент разжигания этнической ненависти. Употребление подобных наименований ведёт к продолжению агрессивной коммуникации или формированию определённого негативного отношения к другим народам.

Ключевые слова: *этнофолизм, экспрессивный этноним, речевая агрессия, язык вражды, интернет-комментарий.*

Проявление речевой агрессии в Интернет-пространстве укоренилось достаточно прочно. Однако современная геополитическая ситуация ещё активнее способствует возникновению агрессивных речевых актов. Маркерами подобных речевых актов могут служить абсолютно разнообразные языковые средства. В данной работе предлагается изучить реализацию специфических экзоэтнонимов как инструмента речевой агрессии в Интернет-комментарии в пределах сайтов, которые освещают текущие политические события в мире. Наш научный интерес вызван необходимостью проследить тенденции к употреблению этнофолизмов для образования или поддержания конфликтной коммуникативной среды, а также изучить основные объекты агрессии в условиях сложившейся политической ситуации.

Прежде всего стоит рассмотреть определения, предлагаемые для термина «экзоэтноним». Фактически, это понятие считается разновидностью этнонимов. Согласно большинству источников (*Справочник по этимологии и исторической лексикологии, Большая российская энциклопедия и др.*) под экзоэтнонимом понимается «этнические названия, данные другими народами (немцы, венгры, армяне, цыгане, албанцы, в том числе презрительные – москали, кацапы, хохлы)» [3].

В научной литературе для обозначения непосредственно экзоэтнонимов с пейоративной коннотацией существует специальный термин – этнофолизм или экспрессивный этноним. Мы предлагаем придерживаться термина «этнофолизм», поскольку он более точно

отражает суть явления. В связи с тем, что наше исследование в целом посвящено манифестации речевой агрессии, в рамках данной работы предметом исследования выступают именно этнофолизмы. А. И. Грищенко характеризует экспрессивные этнонимы как уничижительные номинативные единицы для представителей расовых, национальных или этнических групп [2, 40]. И. З. Борисова также отмечает, что такие наименования (прозвищные этнонимы) обладают яркой уничижительной окраской и носят сниженный стилистический характер [1, 70].

Т. В. Тонтоева, изучая динамику этнической идентичности, резюмирует, что этнофолизмы и существующие в научных изысканиях синонимы (экстроним, этнодисфемизм, этнические ярлыки и т. п.) являются отражением расистского дискурса [4, 98].

Объективным нам кажется мнение, что события 2022 года привели к жесточайшим проявлениям «языка вражды». В настоящий момент средства массовой информации регулярно освещают новости, связанные со специальной военной операцией. Изучая Интернет-комментарии всего нескольких новостных сайтов, мы отмечаем разнообразие употребления этнофолизмов. В основном, они выражены следующими вариантами: а) клишированные (хохлы, англосаксы, укры), б) граффоны (хАхлы, бандЭрлоги) и в) оригинальные (хохлодуи, салоежки, укропитеки).

Новостные Интернет-ресурсы, на наш взгляд, представляют менее опасные «очаги» этнической ненависти, чем политические форумы. Причинами подобного вывода являются: ограничение доступа к сайтам из-за Интернет-провайдера (например, доступ к сайтам, содержащим «.ua» в адресе *https*, заблокирован), отключение функции «оставить комментарий» (для особенно «острых» новостей) и работа модераторов.

Материалы для иллюстрации употребления этнофолизмов были извлечены методом сплошной выборки из российских новостных Интернет-СМИ (комментарии, оставленные пользователями на сайтах «Риа новости», «Lenta.ru» и «Ura.news»: публикации за ноябрь 2022 года).

Комментарии с интересующим нас явлением за обозначенный период на сайте «Риа новости» в основном транслируют агрессию в сторону США и Великобритании (*«У нас об этом тоже все давно пишут. Это понимают даже наши пенсионеры и дети. Англосаксы – ворье и всегда им были исторически»* [8], *«Очень хорошо! Действия америкосов позволяют напрячься всем странам и искать пути ухода с долларовой иглы, скорее бы это случилось»*, *«бла бла бла. амеры всегда говорят одно, а делают другое»* [5]). Здесь прослеживаются клишированные этнофолизмы. Предложенные варианты широко известны и часто употребляются в Интернет-пространстве и

других средствах массовой информации. Несмотря на насыщенный событиями период, комментарии с этнофолизмами в отношении других народов не замечены. Однако следует отметить, что для некоторых новостных текстов функция «оставить комментарий» была отключена.

В комментариях на сайте «Lenta.ru» также можно обнаружить клишированные примеры данного явления, например: *«Пока только **укры** Польшу мочат, пусть привыкают», «А российская разведка утверждает, что это **америкосы** бомбанули для провокации. Самолёт ваш уже видели, есть свидетели»* [7]). Преимущественно, здесь этнофолизмы наблюдаются в отношении украинцев. Рассмотрим следующий комментарий: *«Зачем вы расстреливаете мирных жителей, **хахлы**?? Смысла в убийстве мирных поляк никакого...»* [7]. Данный вариант предлагается отнести к примерам второй группы – граффона: умышленная замена орфографической нормы. Цель данного граффона, на наш взгляд, заключается в попытке усиления уничижительного и комичного эффектов.

Реакцию на упавшую ракету на территории Польши (и вытекающие из-за данного происшествия расследования и споры) мы изучили в комментариях на Интернет-ресурсе «Ura.news». В исследуемом материале наблюдаются те же клишированные этнофолизмы, но можно встретить несколько иных примеров: *«Сам Байден признал, что они не могли прилететь со стороны России. Очередная провокация **хохлодуев**», «Думаю, к Зей мировой никто не готов, видимо, только **иляхтичи** и **бандэрлоги** думают, что запад готов»* [6]. Особый интерес вызывает, безусловно, первый пример – оригинальный этнофолизм. В комментариях он встречается крайне редко, поэтому природу его образования предстоит изучить детальнее.

Таким образом, мы отмечаем, что количество случаев употребления этнофолизмов в комментариях на новостных Интернет-ресурсах напрямую зависит от самой новости: чем значимее событие в геополитическом масштабе, тем чаще прослеживаются примеры данного феномена. Рассмотренные случаи способствовали попытке классифицировать этнофолизмы в пределах полученных данных. Перспективу дальнейшего исследования видим в подробном изучении оригинальных этнофолизмов и их происхождении; в изучении форумов, социальных сетей и других средств массовой информации с целью выявления других этнофолизмов и определения их агрессивной коннотации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, И. З. Этноним «китаец» / «chinois» в этнофолизмах на примере французского языка // Ученые записки Забайкальского

- государственного университета. – Серия : Филология, история, востоковедение, 2014. – № 2. – С. 69–74.
2. Грищенко, А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Международной конференции 8-9 июня 2007 г. / гл. ред. Н. А. Николина. – Ярославль : Ремдер, 2007. – С. 40–52.
 3. Справочник по этимологии и исторической лексикологии (краткий) // Научная библиотека: Русский язык. – Электр. ресурс. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/historical-lexicology/fc/slovar-221.htm#zag-496> (дата обращения: 14.11.2022).
 4. Тонтоева, Т. В. Этнофолизмы как индикаторы динамики этнической идентичности // *Juvenis scientia*. – No. 2. – 2016. – С. 97–100.
 5. В конгрессе США заговорили о резкой смене политики в отношении Украины // Риа Новости. – Электр. ресурс. URL: <https://ria.ru/20221115/ukraina-1831697285.html> (дата обращения: 15.11.2022).
 6. В МИД Украины призвали жестко ответить на падение ракет в Польше // Информационное агентство «Ura.ru». – Электр. ресурс. URL: <https://ura.news/news/1052603483> (дата обращения: 17.11.2022).
 7. В разведке США заявили о причастности России к падению ракет в Польше // Политика_Мир_ Lenta.ru. – Электр. ресурс. URL: <https://lenta.ru/comments/news/2022/11/15/rossiiskie/> (дата обращения: 15.11.2022).
 8. Китайцы выяснили, зачем США хотят захватить золотовалютный резерв России // Риа Новости. – Электр. ресурс. URL: <https://ria.ru/20221115/zoloto-1831623260.html> (дата обращения: 15.11.2022).

SUMMARY

Natalia Demchenko. Ethnophaulism as a tool of verbal aggression (based on the material of Internet commentary)

The ethnophaulism is considered as a tool for inciting ethnic hate. The use of such nominations leads to the continuation of aggressive communication or the formation of a certain negative attitude towards other peoples.

Keywords: ethnophaulism, verbal aggression, evocative ethnonym, hate speech, Internet commentary.

Дмитриева Анна
старший преподаватель
кафедры лингвистики
ГБОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк, ДНР, РФ

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В данной работе рассматриваются особенности юридической терминологии, виды терминов, полисемия в сфере юриспруденции. Даны рекомендации по употреблению юридических терминов. Предложены меры по устранению терминологической неопределённости.

Ключевые слова: *термин, юридический термин, терминология, терминологическая неопределённость.*

Изучение терминологии в современном мире имеет большое значение. Она связывает различные области знаний и способствует разграничению понятий. Научно-технический прогресс способствует постоянному развитию системы терминов.

Актуальность темы данного исследования заключается в том, что юридическая система терминов является одной из наиболее значимых. Информативная качественность может быть достигнута только при условии правильного использования профессиональной терминологии. Решение правовых коммуникативных задач невозможно без глубокой научной разработки юридических понятий, их анализа и точного определения. Норма права обобщает, типизирует определённые жизненные ситуации, что находит отражение в словах-терминах.

Цель – исследовать структуру юридической терминологической системы.

Анализ особенностей юридической терминологии, выявление мер по устранению терминологической неопределённости, разработка рекомендаций по употреблению юридических терминов – основные задачи исследования.

Вопросам изучения юридической терминологии в направлении сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания посвящены труды Н. К. Гарбовского, В. Н. Комиссарова, Д. С. Лотте, В. М. Лейчика, Л. Л. Нелюбина, А. С. Одинцовой и др.

Термин – это специальное слово или словосочетание, принятое в определенной профессиональной сфере и употребляемое в особых условиях [1, 136].

Терминология изучает формирование и употребление специальных слов, при помощи которых передаются знания;

ищет пути для создания новых терминов; совершенствует уже существующие. Она является неотъемлемой частью правовой системы.

Совокупность единообразных и надлежаще оформленных юридических терминов, которые используются в правовой практике, составляют юридическую терминологию. Именно благодаря ей создаётся экономия сотни слов. Её развитость свидетельствует об уровне культуры законотворчества.

Юридический термин является обобщённым наименованием юридического понятия, он имеет точный и определенный смысл, отличается функциональной устойчивостью, смысловой однозначностью.

В текстах законов используются три вида терминов: а) общеупотребительные: *«документ»*, *«строение»*, *«здание»*. Они могут становиться юридическими. Термин *«правовое пространство»* из общеупотребительного преобразовался в специально-юридический. Термин *«делегация»* обычно обозначает группу лиц, которые представляют интересы коллектива, организации, государства на определённых встречах, а в конституционном праве – это передача представительным органом ряда законотворческих полномочий исполнительной власти. *«Эмансипация»* ассоциируется в повседневной речи с равноправием женщин, а в гражданском праве обозначает несовершеннолетнего, который является полностью дееспособным и своими действиями исполняет обязанности, осуществляет гражданские права. Если он работает по трудовому соглашению *«трудовая эмансипация»* или, если он вступил в брачные отношения? *«брачная эмансипация»*.

б) технические, имеющие смысл, принятый в области специальных знаний – медицины, техники, экономики, биологии: *«депозит»*, *«промышленное предприятие»*, *«делимитация»* и т.д.

в) специально-юридические, имеющие особый юридический смысл: *«залог»*, *«владение»*, *«перевод долга»*, *«правомерное поведение»*.

Применение полисемичных (многозначных) терминов в сфере юриспруденции обусловлено тем, что специальные термины могут быть разными по вложенному в них содержанию. Так, *«задержание»* в уголовном праве отличается от термина *«задержание»* в гражданско-процессуальном. По-разному воспринимается термин *«гарантия»* в гражданском и конституционном праве. *«Декларация»* в конституционном праве рассматривается как документ, имеющий рекомендательный характер, провозглашающий принципы; в таможенном праве – это заявление, которое предоставляется при провозе ценностей через границу; в налоговом – заявление о доходах, которые получены в течение года.

Точность и однозначность выражений в юридической практике не допускает применения многозначности и синонимии.

В результате проведённого исследования были составлены рекомендации по употреблению юридических терминов:

1. Минимизировать использование непонятных и очень сложных терминов. Отдавать предпочтение понятным и простым.

2. Избегать устаревших понятий.

3. Употреблять термины в прямом и широко признанном смысле. Переносный смысл недопустим.

4. Не использовать термины, допускающие инотолкование.

5. Не обременять законодательный текст терминами, заимствованными из иностранных языков. Употреблять их в случае крайней необходимости.

6. В связи с относительной стабильностью и устойчивостью терминологии, не применять чрезмерное количество неологизмов и модернизмов.

7. При отборе терминов отдавать предпочтение лаконизму, стандартности, экономичности языковых средств, доступности.

8. Воздерживаться от не оправдавших себя слов и терминов, взятых из бюрократического языка.

9. Неукоснительно соблюдать требование единства применения юридической терминологии.

Терминологическая неопределённость приводит к неточному использованию терминов, употреблению их без должного уточнения в контексте.

Устранить терминологическую неопределённость можно при помощи следующих мер:

1. Унификация терминологии, исключение синонимов и омонимов.

2. Замена неточных слов на однозначно толкуемые.

3. Придание терминам специального содержания, которое отличается от общепринятого, уточнение.

Юридические термины выполняют в сфере юриспруденции одну из главных ролей. «Чем богаче терминологический фонд, подробнее обработана и шире используется специальная законодательная лексика, тем в большей мере достигаются устойчивость, определённость и лаконичность[2, 62].

Юридическая терминология требует постоянного совершенствования. Только при правильном использовании юридических терминов можно повысить качество нормативно-правовых актов и законов. Для качественной подготовки подобного рода документации необходим обязательный учёт лингвистической характеристики слова, которое выступает в роли термина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – Том II. – М., 1982. – 136 с.
2. Керимов, Д. А. Законодательная техника / Д. А. Керимов. – М., 1998. – 62 с.
3. Кураков, Л. П. Экономика и право: словарь-справочник / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков. – М. : Вуз и школа, 2004. – 1072 с.

SUMMARY

Anna Dmitrieva. Features of legal terminology

This paper examines the peculiarities of legal terminology, types of terms, polysemy in the sphere of jurisprudence. Recommendations for the use of legal terms are given. Measures for elimination of terminological uncertainty are offered.

Keywords: term, legal term, terminology, terminological uncertainty.

Добровольская Наталия

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Шишкина И. Е.

ГОУ ВПО «Горловский институт

иностраннных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ФУНКЦИИ

БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА В РОМАНЕ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

«ГОСПОДА ГОЛОВЛЁВЫ»

В работе рассматривается использование и интерпретация текста Священного Писания в художественном пространстве романа-хроники М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы». Выявление специфики функционирования библейского слова в произведении позволило прийти к выводу, что библейский контекст является основополагающим для построения сюжетной, образной и мотивной структуры романа, а также определяет его идейную составляющую.

Ключевые слова: *М. Е. Салтыков-Щедрин, роман «Господа Головлёвы», библейский текст, мотив, миф, притча.*

Несмотря на то, что творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина всесторонне изучено видными исследователями русской литературы XIX века (В. Я. Кирпотиним, А. С. Бушминым, Е. И. Покусаевым, С. А. Макашиным, Д. П. Николаевым и др.),

роман «Господа Головлёвы» продолжает привлекать к себе внимание литературоведов. С этим связана актуальность темы нашего исследования. «В историко-литературных исследованиях последних лет в наибольшей степени актуализированы три аспекта изучения романа. «Господа Головлёвы» продолжают рассматриваться в контексте русского семейного романа и семейных хроник. Иудушка изучается в статусе «ментального героя». Но наиболее новым и перспективным среди исследовательских подходов считается сопоставительное соотнесение «Господ Головлёвых» с евангельским – шире – библейским текстом» [1].

Композиционной особенностью романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» является то, что он не имеет традиционного романного сюжета, а составлен из очерков, связанных общей семейной темой. Кроме того, единство произведения определяется сквозными библейскими мотивами, которые необходимы писателю как способ характеристики персонажей, как некий принцип, на котором строится их мировоззрение, как выразитель авторской мысли. Святые образы, евангельские мотивы необходимы для характеристики крайней степени нравственного оскудения членов вымирающего семейства Головлёвых.

Смысловым и сюжетообразующим началом романа-хроники «Господа Головлёвы» являются притча о Блудном сыне, миф о предательстве Иуды, легенды о Страшном Суде и крестных мучениях Христа.

К притче о Блудном сыне М. Е. Салтыков-Щедрин обращается в связи с тем, что она тесно связана с проблематикой «Господ Головлёвых»: ведь в центре произведения находится семья, семейные узы, вернее, их отсутствие, и весь обличительный пафос романа направлен на развенчание этого «краеугольного камня» общества. Писатель акцентирует внимание на том, что судьба всех представителей семейства Головлёвых – это разные варианты драмы Блудного сына. В течение всего повествования мы наблюдаем, как в определенный момент своей жизни все они покидают семью, рвут все связи с родными, но в конце концов после многочисленных бед и скитаний возвращаются в Головлёво.

Впервые эта тема появляется в истории со Степаном – старшим головлёвским сыном. Но в притче блудного сына встретил с ликованием и радостью отец, Степана же встречает злая старуха мать, от которой он не ждет добра и ласки. Затем настанет очередь Порфирия – Иудушка тоже оказывается никому не нужен: мать боится, что он лишит ее имущества, братья

не испытывают к нему родственных чувств. Дальше развитие мотива блудного сына прослеживается между самим Иудушкой и его сыном Петенькой, а затем и с племянницей Аннинькой, которая больная и измученная вернулась в постылое Головлёво, чтобы там умереть.

Как видим, в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина библейская притча существенно трансформируется: ни один из головлёвских «блудных сыновей и дочерей» не получит ни прощения, ни избавления от бедствий, ни любви и понимания. Все они находят только равнодушие, пустоту и смерть. И связано это во многом с тем, что героям оказывается некуда и не к кому возвращаться. Писатель с самого начала романа дает понять, что семьи как таковой нет, что только создавалась видимость крепкой семьи. Вся та «семейная твердыня», которую неумоимо год за годом строила Арина Петровна, оказалась только призраком.

В «Господах Головлёвых» притча о Блудном сыне определяет духовную основу жизни, она становится символической формой воплощения идеальных, истинных семейных отношений. М. Е. Салтыков-Щедрин проводит мысль о том, что только крепкие семейные узы дают ощущение полнокровного и гармоничного существования, и поэтому именно эта притча становится в произведении тем нравственным критерием, по которому оценивается жизнь героев. Господа Головлёвы не выдерживают такой проверки, и каждый из членов семьи получает соответствующее наказание. Таким образом, притча о Блудном сыне делает логически обоснованным возникновение в романе мотива расплаты, Божьего наказания, с помощью которого нагнетается жуткая атмосфера угасания и вырождения головлёвского рода.

Весь текст романа пронизан ветхозаветными и новозаветными притчами и легендами. «Вплетенные чаще всего в речь героев, они прежде всего оказываются важными для создания характеров персонажей. Библейский текст в этом случае несет на себе серьезную смысловую нагрузку, так как именно он является главным средством характеристики (или самохарактеристики) героев» [2, 91]. Персонажи романа буквально живут религиозными обычаями и традициями, каждый день используя мудрые цитаты из Священного Писания для оправдания своих действий и поучения близких. Библейский текст звучит, но остается совершенно непонятым для семейства Головлёвых.

Щедринский роман насыщен отсылками к Библии, которые чаще звучат в репликах главного персонажа – Порфирия Головлёва. Однако все его праведные речи опровергаются греховными поступками, и становится понятным, что автор

вводит обилие фразеологизмов библейского происхождения в речь Порфирия Владимировича для раскрытия его сущности: лицемерия, пустословия, равнодушия, хитрости и жадности. Иудушка присваивает себе миссию учителя, а сам беззастенчиво захватывает жизненное пространство и все свое хищничество лицемерно маскирует авторитетом библейского слова. Внешне создаётся впечатление, что Порфирий Владимирович очень набожный человек. Но его набожность проявляется только на словах и в соблюдении ритуалов. В его поступках нет благих намерений, напротив, они нарушают все главные постулаты христианства.

Для реализации глубинной идейной концепции произведения значимы и другие библейские сюжеты, образы и мотивы: сюжет о братьях Каине и Авеле, сюжет о предательском поцелуе Иуды, библейские мотивы Страшного суда, Страдания, Искушения и Воскрешения. Мотив предательства, как и многие другие, в первую очередь, также связан с образом Порфирия. Поцелуй Иуды – это коварный поступок, который прикрывается проявлением дружбы и любви, но является по сути своей лицемерием. В основе всех поступков Порфирия Владимировича лежит предательство – непреднамеренное, неосознанное, но по силе своего воздействия на окружающих – смертельное. Герои, находящиеся рядом с Иудушкой, погибают в течение короткого времени, при этом всегда страшно и мучительно.

Важную роль в романе «Господа Головлёвы» играет мотив смерти, который расширяется от реальных форм до иносказательных, условных: смерть физическая и смерть духовная здесь сопряжена с символической смертью Христа. Факт духовной смерти, которая настигла семью помещиков еще задолго до их физической кончины – этот факт требует чего-то еще. И это что-то – мотив воскресения души, который мощным противовесом поднимается в финале романа. Также, библейскими мотивами, значительно влияющими на ход сюжета, на раскрытие основной темы являются мотивы воздаяния, милости, искупления и прощения. Их все мы можем наблюдать пошагово, ступая от главы к главе, от события к событию. Примечательно, что все библейские мотивы, которые использованы в романе, М. Е. Салтыков-Щедрин видоизменил, а некоторые трансформировал так, что их трактовка стала прямо противоположной традиционной библейской.

М. Е. Салтыков-Щедрин создавал свой роман с целью помочь предотвратить разрушение семьи, показать человеку последствия жизни вне Бога и Его заповедей, сохраняющих мир среди людей и в душе человека. Следование заповедям и есть главная семейная

традиция, которую нельзя утрачивать, а следует передавать из поколения в поколение.

Таким образом, выявление специфики функционирования библейского слова в романе «Господа Головлёвы» позволило прийти к следующим выводам: библейский контекст является основополагающим для построения сюжетной, образной и мотивной структуры романа, а также определяет его идейную составляющую. Свой роман М. Е. Салтыков-Щедрин создавал с целью помочь предотвратить разрушение семьи, показать человеку последствия жизни вне Бога и Его заповедей, сохраняющих мир среди людей и в душе человека. Следование заповедям и есть главная семейная традиция, которую нельзя утрачивать, а следует передавать из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евдокимова, О. В. К восприятию романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы». – Текст : электронный: сайт. – URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/evdokimova-gospoda-golovlevy.htm>. (дата обращения: 16.11.2022).
2. Ремпель, Е. А. Библейские речения, сюжеты и мотивы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлёвы», «Пошехонская старина»): 10.02.01. «Русская литература» : дис. ... канд. филол. наук / Ремпель Елена Александровна. – Саратов, 2004. – 143 с.

SUMMARY

Natalia Dobrovolskaya. Artistic and philosophical functions of the biblical text in M. E. Saltykov-Shchedrin's novel "Lord Golovlevs"

The paper considers the use and interpretation of the text of the Holy Scriptures in the artistic space of the novel-chronicle by M. E. Saltykov-Shchedrin "Lord Golovlevs". The identification of the specifics of the functioning of the biblical word in the work made it possible to conclude that the biblical context is fundamental for the construction of the plot, figurative and motive structure of the novel, and also determines its ideological component.

Keywords: M. E. Saltykov-Shchedrin, the novel "Lord Golovlevs", biblical text, motive, myth, parable.

Жданова Юлия
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Зайцева И. П.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ

МЕТОДИКА ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье проанализирована методика интегрированного обучения в средней школе, определены методологические основы интеграции в педагогике, а также выделены основные преимущества интегрированных уроков.

Ключевые слова: анализ, интеграция, интегрированное обучение, урок.

В настоящее время в методике преподавания процесс интеграции является наиболее развивающимся и продуктивным. Актуальность данный процесс приобрел вследствие бессистемности учебного процесса, нарушения его непрерывности, которые возникли в результате дифференциации наук, дисциплин учебного курса, а также предметов школьной программы. Новизна данного исследования состоит в анализе уже существующих концепций интеграции в науке в целом и путей интеграции русского языка и литературы, в частности, и создании на основе интегративных моделей схемы бипредметной интеграции русского языка и литературы.

Процесс интеграции в учебно-образовательном процессе изучали В. И. Загвязинский, посвятивший свою работу концепции внутрипредметной интеграции педагогического знания, Г. Н. Серикова, которая проанализировала концепцию интегративной картины образования, Л. А. Артемьева, М. И. Махмутова, которые разработали концепцию синтеза дидактических систем и др. Определению оснований, видов, типов, факторов и сущностно-категориальных характеристик педагогической интеграции посвящены работы таких исследователей, как Г. И. Батуриной, А. П. Беляевой, М. Н. Безруковой, М. Н. Берулавой и др.

Благодаря работам названных и других исследователей были определены методологические основы интеграции в педагогике: 1) философская концепция о ведущей роли деятельности в развитии учащегося; 2) положение о системном и целостном подходе к педагогическим явлениям; 3) психологические теории

о взаимосвязи процессов образования и развития. Исходя из выделенных методологических положений, учёные выделили ряд понятий, среди которых процесс интеграции, принцип интеграции, интегративные процессы, интегративный подход [2].

Интегрированный урок имеет ряд особенностей, которые делают его более эффективным в сравнении с обычным уроком. К основным особенностям учёные относят предельную четкость урока, компактность и сжатость учебного материала, логическую взаимообусловленность материала интегрируемых предметов на каждом этапе урока, а также большую информативную ёмкость изучаемого материала.

Исходя из исследования В. С. Безрукова, в процессе планирования и организации интегрированных уроков учителю важно соблюдать ряд условий [3]. Во-первых, в интегрированном уроке объединяются блоки знаний двух-трех различных предметов, исходя из этого, является важным правильно определить главную цель интегрированного урока. Если общая цель определена, то из содержания предметов берутся только те сведения, которые необходимы для её реализации. Во-вторых, за счет переключения учащихся интеграция содействует снятию перегрузки, утомленности, благодаря использованию разнообразных видов деятельности в ходе урока. Следует отметить, что в процессе планирования требуется тщательное определение оптимальной нагрузки различными видами деятельности учащихся. В-третьих, при проведении интегрированного урока преподавателями, которые ведут разные предметы, требуется тщательная координация действий. Важно, что форма интегрированного урока наиболее подходит для обобщающих уроков, поскольку здесь раскрываются проблемы, имеющие важное значение для двух или нескольких предметов. Но следует отметить, что интегрированным уроком может быть любой урок со своей структурой, если для его проведения привлекаются знания, умения и результаты анализа изучаемого материала методами учебных предметов. В интегрированном уроке только один учебный предмет является ведущим.

В ходе исследования нами были выделены следующие преимущества интегрированных уроков: 1) помогает повысить уровень учебной мотивации, сформировать у учащихся познавательный интерес, комплексно и научно познавать мир, а также рассматривать явления в нескольких аспектах; 2) способствуют углублению представлений о предмете, расширению кругозора, а также формируют разносторонне развитую, гармонически и интеллектуально развитую личность; 3) интеграция является источником нахождения новых связей

между фактами, которые подтверждают или углубляют определённые выводы. Интеграция является источником нахождения новых фактов, которые подтверждают или углубляют определённые выводы, наблюдения учащихся в различных предметах.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что интегрированный урок – это особый вид урока, на котором обозначенная тема, вопрос и проблема рассматриваются средствами двух или нескольких дисциплин, осуществляется синтез и систематизация знаний и умений, что обеспечивает формирование у учащихся целостной картины мира. Разработка и анализ интегрированных уроков является актуальным и составляет перспективу нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурхонова, Г. Г. Повышение профессиональной компетенции современного преподавателя / Г. Г. Бурхонова, Н. М. Акрамова / Проблемы науки, 2019. – № 11-2 (144). Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-professionalnoy-kompetentsii-sovremennogo-prepodavatelya/> (дата обращения: 12.11.2022).
2. Безрукова, В. С. Инновационная готовность педагога – качество интегративное / В. С. Безрукова, Г. А. Карпова // Инновационные основы проектирования педагогических технологий. – Екатеринбург : Изд-во Свердлов. инж.-пед. ин-та, 1993. – С. 25–27.
3. Зверев, И. Д. Межпредметные связи как педагогическая проблема / И. Д. Зверев // Советская педагогика. – 1974. – № 12. – С. 10–16.

SUMMARY

Julia Zhdanova. Methods of integrated education in secondary school: to the formulation of the problem

The article analyzes the methodology of integrated education in secondary school, defines the methodological foundations of integration in pedagogy, and highlights the main advantages of integrated lessons.

Keywords: analysis, integration, integrated learning, lesson.

Казаченко Мария
*Научный руководитель –
к. пед. н., доц. Кузенная Т. Ф.
ФГАО ВО «Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта»,
г. Калининград, РФ*

СПЕЦИФИКА ДРЕВНЕРУССКИХ ПРОЗВИЩ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ

Особенности принципов номинации выступают в качестве предмета изучения во многих исследованиях в области антропонимики. В статье рассматриваются специфические черты отдельного класса антропонимов – древнерусских прозвищ с положительной коннотацией.

Ключевые слова: антропонимика, Древняя Русь, прозвище, коннотация.

Антропонимы – наиболее обширная группа онимов, занимающая центральное место в ономастическом пространстве каждого социума. Антропонимы разнородны, к ним относятся личные имена, фамилии, патронимы (отчества), матронимы, прозвища, псевдонимы, криптонимы и др.

С середины XX века появляются первые работы, ориентированные на исследования прозвищ: «Процесс превращения русских имен в прозвища <...> и другие вопросы, тесно с ним связанные <...>, до сих пор в науке очень мало изучены» [5, 3].

Сейчас под прозвищами понимаются «слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [5, 5].

Актуальность настоящего исследования определяется возрастающим интересом современной антропонимики к истории возникновения и функционированию прозвищ в русском лингвистическом пространстве: «Самыми сложными исследователи считают вопросы, касающиеся специфики имени собственного, его лексического значения, а точнее его наличия или отсутствия» [2, 124]. Цель работы заключается в выявлении особенностей древнерусских прозвищ, в основе которых лежит положительный признак. Для достижения этой цели необходимо изучить существующие исследования по теме, провести анализ массива древнерусских прозвищ и сделать обобщающие выводы.

Специфика древнерусских прозвищ заключается в том, что в качестве основы для номинации чаще всего выделяется

отрицательная черта внешности, характера или поведения человека. А. М. Селищев, классифицировав дохристианские личные имена и прозвища, приходит к выводу, что в основе номинации чаще всего находится физический недостаток или неприятная особенность характера. Значительно реже встречаются приятные или нейтральные прозвища.

Непопулярность положительных признаков в качестве номинативной основы можно объяснить мифологическим мышлением человека эпохи Древней Руси. Тогда были распространены имена-обереги, которые должны были защищать своих носителей от воздействия нечистых сил. Суть имени-оберега заключалась в отрицании желаемого качества: если хотели, чтобы человек был здоров, его могли назвать *Кривой* или *Истома*, если желали счастья – его имя могло быть *Нелюб*.

Исходя из этого, следует предположение, что прозвища с положительной коннотацией первичны. Однако это не отражается в процентном соотношении количества позитивных и негативных прозвищ. В ходе анализа данных «Словаря древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова удалось найти сравнительно малое число положительных прозвищ.

Прозвища с положительной коннотацией можно классифицировать по тем же категориям, что и прозвища с отрицательной коннотацией: характеристика по внешности (*Красун, Рослый, Кудрявой*), личностные особенности (*Веселой, Смешливой, Хороброй, Хороший, Умной, Радостной*), оценка окружающих (*Ждан, Златой, Кормилец, Ладной, Удача, Правда, Любим*).

Заметно, что выдающиеся черты характера и поведения более часто лежат в основе номинации, чем внешние признаки. Вероятно, личностные преимущества человека имели большую значимость для окружающих и подвергались более объективной оценке, чем физическая красота.

Группа прозвищ, мотивированных оценкой человека окружающими, имеет размытые границы и предполагает внутреннее деление. Так, онимы *Ждан, Златой, Ладной, Любим* могут являться именами, выражающими отношение родителей к младенцу и их пожелания на будущую жизнь. А онимы *Кормилец, Удача, Правда* могут быть прозвищами, присвоенными обществом взрослому человеку на основании отношения к нему.

Особое место занимают имена, в морфемной структуре которых используются уменьшительно-ласкательные суффиксы: *Касатик, Карнаушеноч, Коняшко, Листопадик, Пальчик, Рысик, Радушка, Соколенок, Сметанка, Скобушка, Ушаня*. Эта группа онимов довольно обширна, однако нельзя полностью отнести

ее к прозвищам с положительной коннотацией. Оценочные суффиксы могут свидетельствовать не только о хорошем отношении к носителю имени, но и о скрытой насмешке над ним, о снисходительном отношении.

Прозвища с положительной коннотацией не являются частотными в древнерусском ономастиконе. С одной стороны, это могло быть обусловлено мифологическим сознанием человека: отрицательные прозвища наделялись сакральным смыслом, защищали человека от сглаза. С другой – особенностью ментальности русского человека. Как гласит русская пословица, «Добро скоро забывается, а худое в памяти сохраняется».

В дальнейшем исследовании предполагается перспектива изучения конкретных тематических групп древнерусских прозвищ: составных прозвищ, именовании людей разных сословий или родов деятельности (например, военачальников), а также установление связей с современными принципами номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский, С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский – М. : Наука, 1974. – 384 с.
2. Кузенная, Т. Ф. Типологические особенности антропонимикона разножанровых памятников древнерусской письменности / Т. Ф. Кузенная // Слово.ру: балтийский акцент. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 124–132.
3. Топоров, В. Н. Имена // Мифы народов мира : Энциклопедия / В. Н. Топоров. – М., 1980. – Т. 2. – С. 508–510.
4. Тупилов, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён / Н. М. Тупилов. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 1032 с.
5. Чичагов, В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий / В. К. Чичагов. – М., 1959. – 129 с.

SUMMARY

Maria Kazachenko. The specificity of Old Russian names with a positive connotation

Features of the principles of nomination are a subject of study in many researches in the field of anthroponymy. The article discusses the specific features of a separate class of anthroponyms – Old Russian names with a positive connotation.

Keywords: anthroponymy, Old Russia, name, connotation.

Ковальчук Сергей
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Богова М. Г.
УО «Минский государственный
лингвистический университет»,
г. Минск, РБ

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРАВДА»

Исследование концептов – актуальная задача лингвистики. Интерес представляет не только определение концептов, их смысловое наполнение, описание номинативного поля, но и особенности вербализации в определенных видах текста. В статье рассматриваются особенности репрезентации концепта «правда» в новостных сообщениях.

Ключевые слова: *концепт, вербализация, правда, новостные сообщения.*

Термин «концепт» в лингвистике старый и в то же время новый. Разные подходы при изучении понятия «концепт» объединяет утверждение, что связь между языком и культурой неоспорима. Расхождение во мнениях состоит в разных взглядах на роль и места языка при порождении концепта. Анализ определений «концепта» приводит к его пониманию как элемента когнитивной сферы жизнедеятельности человека, содержанием которого являются понятия, идеи и представления об объектах окружающей действительности.

Проблема типологии концепта также требует дискуссии и апробации. Типология А. П. Бабушкина [1], который выделил мыслительные картинки, схемы, фреймы, инсайты, сценарии и калейдоскопические концепты, представляется убедительной, т. к. подробно раскрывает содержание каждого из перечисленных типов концепта, указывает общие моменты (например, последовательность для сценария и фрейма) и ключевые различия (так для сценария, в отличие от фрейма, наиболее важным является временное измерение). В нашем исследовании мы обратили внимание на особенности вербализации одного из калейдоскопических концептов – «правда», который относится к классу абстрактных имен.

Источником анализа репрезентации концепта «правда» стали новостные сообщения телевизионных программ: программы новостей «Новости 24 часа», «Главный эфир» и авторская рубрика «ЕС как есть», программа «Контур» и авторская рубрика «Пропаганда», транслируемые по телевидению и выложенные в

сети Интернет в течение одной недели с 31.10 по 06.11.2022 г. покажем, как репрезентован концепт «правда» в этих источниках:

Репрезентация концепта «правда» в выпуске программы «Новости 24 часа» от 01.11.2022: *Руководство силового экономического блока в условиях информационной войны помогает людям объективно оценить ситуацию и услышать **правду** о международной обстановке, которая складывается у границ нашего государства.*

В высказывании под «правдой» понимают достоверную информацию, полученную от авторитетных источников, обладающих определенными полномочиями и ресурсами, из которых они получают данную информацию, и потому не требующей обсуждений и какой-либо верификации. Упоминание ответственных лиц – прагматический фактор воздействия на аудиторию с целью убеждения.

Глава Администрации Президента Республики Беларусь Игорь Сергеенко в интервью журналисту этой программы заявил: *Самая главная цель таких встреч – это донести реальную, **правдивую**, пускай, может быть, не совсем лицеприятную, жесткую информацию, чтобы не пугать «наших» людей, а чтобы они прекрасно видели и понимали из первоисточников, от тех министров, руководителей государственных комитетов, которые сегодня выступали и доводили ту информацию, аналитическую, которая была создана группой специалистов на основе разведанных и постоянного анализа той информации, которая поступает в ведомства.*

Как и в предыдущем примере, значение «правды» – точные и проверенные данные от достоверного источника. Дополнительное значение – «правдивая» информация может вызвать негативную реакцию, тяжело восприниматься. Упоминание о нелицеприятности придает сообщению большую достоверность предоставленной оценке происходящего, серьезности и весомости упомянутых данных.

Председатель РОО «Белая Русь» Олег Романов в выпуске сообщил: *И я думаю, что такого рода деловые площадки они позволяют, во-первых, точно определить общественное настроение, их уровень. Во-вторых, довести до людей объективно **истинные знания, информацию** о тех процессах, которые сегодня происходят в нашей стране.*

Словосочетание «истинная правда» придает достоверность высказыванию, по сути, дублируя синонимичные смыслы: «правда» – есть «истина», адекватная информация, подлинная и объективная; адекватное отношение к ней и принятия с позиции достоверности знаний об окружающей действительности и происходящих процессах.

Президент Республики Беларусь в выпуске программы «Новости 24 часа» от 31.10.2022 г заявил: *Мы констатируем, и это **правда**, в последнее время, недели, определенное хорошее слушателей, обеспечение принятия излагаемой информации.*

В начале выпуска программы «Главный эфир» от 06.11.2022 телеканала «Беларусь 1» в обзоре новостей было упомянуто: ***Ужасная правда.** С известным режиссером идем по следам преступлений французского нацизма.*

Как видим, правда способна вызвать страх и ужас у адресата, отсюда типичная коллокация «ужасная правда». Другие коллокации негативной окраски: «страшная правда», «горькая правда», «жестокая правда», «суровая правда», «неприятная правда», «печальная правда», «сермяжная правда» – простая и неприукрашенная, но глубокая истина.

Автор рубрики «ЕС как есть» Богдан Петрашко в той же программе высказался следующим образом: *Только за последние месяцы стоимость продуктовой корзины выросла на 15%. Цены на дизельное топливо превысили 2 € за литр. Я уже не говорю о неподъемных счетах за коммунальные услуги. И наша съемочная группа **видела все это своими глазами.***

В этом примере концепт «правда» репрезентован с помощью фразеологизма «видеть своими глазами», т. е. стать свидетелем какой-либо ситуации, воочию увидеть какой-то процесс; убедиться, удостовериться, а значит, данные обоснованы и объективно отражают реальный порядок вещей. Адресант призывает доверять как источнику, который предоставил эти данные, так и всему сообщению.

В этой же рубрике ведущий программы заметил следующее: *По словам главы российского МИД Марии Захаровой, неважно кто и как получил эту информацию, главное – ответ на вопрос **«правда ли это?»** ждут миллионы людей по всему миру.* Высказанная мысль позволяет определить, что в понятие «правда» вкладывают соответствие действительности. Ключевой вопрос – верификация: верно ли сообщение; находит ли сообщаемая информация подтверждение в происходящем.

Владимир Кожин в эфире программы «60 минут» от 03.11.2022 упомянул фразу Уинстона Черчилля: *Как сказал великий политик прошлого века Уинстон Черчилль, «Пока ложь оббежала полмира, **правда** только надевает штаны».* Мы привели прямую цитату прозвучавшего в программе высказывания. Оригинал фразы на сайте Notesread: *The lie manages to go around half the world while the truth puts on its pants», в другой редакции на сайте AZ Quotes “A lie gets halfway around the world before the*

truth has a chance to get its pants on”. Ее смысл в том, что люди легко поддаются лжи и склонны распространять слухи. Каждый человек слышит то, что хочет услышать, и именно это передает другим. Так ложь разносится по миру с огромной скоростью, в то время как правду многие не воспринимают, боясь ее слышать. Оказывается, правду говорит меньшинство.

Игорь Тур в авторской рубрике «Пропаганда» в программе «Контур» от 31.10.2022 телеканала ОНТ заявил: *Моей задачей было как можно оперативнее рассказать людям **чистейшую правду** о том, что случилось в «Европе» с максимальным набором деталей и уточнений... но что дала миру, стране и людям эта **правда**? Родители, дети, родные и близкие всех, кто мог находиться в это время в торговом центре начали «рвать на себе волосы» и не находить себе места. И все страхи в их головах превратились в **правду***. В этом высказывании заложен смысл, что под «правдой» подразумевают не столько порядок вещей, соотносящийся с реальным положением дел, сколько собственные мысли и соображения каждого человека, подкрепленные полученной информацией. Их понимание фактов выводится на основании индивидуального опыта, при этом постулируются как «чистая правда». Синонимичные фразы: «чистейшая правда», «сущая правда», «святая правда», «голая правда», «истинная правда», «настоящая правда», «полная правда», «абсолютная правда».

Как видим, лики у правды весьма разнообразны. Набор вербальных средств позволяет презентовать сообщение как верифицированное, а значит, истинное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. – 104 с.

SUMMARY

Sergey Kovalchuk. Verbalization of the concept “truth”

One of the topical issues of linguistics is the study of concepts. The definition of concepts, their semantic content, and the description of their nominative fields, as well as the specificity of their verbalization in certain types of texts attract scientific interest. The article discusses the features of the concept “truth” represented in news reports.

Keywords: concept, verbalization, truth, news reports.

Кубышина Алина
Научный руководитель –
д. филол. н., доц. Шаталова О. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностраных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛОЗУНГА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье приводятся результаты исследования особенностей функционирования лозунгов в ситуации войны и историко-политических потрясений; делается сопоставительный анализ идейно-тематических основ формирования и развития лозунгов периода Великой Отечественной войны и специальной военной операции 2022 года; обосновывается сходство тематических и формально языковых параметров на основе единства духовно-нравственных приоритетов русского народа независимо от конкретной исторической ситуации.

Ключевые слова: язык, коммуникация, лозунг, социально-политические условия, нравственность.

Слово «лозунг» пришло в русский язык из немецкого (Losung). Изначальное значение слова – пароль или опознавательный знак [1, 400]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова дается следующее определение, включающее функциональные характеристики понятия: «лозунг» – «призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или политическое требование» либо «кратко выраженная идея, ведущий принцип, которым руководствуется в жизни человек, индивидуум» [2, 947]. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет термин «лозунг» более обобщенно: лозунг – это «обращение в лаконичной форме, выражающее руководящую идею, требование» [4, 268].

В приведенных дефинициях делается акцент на апеллятивную функцию лозунгов, то есть на такую, с помощью которой осуществляется обращение и привлечение внимания участников коммуникации, и их идеологическую доминанту: выражаются политические либо иные требования и задачи, наиболее актуальные для конкретного социально-исторического периода.

Для нашего исследования функционирования лозунга в условиях военного времени в ДНР оказывается наиболее существенным следующая семантика, определяющая прагматический потенциал

данного понятия: «кратко выраженный ведущий принцип, которым руководствуется в жизни человек», «понятийная единица, значимая для развития общества в определенный исторический период».

В современной науке проявляются следующие признаки функционирования лозунгов в общественной среде [3]: лозунг является одним из актуальнейших жанров современного коммуникативного пространства, могущественного оперативного средства влияния на массы людей, что определяется следующими условиями:

1) с точки зрения содержания лозунги несут на себе большую часть идеологической нагрузки, выражая предельно редуцированный вариант текущей идеологии;

2) рассматривая лозунг как письменный текст, можно применить к нему традиционное филологическое понимание жанра. Современная лингвистика уделяет достаточно много внимания жанрам речи, отталкиваясь от классического бахтинского разделения жанров на первичные и вторичные. В основе такого понимания лежит ряд обобщенных представлений о характере авторского отношения к действительности в рамках типового замысла (содержательный компонент), о структурных признаках оформленного содержания (стилистический компонент) и об экстралингвистической типичности представления (ситуативный компонент). Эти составляющие могут быть положены в основу лаконичного, но очень емкого определения жанра: «форма, которая в известной степени обеспечивает способ передачи определенной информации в определенных условиях»;

3) унифицированная форма лозунга обеспечивает ему узнаваемость, создает легко репродуцируемую модель. Вместе с тем стандартизация лозунгового текста в унитарной политической системе превращает лозунг в речевой штамп и тем самым лишает лозунг экспрессивной новизны, ведет к инфлированию его ключевых слов [3].

Определяя значимую роль лозунга в период войн и историко-политических потрясений, необходимо отметить, что особое внимание исследователей привлекают лозунги, которые использовались в период Великой Отечественной войны. Это связано с тем, что события Великой Отечественной войны оказали значительное влияние на идейно-нравственное состояние русского народа и отвечают реалиям настоящего времени. Так, Шпехт Н. А. и Толстикова П. С., анализируя лозунги 1942-1943 годов, отмечают следующие тематические направления:

– патриотические («Все силы – на укрепление военной мощи Родины», «Родина-мать зовет!»);

– о фашизме («Фашизм – это голод, нищета и разорение», «Долой убийцу Гитлера!»);

- обращающиеся к тылу (*«Всё для фронта, всё для победы!», «Работать, не жалея сил!»*);
- призывающие бить врага (*«Бей врага, как его били наши отцы и старшие братья – матросы Октября!»*, *«Били, бьем и будем бить!»*);
- о Ленине, Сталине (*«За Родину, за Сталина!»*, *«Всё на защиту города Ленина от фашистских варваров!»*);
- выражающие уверенность в победе (*«Враг будет разбит, победа будет за нами!»*);
- объединяющие, с инклюзивным «Мы» (*«Долг перед Родиной выполним до конца!»*) [7].

В тяжелых условиях, когда у народа «опускаются руки» и фронт остается без поддержки, государство теряет людей не только из-за гранат и бомб, но и из-за разочарования, паники. От этого падает еще и моральный дух народа. Необходимость мобилизовать население для ведения войны, а также воздействовать на вражескую армию и население занятых вражеских территорий, обернулась для воюющих стран расцветом различных пропагандистских технологий, которые стали неотъемлемой частью самой войны. Роль лозунга в такой непростой период важна, как для армии, так и для всего народа.

Лозунг, как воздействие, внушение, призыв, достигнутый за счёт своей яркости, эмоциональности, четкости и броскости, даёт возможность людям обрести уверенность, осведомленность и понимание того, за что борется их народ, за какие именно ценности и права, за мир без фашизма. Исходя из примеров лозунгов времен Великой Отечественной войны, видно, что все предложенные фразы определяли боевой дух народа, на государственном уровне формировали целостность мировоззрения и идеологии всего народа, страны, которая общими силами пыталась победить во имя будущего.

Как и во времена Великой Отечественной войны, учитывая, что тогда человечество боролось с фашизмом, нацизмом, так и в современной войне значимую роль играет лозунг. Это еще раз подчеркивается современными историко-политическими событиями, связанными с международными отношениями России, Украины, стран Европы и США.

С началом специальной военной операции, которую проводит Россия на территории Донбасса, появились патриотические символы «Z» и «V», которые стали зримо демонстрировать сплоченность не только Донбасса, но и всего русского народа, наносящего эти буквы на стекла своих автомобилей, одежду, инфраструктуру и т.д. в знак солидарности по отношению к народу Донбасса, президенту и своей стране, которая готова бороться за свои исторические корни и вернуть русских людей на родную землю. На большом концерте

по случаю годовщины воссоединения Крыма с Россией 18 марта 2022 г., Владимир Владимирович Путин заявил: «Такого единения у нас давно не было!» [5].

Объективно лозунг как никогда актуален в коммуникативном пространстве Донбасса, поскольку единение русского народа подкрепляется именно лозунгами, функционирование которых в данной ситуации отражает микротемы политической и социальной жизни людей, помогает населению понимать, что происходит, за что нужно бороться и что отстаивать. В частности, на наш взгляд, и в 2014-2015 гг. лозунги были актуальны, но в то время люди не до конца понимали их значения и редко использовали. Однако в настоящее время (на момент проведения исследования) люди как никогда уверены в том, что они делают и с какой целью, способны идти до конца, восстановить справедливость и даже уйти на фронт во имя своей Родины.

Активное развитие интернет-коммуникации, появление виртуальной информационной реальности не могло не отразиться на развитии молодёжной коммуникации. Данное явление рассматривается и в лозунгах креализованного типа, содержащих символические буквы, хэш-теги и пр. В целом, решетка и помеченные ею слова получили название хэш-тег, от английского hashtag (hash – символ «решётка» и tag – «тег») [6]. В данном случае под понятием «тег» подразумевается ключевое слово статьи, размещаемой на сайте, или поста в социальных сетях. Хэш-тегами пользуются предприниматели, представители культуры, моды, искусства, направляя интернет-сообщество к действующему тренду или с целью формирования нового явления, которым можно восхищаться, подражать или наследовать. Так, к данному методу передачи информации прибегают, несомненно, общественные и политические деятели, организации для формирования общественного мнения, распространения идеи. При использовании их в социальных сетях вероятность продвижения политических мнений увеличивается, так как люди, используя фразу с «решеткой» впереди, переходят на страницу с информацией, связанной с внедряемыми темами. Это, несомненно, сплачивает единомышленников [6].

Что касается символических букв, связанных со специальной военной операцией, то в данном случае всё не так явно, как кажется. В медиaprостранстве до сих пор идут споры о значениях имеющихся символов. Существует много версий трактовки этих букв, и пока все они имеют право на существование. Многих больше волнует тот факт, что русские борются против Запада, при этом в качестве символа используют буквы из латиницы. По этому поводу тоже много разногласий, и точную трактовку на данный момент никто не может дать. Однако, лично мне ближе всего версия того, что в отличие от

Украины, Россия толерантна к всевозможным языкам мира. Так как Украина ведёт войну с поддержкой Запада, то символ «Z» как последняя буква английского алфавита означает конец властвования Запада над всеми сферами жизни мира, конец украинизации, а символ «V» отражает выполнение этой задачи. На мой взгляд, эта трактовка символики имеет смысл, так как уже упоминался факт о том, что Россия толерантна ко всем языкам мира, вследствие чего эти буквы будут понятны всем, так как английский язык практически во всем мире распространен.

В информационном пространстве появилось множество лозунгов с использованием символических букв и хэш-тегов:

1. Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано!
2. Вежливость – Завершает войны!
3. Мы возвращаемся домой!
4. За Россию! За Президента! За Мирный Донбасс!
5. Спасибо деду За нашу Победу!
6. Только Vперед!
7. #СвоихНеБросаем.
8. Объединившись вместе, победит каждый!
9. Задачу Выполним!
10. #МыВместе.

Все представленные лозунги объединены, по своей сути, одной темой – борьбой против фашизма, единством народа и победным духом. Замена начальных букв слова символами «Z» и «V» передает современный статус происходящего, придает лозунгам характерное значение для рассматриваемого периода. Жители России и Донбасса, помнившие о том, за что боролись их предки, в поддержку антифашизма на каждом кусочке земли распространяют все перечисленные лозунги, малая часть которых составляет данный перечень. Это говорит о том, что ничто не будет забыто, и справедливость должна восторжествовать!

Лозунги современного поколения отличаются от лозунгов предыдущих исторических периодов за счёт использования нестандартных символов. Возможно, это происходит под влиянием того, что, как считают современные социологи, выросло поколение Z, что, собственно, в какой-то мере можно считать одной из версий трактовки символических букв латиницы, используемых в лозунгах. Ведь именно это поколение за счёт своей амбициозности, трудолюбия и патриотизма, не имея в большинстве своём военного опыта, отправляется на фронт ради будущего своей Родины, тем самым воспитывая у будущего поколения чувство патриотического долга.

Однако, сопоставляя тенденции идейно-тематического развития лозунгов периода Великой отечественной войны и современных

лозунгов, можно обозначить единые тематические направления. Современные актуальные лозунги Донбасса вполне последовательно отражают идейно-тематические направления, которые были основными в ВОВ:

- патриотические («*За Россию!*», «*За Мирный Донбасс!*», «*Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано!*»);
- призывающие бить врага («*Только Вперед!*»);
- о руководителе государства («*За Президента!*»);
- выражающие уверенность в победе («*Объединившись вместе, победит каждый!*», «*Спасибо деду За нашу Победу!*», «*Задачу Выполним!*», «*Вежливость – Завершает войны!*»);
- объединяющие, с инклюзивным «Мы» («*Мы возвращаемся домой!*», «*#МыВместе*», «*#СвоихНеБросаем*»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лозунг – значимый компонент в формировании и развитии нравственности народа, который актуализируется в сложные периоды и отражает наиболее значимые духовно-нравственные приоритеты народа, которые остаются неизменными при сохранении народом исконных духовно-нравственных приоритетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – 2-е изд., доп. – М.; Рус. яз., 2000. – 856 с. – (Б-ка словарей рус. яз.).
2. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка: А-Я (БТС: А-Я). – 4-е изд. – СПб. : Норинт, 2014. – 1536 с.
3. Мурашова, О. В. Военный лозунг как жанр военной риторики / Мурашова О. В., Соловьева С. А. – Череповецкие научные чтения. – 2013. – Череповец, 2014. – С. 100–103.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М., 1992. – 944 с.
5. Речь Владимира Путина в Лужниках 18 марта 2022. Воссоединение Крыма с Россией. Текст : электронный // [www.youtube.com](https://www.youtube.com/watch?v=T4_Zdxwb37k) : сайт. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=T4_Zdxwb37k (дата обращения: 15.11.2022).
6. Степушин, А. Что такое хэштег / А. Степушин. – Текст : электронный // [comp-security.net](https://comp-security.net/%D1%87%D1%82%D0%BE%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D1%85%D1%8D%D1%88%D1%82%D0%B5%D0%B3/) : сайт. – URL : <https://comp-security.net/%D1%87%D1%82%D0%BE%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D1%85%D1%8D%D1%88%D1%82%D0%B5%D0%B3/> (дата обращения: 15.11.2022).
7. Шпехт, Н. А. Лозунги Великой Отечественной войны / Н. А. Шпехт, П. С. Толстикова. – Язык и социальная динамика. – № 10–2. – Красноярск, 2010. – С. 89–90.

SUMMARY

Alina Kubyshina. Historical-cultural and communicative-pragmatic aspects of the slogan functioning in the modern media space

The article presents the results of a study of the features of the functioning of slogans in a situation of war and historical and political upheavals. A comparative analysis of the ideological and thematic foundations of the formation and development of slogans of the period of the Great Patriotic War and the special military operation of 2022 is made. The similarity of thematic and formal linguistic parameters is substantiated on the basis of the unity of the spiritual and moral priorities of the Russian people, regardless of the specific historical situation.

Keywords: language, communication, slogan, socio-political conditions, morality.

Кулакова Алина

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Зайцева И. П.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Стиль – это широкое и многозначное понятие. Обращаясь к понятию «стилизация», в словаре лингвистических терминов находим следующее определение: «подражание манере повествования, стилю речи и т.д., в соответствии с каким-либо жанром, временным отрезком». Огромный пласт устаревшей лексики содержится в повести «Капитанская дочка».

Ключевые слова: *устаревшая лексика, историзмы, архаизмы, фразеологизмы, стиль, стилизация.*

В лингвистической науке выделяется две группы устаревших слов. Историзмы, как правило, лишены полисемии и выражают понятия исчезнувших реалий. Архаизмы, наоборот, находим в составе многозначных слов. Их отличие можно установить, изучая процесс архаизации. Так, проследить предпосылки выхода слова в пассивный запас можно посредством исторического словаря. Кроме того, многие лингвисты утверждают, что процесс устаревания семантики историзмов проходит быстрее, чем архаизмов, так как такие лексические единицы называют уже исчезнувшие реалии [1]. Процесс архаизации фразеологических оборотов в лингвистической

науке является недостаточно изученным. Так, в номинативном процессе фразеологические обороты появляются с целью характеристики предмета, а также для того, чтобы передать оценку о нем путем представления как реального факта, так и нереального (например, о человеке с маленьким ростом говорят: «аршин с кепкой»).

Отметим, что фразеологические обороты сохраняют свою экспрессивность до тех пор, пока в сознании человека присутствует образное представление, которое мотивирует смысловое значение фразем.

А. С. Пушкин утверждал: «стиль исторического романа должен быть близок к «летописной» записи или к лаконичным наброскам дневника, хроники, которые вместе и являются как бы экстрактом из множества исторических документов и которые отражают широкую картину исторической эпохи». Автор сумел детально отобразить в развитии реалии и события описываемого времени. В его работе также невооруженным взглядом прослеживается охват большого количества пластов действительности. Мнения многих ученых сходятся в одном: произведения Пушкина и поныне представляют для читателей меру развития русской литературы, источником которой являются синтез современного Пушкину языка и всей предыдущей письменности. Стоит подчеркнуть, что в настоящий момент, открывая книгу «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, мы находим обилие лексических единиц, составляющих пассивный словарный запас [2].

Широко используя стилистические средства, А. С. Пушкин в «Капитанской дочке» употреблял большое количество устаревшей лексики. Все это способствовало архаизации общего стиля текста. Как утверждал сам автор, стилизация исторического романа должна нести летописный характер, наброски, хроники – иметь ярко выраженную мысль, которые в совокупности создают широкую, полноценную историческую картину.

Однозначно, введение в текст устаревших слов придает произведению торжественности. Здесь отметим, что архаический пласт обладает огромным потенциалом выразительных и изобразительных возможностей. В таком случае они в полной мере раскрывают представления о героях и явлениях произведения, создают необходимые эмоциональные оттенки. Однако не во всех случаях устаревшая лексика служит удачным средством выразительности текста. Успешно подобранная лексика для текста определяется по следующим критериям: правильно подобранный контекст, надлежащая трактовка и правильный эмоциональный окрас [5].

Так, в повести устаревшая лексика используется прежде всего для создания колорита эпохи, при описании «давно минувших

дней, преданий старины глубокой», для воссоздания реальной исторической обстановки и речи героев. Сочетая бытовую речь прошедшего времени с военными историзмами и архаизмами, автор усиливает эмоциональность повествования. Выполняя номинативную функцию, устаревшие слова, прежде всего, воссоздают колорит эпохи. В историческом романе «Капитанская дочка» встречаем такие, характерные для конца XVIII века, историзмы: *«премьер-майор», «граф»* – «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при *графе* Минихе и вышел в отставку *премьер-майором* в 17 году» [4].

Вместе с тем архаизмы служат средством создания торжественности, придания речи патетичности. Также они являются средством усиления ораторской напряжённости, гражданского пафоса.

«Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачёсанными за уши, которые у ней так и горели» [4].

*«Если бы **паче** всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось»* [4].

Устаревшая лексика может служить средством создания иронии, сарказма, сатиры.

*«В диалоге родителей Гринева: «Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает порошу, да будет солдат, а не шамадон. Записан в гвардии! Где его **пашпорт**? подай его сюда»* [4].

*«Что ты так **мудрено** **пишешь**? – сказал он наконец. – Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»* [4].

*«Маша; **девка на выданье**, а какое у ней приданое? **частый гребень**, да **веник**, да **алтын денег** (**прости бог!**), с чем в баню **сходить**»* [4].

В «Капитанской дочке» архаизмы отражают характерные черты персонажей с помощью диалогов. Автор воссоздаёт картину прошлого, стилизуя речь персонажей, создавая речевой колорит:

*«Особый интерес представляет прямая речь Пугачёва: «Кто из моих людей смеет обижать сироту? – закричал он. – **Будь он семи пядень во лбу...**»* [4].

Фразеологический словарь русского литературного языка даёт следующее определение: «Очень умный (Разг. Экспрес.)». В то же время в Учебном фразеологическом словаре находим толкование: «Отличающийся от других умом, мудростью, обладающий выдающимися способностями (семи <семь> пядей во лбу Неизм.)» [6].

Разговорная речь, характерная для периода пугачёвского восстания, наблюдается в репликах всех персонажей повести.

Так, слуга главного персонажа Савельич говорит: «Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи владыко! ...».

Во фразеологическом словаре русского языка находим значение фразеологизма «Из огня да в полымя»: «Из неприятного положения в ещё худшее») [6].

«Господи владыко, пропадёт барское дитя!»

«Господи владыко, дождались мы праздника!»

«Господи владыко, до чего мы дожили!» [6].

Фразеологический словарь русского литературного языка определяет выражение «**Господи владыко**» как «Выражение сильного удивления, неудовольствия (Устар. Прост.)» [6].

Также в повести встречаем фразеологизм с лексическим архаизмом: «*Сорок енаралов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?*». Существительное «Полон» имеет древнерусское происхождение. Употребляется автором вместо современного слова «плен».

«*И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!*». Так, выражение «**нанимать в дядьки**» для современного носителя языка является архаическим, хотя пушкинскую эпоху было современным.

В тексте использованы устаревшие пословицы и поговорки: *береги платье снову, а честь смолоду; господь не выдаст, свинья не съест; с лихой собаки хоть шерсти клок; конь о четырёх ногах, да спотыкается.*

Таким образом, рассмотрев стилистические функции устаревших слов в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», следует отметить, что устаревшая лексика используется прежде всего для создания колорита эпохи, при описании «давно минувших дней, преданий старины глубокой», для воссоздания реальной исторической обстановки и речи героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанский, Н. М. Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка / Н. М. Шанский. – Текст : электронный // gramota.ru : сайт. – URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/riash/28_755 (дата обращения: 09.10.2022).
2. Виноградов, В. В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. – М. : ОГИЗ «Гослитиздат», 1941. – 620 с.
3. Словарь языка Пушкина. В 4 т. / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. – М., Азбуковник, 2000.
4. Пушкин, А. С. Капитанская дочка. Примечания. В 10 т. Т. 5 / А. С. Пушкин. – Собр. соч. – М. : Правда, 1981. – 294 с.

5. Мещерский, Н. А. История русского литературного языка / Н. А. Мещерский. – Ленинград : ЛГУ, 1981. – 279 с.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – С. 150–151.
7. Ходаркова, Е. П. Изменения лексики русского литературного языка в пушкинское время / Е. П. Ходаркова // Лексика русского литературного языка XIX – нач. XX в. – М., 1981. – 359 с.

Лебедева Валерия

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Кузенная Т. Ф.

ФГАО ВО «Балтийский федеральный университет

им. Иммануила Канта»,

г. Калининград, РФ

ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются фразеологические единицы русского языка, образы которых восходят к базовой оппозиции «свой – чужой» и содержат представления о человеческих взаимоотношениях. Лингвокультурологический анализ проводится во фразеологизмах, формирующих соматический, духовный, предметный, пространственный и зооморфный коды культуры.

Ключевые слова: *русский язык, фразеология, лингвокультурология, код культуры, «свой-чужой».*

Актуальность исследования определяется увеличившимся интересом лингвистов к лингвокультурологическому направлению в языкознании. Теперь лингвистика изучает не только язык, но и человеческое сознание, мышление, психические процессы, культуру. В связи с этим на первый план выдвигается антропоцентрический подход, становится востребованным междисциплинарное осмысление языковых явлений. Изучение фразеологических единиц актуально, поскольку они имеют решающее значение для моделирования культурно-языковой картины мира, которая понимается исследователями как «культурно маркированная и языковленная многомерная система образов, представлений, знаний» [3, 146].

Целью нашего исследования является анализ культурной значимости фразеологических единиц русского языка, образы

которых восходят к базовой оппозиции «свой – чужой» и содержат представления о человеческих взаимоотношениях.

Ограничивая область нашего исследования, мы обратимся к фразеологизмам, формирующим соматический, духовный, предметный, пространственный и зооморфный коды культуры.

Задачами исследования являются: отбор фразеологизмов, отвечающих вышеупомянутым параметрам, из Фразеологического словаря русского литературного языка А. И. Федорова; анализ культурологического фонового значения фразеологизмов на основе информации, представленной в словарных статьях «Большого фразеологического словаря русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий»; анализ символической значимости компонентов фразеологизмов; формулирование выводов о специфике проявления оппозиции «свой-чужой» в различных кодах культуры.

«Соматический код является одним из древнейших среди существующих кодов, поскольку процесс постижения окружающего мира человек начал с самопознания» [2, 179]. Соматизмы участвуют в формировании пространственной метафоры, обозначающей межличностные отношения, например, во фразеологизмах *бок о бок, плечом к плечу, рука об руку* указывается на близость людей, согласованность их действий. Напротив, представления об антипатии, агрессии к другим содержатся во фразеологизмах *поднять руку, перегрызть горло, заградить уста* и т.д. Зона внутреннего мира человека рассматривается какместилище чувств и мыслей. Здесь значимы представления о сердце, как и о душе, как об эмоциональном центре человека. Во фразеологических единицах *раскрывать свое сердце, открыть душу* заключено представление о доверии человека к другому, желание включить его в пространство «своих». В формировании соматических метафор участвуют не только названия частей тела и внутренних органов, но и субстанции биологического характера: *драть кожу* – «притеснять кого-либо»; *одной крови, кровь от крови* – здесь компонент *кровь* является символом родственной связи, а в выражениях *кровь за кровь, кровная вражда* говорится о желании отомстить «чужим» за обиду, нанесенную «своим». Коннотации фразеологизмов зависят от функции, которую выполняет конкретная часть тела, а также от того, какие ассоциации она вызывает в ментальном пространстве человека.

Говоря о фразеологизмах, относящихся к духовному коду культуры, который связывается с «совокупностью нравственных установок, а также имён, обозначающих небожителей, представителей нечистой силы и их отличительные характеристики, особенности поведения» [1, 483], стоит

отметить, что религиозные мировоззренческие особенности народа, наслаиваясь на базовую бинарную систему понимания мира, рождают новые смыслы во фразеологическом материале. Например, представление об инфернальном низе содержится в выражении *доставать из-под земли*; в образе фразеологизма *сжить со света* заключено представление о земном и загробном мирах. Для упомянутого выше образа *души* характерно понимание ее божественной природы. Душа чужого человека является недоступной для полного понимания: *чужая душа – потемки*, а насильственное проникновение в душу губительно для ее обладателя: *лезть в чужую душу*. С приходом христианства сформировались фразеологизмы, связанные с церковными обрядами. Например, связанное с таинством крещения выражение *детей не крестить* означает, что между людьми нет согласия, поскольку во время религиозного обряда участники находят единение с Богом и между собой.

В. В. Красных отмечает, что «социальные отношения призывают многие базовые понятия предметного кода <...>, в который входят и такие понятия, как, например, дом, род, семья» [4, 6]. Пространство своего дома является центром безопасного пространства, которое противопоставляется чужому миру. Во фразеологизмах русского языка достаточно подробно зафиксировано представление о своем доме и его элементах, а чужая территория понимается в более обобщённом виде. Известно, что такие элементы дома как *дверь, окно, труба, порог, ворота* символизируют границу между чужим и своим пространствами, обеспечивают взаимодействие с окружающим миром. Компоненты *крыша* и *стены*, замыкающие дом и оберегающие его целостность, ассоциируются с безопасностью и уединением. Желание впустить человека в свой дом является признаком хороших взаимоотношений, доверия: *принимать под свою крышу, под одной крышей*. Отказ впускать в свой дом кого-либо указывает на нежелание общаться с человеком: *отказывать от дома, закрывать двери, не пускать на порог* и т.д.

Анализ фразеологизмов, относящихся к зооморфному коду культуры и восходящих к оппозиции «свой-чужой», позволяет судить о специфике зооморфных метафор, употребляемых по отношению к себе и другим. Возможно распределение таких фразеологизмов на три группы: фразеологические единицы, содержащие зоонимы: *черная кошка пробежала, как кошка с собакой* и т.д.; фразеологические единицы, компоненты которых означают признаки представителей фауны: *вырваться из лап, взять за жабры, держать под крылом* и т.д.; фразеологизмы, образы которых содержат представления о поведенках животных: *показать нос, сунуть свой нос в чужие дела* и

т.д. В ряде случаев такие метафоры наделяют языковое выражение дополнительной эмоциональностью, определенной коннотацией, по сравнению с аналогичными по значению выражениями с антропоморфным эквивалентом.

Представленные примеры фразеологизмов соотносятся и с пространственным кодом культуры, поскольку представления о человеческих отношениях и осознание категории «свой-чужой» неразрывно связано с делением мира на свою и чужую территории.

На основе проанализированного материала можно сделать следующий вывод: представления о межличностных отношениях отражены в различных кодах культуры и имеют разнообразные воплощения. Это можно объяснить склонностью человеческого мышления к метафоризации: отсюда использование антропоморфных, зооморфных, предметных и других образов при характеристике нематериального мира. Перспектива дальнейших исследований представлений о межличностных отношениях и о человеке в целом обширна, многоаспектна и заключается в новых наблюдениях во фразеологии, включая пословицы, поговорки и т.д., расширении интерпретаций элементов культуры с помощью лингвокультурологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В. Н. Телия, И. В. Зыкова, М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. – 4-е изд. – М. : АСТ-Пресс, 2020. – 784 с.
2. Кузенная, Т. Ф. Проект контрастивного фразеологического онлайн-словаря (на материале русского и литовского языков) / В. Р. Гухман, Е. О. Каратеева, Т. Ф. Кузенная // Научный поиск в филологии: теория, методология, практика: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию профессора А. Е. Агмановой. – Нур-Султан, 2022. – С. 178–184.
3. Ковшова, М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов / отв. ред. М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2017. – 192 с.
4. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Зотов. – Вып. 19. – М., 2001. – С. 5–19.
5. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

SUMMARY

Valeriia Lebedeva. Reflection of ideas about a person and interpersonal relationships in phraseological units of the Russian language

The article examines phraseological units of the Russian language, the images of which go back to the basic opposition “friend – foe” and contain ideas about human relationships. Linguoculturological analysis is carried out in phraseological units forming somatic, spiritual, subject, spatial and zoomorphic codes of culture.

Keywords: Russian language, phraseology, cultural linguistics, culture codes, “friend-foe”.

Макаров Никита

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Кузенная Т. Ф.

ФГАО ВО «Балтийский федеральный университет

им. Иммануила Канта»,

г. Калининград, РФ

ПОДРОСТОК ПЯТИДЕСЯТЫХ: ОБРЯД ИНИЦИАЦИИ В РОМАНЕ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» И В ПОВЕСТИ А. Т. ГЛАДИЛИНА «ХРОНИКА ВРЕМЕН ВИКТОРА ПОДГУРСКОГО»

В статье рассматривается сюжетная схема инициации в двух произведениях середины XX века: романе Дж. Д. Сэлинджера и повести А. Т. Гладилина, сопоставляются образы подростков СССР и США, попытки их самоидентификации во взрослом мире, выделяется общее и различия.

Ключевые слова: роман инициации, роман воспитания, образ подростка, Дж. Д. Сэлинджер, А. Т. Гладили.

Роман инициации является предметом исследования ученых, внимание которых сосредоточено на построении жанровой модели этого типа романа. Следует отличать роман воспитания, который показывает поступательную динамику в поведении героя, его физическое и духовное становление, от романа инициации, где важен именно момент перехода. Джозеф Кемпбелл в исследовании «Тысячеликий герой» выделяет три фазы инициации в качестве модели «мономифа» и основы сюжета литературного произведения: «Герой отваживается отправиться из мира повседневности в область удивительного и сверхъестественного: там он встречается с фантастическими силами и одерживает решающую победу: из

этого исполненного таинств приключения герой возвращается наделенным способностью нести благо своим соплеменникам» [3, 37]. Это фазы сегрегации, транзисии (лиминации) и инкорпорации (агрегации) соответственно.

Результат инициации в романе предполагает кардинальное изменение личности, ее статуса и воззрений в процессе поиска смысла жизни и места индивида в ней. В соответствии с первобытным ритуалом, герой проходит различные тяжелые испытания, происходит его качественное изменение, поэтому он становится готовым к социальному и личностному совершенствованию. Обязательным при этом является постижение трех таинств: сакрального, сексуального и таинства смерти.

Прощание с миром детства знаменует собой начало процесса инициации: неофит попадает в мир иной, дикий, и пребывает в нем до окончания процесса. Местом инициации могли быть лес, джунгли или другое безлюдное место, где ребенок под руководством наставника изучал духовные ценности и законы общества. Неофит подвергается ограничению в пище, свете, общении, на его долю выпадают испытания, напоминающие пытки: избивание, вырывание зубов, нанесение увечий и др. [4, 21]. Также во время инициации неофит должен умереть в рамках ритуала, что станет местом разрыва со старым.

Выбор произведений для анализа (роман «Над пропастью во ржи» и повесть «Хроника времен Виктора Подгурского») обусловлен, во-первых, их типологическим сходством, так как оба восходят к жанровой модели романа инициации, и, во-вторых, их контактно-генетической связью, потому что для русской «молодежной прозы», в числе «пионеров» которой был и Анатолий Гладилин, роман Сэлинджера был культовым произведением. «Сэлинджер родил целую волну подражателей, оказал огромное влияние на молодую прозу того времени, на писателей моего поколения», – отмечает В. Н. Войнович [2].

Рассмотрим, как инициация происходит у героя романа «Над пропастью во ржи» – Холдена Колфилда, шестнадцатилетнего подростка, который вынужден порвать со своей прошлой жизнью, учебой в Пэнси, тем самым невольно вступив на путь инициации. В соответствии с традицией сказки, которая также изображает ритуал перехода, Холден – не радел о своей учебе: «По правде говоря, я один в семье такой тупица» [5, 89], ото всюду гонимый, ведь сменил четыре школы. Себя он считает «умственно отсталым или вообще кретином». Но уже тут наблюдается отход Сэлинджера от традиционного романа инициации: Холден собирается проходить инициацию без помощи наставника, который обязательно должен просвещать неофита. Он сознательно отказывается от помощи его бывших учителей – мистера Спенсера и мистера Антолини.

Топос произведения – Нью-Йорк – чужд для Холдена, и он вынужден скитаться по асоциальному городу в поисках пристанища. В качестве испытаний Холдену выпадают драки, где он получает телесные повреждения. После драки с лифтером Холден превеличивает полученный урон, воображая, что у него «пуля в кишках». Во время лиминации ему встречаются разные люди – старые подруги, знакомые его старшего брата Д. Б., но «никто из них не достоин встречи с неофитом Холденом в такой ответственный момент, они не могут ни духовно обогатить его, ни научить чему-нибудь» [6, 203]: «Но не сидеть же мне с этой Лилиан Симмонс и с ее моряком – скука смертная!» [5, 114].

В один из моментов Холден Колфилд даже пытается постигнуть сексуальное таинство, но и этот акт является оскверненным, аморальным, и в результате попытка сексуального откровения проваливается. Что же до сакрального таинства – Холден Колфилд рассуждает о Боге, о церкви, переосмысливает свое отношение к ним, «испытывает религиозные переживания» [6, 204]. К примеру, интересуется, что нужно, чтобы уйти в монахи, которых потом называет кретинами и подонками, мило общается с монашками, жертвует им денег: «Я только хотел сказать, если вы собираете деньги, я бы мог пожертвовать немножко». Нельзя сказать, что Холден постигает таинство смерти во время инициации. Хоть в раннем возрасте умер его брат Алли, свою смерть Холден воспринимает равнодушно: «А вдруг у меня начнется воспаление легких, и я умру?» [5, 227].

Совершенно иной взгляд на Виктора Подгурского, героя повести Анатолия Гладилина. Он выпускник одной из московских школ, который не смог поступить в университет. После провала экзамена он намеревается подготовиться лучше и пересдать экзамены в следующем году. Подгурский отличается от Колфилда тем, что у него есть реальные цели, в то время как Холден совсем ничего не знает о своем будущем.

Сегрегация в повести Гладилина не такая явная, как в романе Сэлинджера. Начать стоит с того, что герой – Виктор Подгурский – не покидает ни свой дом, ни привычное для него общество. Точкой разрыва с прошлой жизнью, что и должна символизировать сегрегация, можно считать прекращение отношений с его подругой Ниной Истриной. После этого он отстраняется от общества, уходит в себя: «Я сейчас в каком-то тупике, мне кажется, что я полная беспомощность, бездарность, ни на что не способен» [1], – говорит он после расставания. И в этом он сходится с Холденом Колфилдом, который тоже считает себя бездарным.

Транзиция проходит на новом рабочем месте Подгурского – он устраивается лаборантом на инженерном заводе. Он покидает дом, выходит из зоны комфорта и погружается в неизведанное.

На заводе происходит и ограничение в общении, свойственное неوفиту в джунглях: «в общем, он недурен собой, только слишком замкнут и молчалив» [1], – отзывались о нем девушки-коллеги, а также появляется наставник – начальник лаборатории Николай Николаевич, который обучает Виктора всему необходимому. В повести появляются и другие черты, присущие ритуалу перехода, к примеру, драка, где Подгурскому удается постоять за себя, или шахматный турнир, который можно рассматривать как метафору сражения.

Главным отличием от героя Сэлинджера является то, что показан финальный этап инициации Виктора Подгурского – инкорпорация. Герой становится полезным, вовлекается в общество, когда у него появляются успехи в заводской лаборатории и культурной жизни всего завода.

В романе Дж. Д. Сэлинджера мы можем наблюдать только репрезентацию основных этапов инициации, а не сам ее процесс. Итогом ритуала перехода должна стать трансформация неوفита, поднимающая его на новый социальный и личностный уровень, в то время как Холден Колфилд сам признает, что не знает, изменился он или нет. В повести же Анатолия Гладилина уже демонстрируется вступление неوفита в новую социальную роль, но опускаются этапы на пути к этому. Отсюда следует, что Сэлинджер придерживается классического понимания инициации и стремится показать попытку перехода главного героя на новый социальный уровень, а Гладилину ближе традиционный роман воспитания, где важно само изменение героя, принятие им нового амплуа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гладилин, А. Т. Хроника времен Виктора Подгурского. Бригантина поднимает паруса / А. Т. Гладилин. – М. : Советский писатель, 1961. – 204 с.
2. Джером Сэлинджер был нашим шестидесятиником – литераторы [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2010. – 29 января. – URL : <https://ria.ru/20100129/206832035.html> (дата обращения: 23.11.2022).
3. Кэмпбелл, Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл; [Пер. с англ.]. – М. : Рефл-бук, АСТ, Ваклер, 1997. – 384 с.
4. Романович, Д. Е., Кулинич, Н. Г. Обряд инициации в первобытном и современном обществе. Нужен ли современному обществу обряд инициации? / Д. Е. Романович, Н. Г. Кулинич // Материалы секционных заданий 58-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ: в 2 т. – Хабаровск, 2018. – С. 20–23.
5. Сэлинджер, Дж. Д. Над пропастью во ржи. / Дж. Д. Сэлинджер – М. : Эксмо, 2004. – 272 с.

6. Шалимова, Н. С. Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» как роман-инициация / Н. С. Шалимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – №4. – С. 202–205.

SUMMARY

Nikita Makarov. Teenager of the fifties: the rite of initiation in J. D. Salinger's «The Catcher in the Rye» and in A. T. Gladilin's «Chronicle of the times of Victor Podgursky»

The article examines the plot scheme of initiation in two works of the mid-XX century: the novel by J. D. Salinger and the novel by A. T. Gladilin, compares the images of teenagers of the USSR and the USA, attempts at their self-identification in the adult world, highlights commonalities and differences.

Keywords: the novel of initiation, the novel of upbringing, the image of a teenager, J. D. Salinger, A. T. Gladilin.

Малахов Руслан

*Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Жихарева Н. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ*

КОСВЕННЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ НА МАТЕРИАЛАХ СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Косвенные средства речевого воздействия – употребление языковых форм для выражения иллюкутивной силы, не связанной с их прямым языковым значением. Такие средства воздействия не выражают открыто намерений субъекта, это так называемые способы скрытого принуждения личности к определенному поведению, выступающие эффективным средством ведения информационной войны.

Ключевые слова: диффамация, стигматизация, воздействие, манипулирование.

Лингвистические исследования в области речевого воздействия направлены на подробное изучение косвенных средств речевого воздействия. Русский язык включает в себя большое разнообразие выразительных средств, и это даёт возможность описывать предмет, явление или одни и те же ситуации по-разному. Сегодня мы можем наблюдать довольно частое использование разнообразных методов

скрытого речевого воздействия как в повседневной жизни, так и в иных сферах жизни человека.

Признаки термина «информационная война» можно наблюдать на протяжении всей истории, однако сам термин «информационная война» появился только в середине 1970-х годов. Косвенные средства речевой коммуникации использовались ещё античными авторами, которые проводили агитационные компании, оказавшие влияние на боевой дух своих товарищей и противников в нужном адресантам ключе. Исторически существует много примеров сражений, исход которых менялся с помощью манипулятивной дезинформации противника. Для большей наглядности можно вспомнить пример истории о знаменитом Троянском коне. В поэме Гомера «Илиада» в цикле сказаний о Троянской войне повествуется о царе Итаки, который приказал Одиссею построить большого коня из дерева и спрятать там воинов. Греками был оставлен посланник, который с помощью косвенного речевого акта манипулировал восприятием картины действительности троянцев и заставил их перевезти троянского коня в город. Троянцы были дезинформированы тем, что огромный деревянный конь был их триумфом, в то время как он был их поражением.

Умение побеждать в информационной войне является одним из главных приоритетов в ведении настоящей войны. Как писал Сунь-Цзы: «венцом искусства военных действий является не множество побед в сражениях, а покорение противника без непосредственно начала данного сражения. Разлагайте всё хорошее, что имеется в стране противника. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской стороны» [1, 354]. Стоит отметить, что Россия на данный момент подвергается политической стигматизации со стороны западных оппонентов с помощью публикаций в СМИ и социальных сетях. Политическая стигматизация – «навешивание диффамирующего ярлыка для создания негативного стереотипа в общественном сознании. При этом уровень доказательной базы (или её полное отсутствие) не играет решающей роли» [2, 8]. Количество западных структур, которые занимаются дискредитацией Российской Федерации, с каждым годом становится всё больше и больше. Это свидетельствует о том, что эффективность косвенного речевого воздействия в условиях информационной войны со временем прогрессирует.

Когда дискутируют о публикациях СМИ и социальных сетей, в информационной среде всё чаще социум прибегает к понятию «манипулирование». По определению Е. Л. Доценко: «Манипулирование – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими

желаниями» [4, 59]. Как пишет Э. Шостром: «Манипулирование, будучи основным бедствием современного человека, универсально, бесконечно и внеременно. Мы, например, читаем в Ветхом Завете историю о том, как Давид, пораженный в самое сердце красотой жены Урии, приказывает послать Урию на самую опасную битву. Давид надеется, что Урия погибнет, хотя не признаётся в этом даже себе» [10, 16]. В коммуникативной среде манипулирование достигается с помощью косвенных средств речевого воздействия и косвенного речевого акта. Благодаря косвенным средствам речевого воздействия, СМИ обладают возможностью регулировать картины действительности конечного адресата информации с помощью изменения структурных единиц предложений.

А. Г. Голодов в монографии «Вербальные технологии информационной войны. Политическая стигматизация» отмечает: «Обслуживающие интересы евроатлантической элиты западные СМИ намеренно наносят точечный удар по государству Россия, используя для этого антропоним «Путин» в качестве дискредитирующего ярлыка, т.е., употребляя антропоним «Путин», имеют в виду топоним «Россия»» [2, 7]. Пример замены огромной страны антропонимом «Путин» мы можем отчётливо заметить в публикации СМИ на сайте bbc.com:

«A month into the invasion and it was clear Russia's campaign was not going to plan. Vladimir Putin dramatically scaled back his ambitions, declaring the first phase largely complete» [11] / *«Через месяц после вторжения было понятно, что кампания России идёт не по плану. Владимир Путин резко сократил свои амбиции, объявив, что первая фаза в основном завершена»* (перевод наш – Р. М.).

Этой публикацией западные СМИ использовали инсинуацию (клевету), заявляя, что начало СВО было исключительно амбициями В. В. Путина, а не решением всего государственного аппарата Российской Федерации.

Стоит отметить, что тактика информационной войны западных стран-выгодоприобретателей заключается в умелом использовании косвенных средств политической стигматизации. «Обслуживающие интересы евроатлантической элиты западные СМИ» намеренно вкладывают скрытый смысл в единицы языка, искажая действительность для потребителей информации. Конкретный пример наблюдается в данной публикации сайта bbc.com:

«In June, four months after Russia invaded Ukraine, Russia's Foreign Minister Sergei Lavrov told me: "Russia is not squeaky clean. Russia is what it is. And we are not ashamed of showing who we are." In other words, we don't care what you think of us. It's a fitting slogan for today's Russia» [12] / *«В июне, спустя четыре месяца как Россия вторглась в Украину, Министр иностранных дел России Сергей Лавров сказал мне: «Россия не кристально чистая. Россия такая, какая она есть. И мы не стыдимся*

показывать себя такими, какими мы есть». Другими словами, нам всё равно, что вы думаете о нас. Это подходящий слоган для сегодняшней России» (перевод наш – Р. М.).

Данная публикация наглядно показывает стремление западных СМИ диффамировать слова Министра иностранных дел Сергея Лаврова. Создатель косвенного речевого акта (адресант) намеренно зашифровывает косвенную иллокуцию в локутивном акте для того, чтобы адресант мог декодировать информацию так, как выгодно стране-выгодоприобретателю (либо же странам-выгодоприобретателям).

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что косвенные средства речевой коммуникации являются мощным инструментом воздействия на картины действительности адресатов. Изучение особенностей косвенных средств речевой коммуникации даёт нам возможность распознать коммуникативные единицы в публикациях СМИ и социальных сетей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батлер-Боудон, Т. Искусство войны. Сунь Цзы (обзор) / Том Батлер-Боудон. – М. : Эксмо, 2004. – 685 с.
2. Голодов, А. Г. Вербальные технологии информационной войны. Политическая стигматизация (на материале немецкой массовой прессы) : моногр. / А. Г. Голодов. – Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина ; Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2020. – 324 с.
3. Добросклонская, Т. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Добросклонская. – [б. м.], 2020. – 180 с.
4. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
5. Кузнецова, С. В. Прагматические разновидности косвенных речевых актов, представленные в русских художественных текстах XX века / С. В. Кузнецов // Вестник РУДН. – 2010. – № 2. – 33 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
7. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов : [пер. с англ.] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : сб. / сост. и вступ. ст. : И. М. Кобозевой, В. З. Демьянкова ; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – 194 с.
8. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты : [пер. с англ.] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : сб. / сост. и вступ. ст. : И. М. Кобозевой, В. З. Демьянкова ; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – 222 с.

9. Солганик, Г. Я. Язык СМИ и политика / Г. Я. Солганик. – М. : Изд-во Москов. ун-та ; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – 952 с.
10. Шостром, Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор / пер. с англ. А. Малышевой. – М. : Полифакт, 1992. – 128 с.
11. Why did Russia invade Ukraine and has Putin's war failed? // BBC News : [сайт]. – URL : <https://www.bbc.com/news/world-europe-56720589> (дата обращения: 23.11.2022).
12. Russia: From 2018 World Cup host to global pariah // BBC News : [сайт]. – URL : <https://www.bbc.com/news/world-europe-63746613> (дата обращения: 23.11.2022).

SUMMARY

Ruslan Malakhov. Indirect means of speech influence in the conditions of the information warfare on the materials of the media and social networks

Indirect means of speech influence are viewed as the use of linguistic forms to express illocutionary force, not related to their direct linguistic meaning. Such means of speech influence do not openly express the intentions of the subject; these so-called methods of covert coercion of a person to certain behavior are highly effective in conducting information warfare.

Keywords: defamation, stigmatization, impact, manipulation.

Малова Елена

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Димитриева О. А.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»,

г. Чебоксары, РФ

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В КУЛИНАРНОМ РЕЦЕПТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЦЕПТОВ А. ЗИМИНА В ЖУРНАЛЕ «КОММЕРСАНТЬ WEEKEND»)

В рецептах А. Зимина в журнале «Коммерсантъ Weekend» встречаются следующие составляющие прецедентного феномена: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация. В работе представлен анализ функционирования прецедентных феноменов из литературы, песен, СМИ в зависимости от их расположения в композиции рецепта.

Ключевые слова: кулинарный дискурс, кулинарный рецепт, прецедентный феномен, семантика.

Понятия прецедентный текст, прецедентное высказывание, текстовая реминисценция, прецедентная текстовая реминисценция, ключевым словом для которых является «прецедентный» употребляются в работах многих исследователей из сферы языкознания. Развиваются несколько подходов исследования прецедентных феноменов. Один из них совмещает положения теории языковой личности и когнитивной лингвистики (Ю. Н. Караулов [2], В. В. Красных [4], И. В. Захаренко [1], Ю. Е. Прохоров [7] и др.). Другой подход основывается на достижениях лингвокультурологии. Третий рассматривает прецедентные феномены с позиции теории интертекстуальности (А. Е. Супрун [9] и др.). Также понятие «прецедентности» раскрывается в трудах ученых Ю. А. Сорокина [8], Р. З. Назаровой [6] и др.

Самое известное определение предложено Ю. Н. Карауловым, который определяет прецедентные тексты как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, 216]. Так, прецедентными текстами являются цитаты, имена персонажей, названия произведений, а также их авторы.

Актуальность работы связана с её вхождением в круг когнитивно-дискурсивных исследований, а также связь с лингвокультурологическими изысканиями. Цель исследования – изучить функционирование прецедентных текстов в кулинарном рецепте. Для реализации поставленной цели выделяются следующие задачи: 1) отобрать примеры, содержащие прецедентные тексты в кулинарном рецепте; 2) определить место прецедентных феноменов; 3) выявить функции прецедентных текстов в кулинарном рецепте. Материалом для исследования послужили рецепты А. Зимина из журнала «Коммерсантъ Weekend».

Прецедентные феномены в названии кулинарного рецепта. Прецедентные высказывания в качестве заголовка рецепта встречаются довольно часто, т. к. готовая формула, с одной стороны, привлекает читателя, интригует его, с другой – здесь дается намек на последующее содержание. Также подобные прецедентные высказывания ёмкие, потому что содержат в себе основное свойство или внешний признак блюда, такие названия легкие для запоминания, что полезно для читателей.

В названии рецепта «*За что хвалят петуха*» (KW. №42 от 29.10.2010) дается отсылка к басне И. А. Крылова «Кукушка и

петух» (1834 г.): *За что же, не боясь греха, / Кукушка хвалит Петуха? / За то, что хвалит он Кукушку.* А. Зимин «хвалит петуха» за то, что «петух в красном вине» – это идеальное по простоте и результату блюдо. Поэтому А. Зимин выносит в заглавие не только сам продукт приготовления (петух), но и свою положительную оценку этого блюда.

Несмотря на то, что песенный репертуар, сложившийся к настоящему времени, достаточно разнообразен, люди склонны при тех или иных ситуациях воспроизводить одни и те же популярные произведения. Ранее нами были проанализированы прецедентные феномены из рецептов Е. Чекаловой [5], где в качестве прецедентного высказывания функционирует формулировка «синяя птица счастья», которая отсылает ко многим известным прецедентным феноменам: М. Метерлинк «Синяя птица» или одноименная песня А. Макаревича и др. Однако Е. Чекалова иронизирует над курами из советских времен: автор подчеркивает их редкость, даже единичность, а цвет этих самых кур говорит об их не лучшем состоянии, синий выражает «старость».

А. Зимин также обращается к этому выражению в названии своего рецепта «Птица счастья» (KW. №36 от 17.09.2010). Здесь, как кажется, необходимо вспомнить известную песню «Птица счастья завтрашнего дня». Шеф-повар, ссылаясь на словарь Фасмера, подчеркивает, что название блюда «голубцы» – следствие его формальной схожести с голубем, хотя и сильно сомневается в этом из-за внешнего вида голубцов. *«Бургундский голубец, если все сделано правильно, на 10 минут устанавливает счастливый мир хотя бы в рамках одной тарелки»,* – заключает автор. Значит, условно говоря, «птица счастья» у А. Зимина – это голубцы, которые в процессе их употребления приносят гастрономическое удовольствие, ощущение счастья.

Прецедентные феномены в содержании рецепта. А. Зимин часто делает отсылки к именам, цитатам из известных произведений. Например, в рецепте «Баллада о салате» встречаются несколько прецедентных феноменов из художественной литературы: *Гастрономия – набор повторяющихся ситуаций в еще большей степени. Похожие техники, комбинации соленого, острого, сладкого и кислого, не «Буря» даже, в лучшем случае – «Проделки Скапена»* (Баллада о салате // KW. №41 от 28.10.2011). Алексей Зимин проводит параллель между литературой, для которой характерны типические конфликты и сюжетные линии, и кулинарией, в основе которой также повторяющиеся техники и комбинации. «Буря» – пьеса Уильяма Шекспира (1623 г.). По жанру это трагикомедия – пьеса с трагическими перипетиями,

но счастливым концом. «Проделки Скапена», или «Плутни Скапена» – пьеса Мольера (1670 г.). Это романтическая история, где внешняя обрамляющая часть сюжет о пройдохе, помогающем влюбленным, а внутри – истинное лицо мошенника и плута Скапена. А. Зимин дает отсылки к классическим произведениям мировой литературы потому, что они всегда откликаются у читателей благодаря понятным сюжетам, во многом отражающих жизнь, так и гастрономия по своей сути повторяет сложившиеся с годами правила готовки.

Следующий пример прецедентного высказывания – это преобразованный слоган рекламы сигарет Marlboro (*Почувствуй вкус свободы*), который включен в рецепт весеннего салата: **Если у свободы есть вкус, то это вкус этого салата** (Гениальный весенний салат // КВ. №17 от 27.05.2022). По мнению А. Зимина, сочетание редиски, укропа, кинзы и зеленого лука представляет собой воплощение легкости и свежести точно такое, как ощущение независимости.

Таким образом, прецедентные феномены могут составлять название рецепта и выполнять функцию номинации продукта приготовления, отношения автора к блюду (*за что хвалят петуха*), эмоции, впечатления, которые можно испытать после дегустации яства (*птица счастья*). В основной части содержания рекомендации к готовке прецедентные феномены выступают в качестве примеров для сравнения, сопоставления свойств гастрономии («Буря», «Проделки Скапена»), а также служат средством передачи вкуса (*Если у свободы есть вкус, то это вкус этого салата*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаренко, В. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д.Б. Багаева, А. И. Изотов // Язык, сознание, коммуникация. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 82–103.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
3. Коммерсантъ Weekend [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/weekend>
4. Красных, В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык сознание коммуникация. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 5–12.
5. Малова, Е. Н., Когнитивно-дискурсивный анализ кулинарных рецептов: прецедентные тексты / Е. Н. Малова // Мы говорим на одном языке: материалы X междунар. научно-практ. конф. – СПб. : РГГМУ, 2022. – С. 96–101.

6. Назарова, Р. З. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов / Р. З. Назарова, М. В. Золотарев // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 17–23.
7. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – Изд. 4-е, стер. – М., 2005. – 224 с.
8. Сорокин, Ю. А., Михалева И. М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 98–117.
9. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.

SUMMARY

Elena Malova. Precedent texts in a culinary recipe (based on the material of A. Zimin's recipes in the "Kommersant Weekend" magazine)

In A. Zimin's recipes from the "Kommersant Weekend" magazine, the following components of a precedent phenomenon occur: a precedent name, a precedent statement, a precedent situation. The paper presents an analysis of the functioning of precedent phenomena from literature, songs, and the media, depending on the place of their use.

Keywords: culinary discourse, culinary recipe, precedent phenomenon, semantics.

Машенцова Ева

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Кузенная Т. Ф.

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет

им. Иммануила Канта»,

г. Калининград, РФ

СЕМАНТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ НЕПРИЯТНЫЙ

В данном исследовании анализируется прилагательное эмоциональной оценки неприятный. Утверждается, что эмоциональная оценка и другие смыслы, которые надстраиваются над ней, составляют основу значения данной лексической единицы.

Ключевые слова: *прилагательное, неприятный, эмоциональная оценка, градация.*

Лексема эмоциональной оценки *неприятный* – многогранное прилагательное. Его употребление детерминируется сферой денотативных значений.

Цель данной работы – рассмотреть особенности эмоциональной оценки, являющейся основой значения прилагательного *неприятный*, в системе субъективных отношений, а также своеобразие проявления человеческих эмоций по отношению к мироустройству.

Задачи исследования:

1. Указать прямое значение лексической единицы *неприятный*.
2. Изучить словарные толкования данного прилагательного.
3. Проанализировать градацию признака.

Актуальность работы обусловлена важностью изучения семантики многомерного прилагательного *неприятный* и его характеристики с точки зрения различных смыслов, которые надстраиваются над первоначальной интерпретацией слова.

Эмоционально-оценочное значение составляет основу семантики лексической единицы *неприятный*. Через него выражается индивидуальное отношение субъекта к объекту речи. Последний воспринимается с позиции личностной меры.

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, слово *неприятнь*, являющееся однокоренным прилагательному *неприятный*, выступает «моравско-паннонским элементом, в котором видят кальку д. -в. -н. unholdo м. *дьявол*» [6, 64]. С религиозной точки зрения, лексема *дьявол* означает духа, наделённого силами зла и противостоящего Богу.

Так, прилагательное *неприятный* носит отрицательную историческую коннотацию. В сборнике В. Даля «Пословицы русского народа» есть краткое изречение, которое ярко отражает этимологическую особенность этой лексемы: «*Кто в пяток на Страстной постится, от неприятеля сохранен будет*» [4, 36]. Речь идёт о защите человека, соблюдающего особые ритуалы во время религиозного праздника, от дьявола.

В соответствии с толковым словарем В. Даля лексема *неприятный* обозначает то, что причиняет неудовольствие: «*У него дикий, неприятный голос. Запах свечек мне неприятен*» [1, 547]. В данном случае намеченный прилагательным *неприятный* эмоциональный признак возникает из впечатлений, которые человек получает при помощи органов чувств (слуха, обоняния и т.д.).

Идентичное толкование прилагательного *неприятный* предлагают С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова: «не нравящийся своими качествами, противный. *Н. вкус. Неприятно (в знач. сказ.) слышать грубость*» [3, 411]. Однако в словаре существует ещё одна интерпретация

лексической единицы. Неприятный – тот / то, кто / что вызывает волнение и нарушает спокойствие других: «*Неприятная встреча. Этот разговор мне неприятен. Встречаться с ним неприятно*» [Там же]. Из сферы физических ощущений прилагательное *неприятный* переходит в сферу чувственного мира человека.

Синонимами слова *неприятный*, согласно словарю под редакцией А. П. Евгеньевой, выступают лексические единицы *досадный* и *обидный*. Первая употребляется преимущественно с существительными *упущение, недосмотр, промах* и т. п. Её основное значение – «такой, которого не следовало допускать, которого могло бы и не быть» [5, 657]. Лексема *обидный* достаточно близка по семантике к слову *досадный*, но употребляется в меньшем количестве.

Эмоциональная оценка составляет основу значения лексемы *неприятный*. На неё надстраиваются другие оценочные смыслы. М. Л. Ковшова для прилагательного *приятный* выделяет «три регулярно реализуемых значения: 1) сенсорное значение; 2) эстетическое значение; 3) сублимированное значение» [2, 65]. В данном исследовании производится попытка применить данные значения для анализа лексической единицы с противоположным смыслом – *неприятный*.

Так, с помощью сенсорного значения данное прилагательное отражает эмоциональную оценку, которая создаётся за счёт физиологических ощущений (вкусовых, обонятельных и др.). Можно выделить следующие денотативные области данной лексемы: обоняние, осязание, вкус, слух, зрение. Например, ср.: *Арсений достал с полки коробок и высыпал его содержимое на уголья. По комнате распространился резкий неприятный запах*¹ (Евгений Водолазкин. Лавр (2012).

Эстетическое значение прилагательного *неприятный* имеет оценочный компонент, который отражает отношения между объектом оценки и идеалом. Здесь доминирующими денотативными областями выступают зрение и слух, потому что именно при помощи них воспринимается и анализируется то, что может быть названо неэстетичным, некрасивым. Например, ср.: *А вот «какофония» – это дословно «неприятный звук»* (С. В. Рязанцев. В мире запахов и звуков (1997).

Денотативная область *неприятного*, относящегося к сублимированному значению, широкая. Всё, что не располагает к себе субъект, может быть неприятным. Чаще всего прилагательное сублимированного значения употребляется во время описания случаев коммуникации. Например, ср.: *Через пару минут я оправился, но остался неприятный осадок* (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009).

Таким образом, семантика прилагательного эмоциональной оценки *неприятный* основывается на соотношении первоначального

¹ Здесь и далее приводятся примеры из НКРЯ.

его значения и смыслов, которые над ним надстраиваются. Выражаемые лексемой *неприятный* оценки могут быть вариативны и ассоциативны. В речи выделяются сенсорное, эстетическое и сублимированное значения, которые систематически реализуются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 т. Т. 2 : И – О М. – СПб. : Издание книгопродавца-типографа М. О. Фольфа., 1881. – 807 с.
2. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика прилагательного эмоциональной оценки *приятный* / М. Л. Ковшова // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2. / Ред. М. Л. Ковшова, Н. К. Рябцева, П. С. Дронов. Отв. ред. Е. Р. Иоанесян. М. : Канцлер, 2019. – С. 63–81.
3. Ожегов, С. И. и Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
4. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1 / Вступ. сл. М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. – М. : Худож. лит., 1989. – 431 с.
5. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: А – Н / ИЛИ РАН; Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 680 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – 832 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.

SUMMARY

Eva Mashentsova. The semantics of the evaluative adjective *unpleasant*

In this research the adjective of the emotional evaluation *unpleasant* is analyzed. It is argued that the emotional evaluation and other superstructural meanings form are the basis of the meaning of this lexical unit.

Keywords: adjective, *unpleasant*, emotional evaluation, gradation.

Медведева М. С.
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,
г. Ростов-на-Дону, РФ

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ТЕКСТОВ ОПЕРНОГО ЛИБРЕТТО

В настоящее время особенности либретто еще недостаточно изучены. Новая наука либреттология находится еще в стадии формирования. Оперные произведения являются культурными ценностями и либретто можно рассматривать как средство коммуникации. Несмотря на то, что опера как жанр искусства появился давно, до второй половины прошлого века практически не существовало научных работ по исследованию либретто.

Ключевые слова: оперное либретто, перевод, транскрипция, транслитерация, соответствие, художественный текст.

Специфика текстов оперного либретто заключается в том, что по своей прагматической направленности они могут относиться к различным жанрам. Под одним названием существует два вида текстов: либретто в театральной программке и либретто в партитуре оперного произведения. Это два разных по объёму и форме текста под одним и тем же названием. Для перевода этих текстов будут применяться различные трансформации.

Либретто в театральной программке – это сжатая форма оперного произведения, полный текст которого представлен в партитуре. Партитура – это комбинированное произведение, содержащее вербальную часть (текст) и невербальную (ноты) [2, 244].

Либретто как программка, рассчитано на массовую аудиторию: в театр может прийти любой зритель, поэтому текст строится в рамках доступности для любого носителя языка без учёта уровня образования или профессиональной подготовки.

Либретто как часть партитуры – более сложный тип текста. Первым адресатом этого текста является исполнитель той или иной партии, а в процессе исполнения оперного произведения слушатель является вторым адресатом текста, представленного в вокальной форме [2, 245].

В обоих видах либретто содержатся все три вида информации: когнитивная, эмоциональная и эстетическая. Эти виды по-разному реализуются в либретто.

Либретто как текст оперы можно рассматривать как особый жанр художественного текста, так как в нём преобладает

эстетическая информация, средства выражения которой многообразны. Многие тексты либретто опубликованы на сайте http://www.operafolio.com/list_of_opera_libretti.asp для широкого круга людей, но рассчитан он на индивидуальное восприятие. Когнитивная информация в художественном тексте не столь достоверна как, к примеру, в публицистических текстах, а подчинена эстетической информации [1, 38].

Однако, на наш взгляд, возникает некоторое противоречие: театральная программка содержит краткое содержание оперы, которое она доносит до слушателя, особенно если опера поставлена на языке оригинала, т.е. на иностранном для слушателя языке. В этом случае на первый план выходит когнитивное содержание – объективное содержание оперного произведения. Для когнитивной информации характерны логичность подачи и объективность, а номинативность стиля, преобладание настоящего времени глагола, отсутствие оценочной окраски в синтаксисе и лексике являются средствами её выражения [3, 56]. По этим параметрам текст либретто в программке приближается к энциклопедическому тексту, так как он имеет коллективного адресата. Адресат этого текста – любой человек, даже без музыкального образования. Коммуникативное задание энциклопедического текста – дать объективные, краткие базовые сведения о предмете (в нашем случае об оперном произведении) [4, 91].

Приведем в качестве иллюстрации фрагмент либретто оперы «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, поставленного в Мариинском театре Санкт-Петербурга.

«Действие третье. Картина первая. Бал в одном из аристократических домов Петербурга. Среди гостей Онегин, возвратившийся из странствий. Ни путешествия, ни светские удовольствия не могут рассеять его тоски. Появляется князь Гремин с супругой, в которой изумлённый Онегин узнаёт Татьяну. Князь сердечно рассказывает ему о своей счастливой женитьбе, представляет его Татьяне. Онегин поражён: неужели эта полная благородства и достоинства светская дама – та девочка, которой он когда-то читал нравоучения!? «Увы, сомненья нет, влюблён я, как мальчик полный страсти юной!», – с волнением признаётся себе Онегин».

Аналогичную картину либретто можно наблюдать на исследуемых нами языках. Английское либретто оперы Ш. Гуно «Фауст» также содержит максимум когнитивной информации и легко поддаётся переводу.

«The old philosopher Faust, in his study, is tired of life, but hearing the cheerful sounds of life outside, now calls on the Devil to

help him. Mephistopheles appears and grants him wealth and power and, at his request, youth, in return for his soul. Faust is transformed. At a fairground, outside a tavern, there is a lively crowd of people, joined by Valentine and Siebel. Wagner sings his Song of the Rat, interrupted by Mephistopheles, with his praise of the golden calf and toast to Marguerite. Valentine draws his sword, which is broken through the magic of Mephistopheles. Faust escorts Marguerite, as she leaves the church, Siebel kept at bay by Mephistopheles. In Marguerite's garden Siebel picks her a bouquet of flowers, but they wither at his touch, until he dips his fingers into holy water, breaking the spell. Faust greets the house and lays a casket of jewels on the step, in place of Siebel's bouquet. Marguerite, approaching, sings her song of the King of Thule, as she muses about the handsome stranger she has met. She sees and hesitatingly opens the casket, donning the jewels, which delight her. Her neighbour Marthe encourages her, and when Faust and Mephistopheles appear, she goes out with the latter, leaving Faust and Marguerite alone, as the couples wander in the garden. Parting from her, Faust hears her confession of love and rushes to her. In the fourth act Marguerite has been deserted. In church Mephistopheles reminds her of her sin, urging her despair. In front of her house Faust and Mephistopheles provoke Valentine, who is within, and Faust kills him. He dies cursing his sister. The revised fifth act contains the Walpurgis Night scene, where Faust sees the heroines of antiquity and, finally, Marguerite, with a red mark on her neck like the cut of an axe. Brought to her in prison, where she has been condemned to death for killing her child, Faust begs her to escape with him, but she turns instead to the angels, aware of the evil in Mephistopheles. Angels now carry her up to heaven and Mephistopheles, as Faust kneels in prayer, remains frustrated».

«Старый философ Фауст сидит в своем кабинете, устал от жизни, но услышав веселые звуки жизни снаружи, теперь призывает Дьявола на помощь. Мефистофель появляется и дарует ему богатство и власть, и, по его просьбе, молодость, в обмен на его душу. Фауст изменился. На ярмарочной площади, за пределами таверны, стоит толпа людей, к которым присоединились Валентин и Зибель. Вагнер поет свою Песню о Крысе, его прерывает Мефистофель, превознося его как золотого тельца и говоря тост для Маргариты. Валентин вытаскивает меч, который ломается от колдовства Мефистофеля. Фауст провожает Маргариту, когда она выходит из церкви, Мефистофель держит в страхе Зибеля. В саду Маргариты Зибель собирает ей букет цветов, но они вянут от его прикосновения, пока он не смачивает свои пальцы святой водой, тем самым разрушив заклинание. Фауст подходит к дому

кладет шкатулку драгоценностей на ступеньку вместо букета Зибеля. Маргарита, приближаясь, поет песню короля Туле, думая о красивом незнакомце, которого она встретила. Она видит и нерешительно открывает шкатулку, надевая драгоценности, которые радуют ее. Ее соседка Марта приободряет ее, и, когда появляются Фауст и Мефистофель, она уходит с последним, оставив Фауста и Маргариту наедине, пока они гуляют в саду. Расставшись с ней, Фауст слышит ее признание в любви и устремляется к ней. В четвертом акте Маргарита опустошена. В церкви Мефистофель напоминает ей о ее грехе, побуждая ее к отчаянию. Перед ее домом Фауст и Мефистофель провоцируют Валентина, который находится внутри, и Фауст убивает его. Умирая, он проклинает свою сестру. Пересмотренный пятый акт содержит сцену Вальпургиевой ночи, где Фауст видит героинь древности и, наконец, Маргариту, с красной меткой на шее как от удара топором. Придя к ней в тюрьму, где она была осуждена на смерть за убийство своего ребенка, Фауст просит ее бежать с ним, но вместо этого она обращается к ангелам, зная о зле в Мефистофеле. Ангелы теперь несут ее на небо и Мефистофель, в то время как Фауст преклоняет колени в молитве, остается разочарованным».

Для перевода подобных текстов используется относительно небольшое количество переводческих трансформаций. В приведённом кратком либретто для передачи топонимов и антропонимов были применены транскрипция, транслитерация и соответствия: *Faust* – Фауст; *Marguerite* – Маргарита; *Marthe* – Марта, *Siebel* – Зибель, *King of Thule* – Король Туле. Также был применен дословный перевод: *Song of the Rat* – Песня о Крысе, *heroines of antiquity* – героини древности. Модуляция: *Marguerite has been deserted*. – Маргарита была опустошена. Для передачи фольклорной реалии *Walpurgis Night* использован приём калькирования – Вальпургиева ночь. Во многих случаях наблюдался полный перевод: *Valentine draws his sword, which is broken through the magic of Mephistopheles*. – Валентин вытаскивает меч, который ломается от колдовства Мефистофеля.

Подводя итог выше сказанному, особую трудность при переводе представляют полные тексты оперных либретто, так как перед переводчиком стоит двоякая задача: он должен делать перевод диалогов, которые являются прозой, и создавать поэтический перевод арий. При этом переводчику необходимо создавать тексты, которые будут исполняться певцами, следовательно, возникает необходимость учитывать музыкальный размер. Этому размеру можно точно не следовать,

если переводчик создаёт титры, которые сопровождают оперу, исполняемую на иностранном языке. В настоящее время это довольно распространённое явление, например, в Ростовском музыкальном театре опера «Фауст» исполняется на французском языке в сопровождении бегущей строки с текстом оперы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов, Л. С. Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык/ Л. С. Бархударов // Тетради переводчика. – М. : Высшая Школа, 1984. – Вып. 21. – С. 38–48.
2. Ганзбург, Г. И. О перспективах либреттологии / Г. И. Ганзбург // Музыкальный театр XX века: События, проблемы, итоги, перспективы / ред.-сост. А. А. Баева, Е. Н. Куриленко. – М., 2004. – С. 244–249.
3. Гулая, Т. Н. Оперное либретто как феномен интертекстуальности: на материале оперы Г. Г. Вдовина «Пасынок судьбы» – диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01. – Саранск, 2006. – 190 с.
4. Соллертинский, И. Драматургия оперного либретто / И. Соллертинский // И. Соллертинский. – Критические статьи. – Л., 1963. – С. 91–107.

SUMMARY

M. S. Medvedeva. To the question of the specifics of the texts of the opera libretto

Currently, the features of the libretto have not yet been sufficiently studied. The new science of librettology is still in the formative stage. Opera works are cultural values and the libretto can be considered as a means of communication. Despite the fact that opera as a genre of art appeared a long time ago, until the second half of the last century there were practically no scientific works on the study of the libretto.

Keywords: opera libretto, translation, transcription, transliteration, correspondence, artistic text.

Мухина Дарья
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Жихарева Н. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ДРАМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье освещаются вопросы жанровых особенностей драматургического дискурса. На материале русскоязычных пьес XXI века демонстрируется специфика языка драматического произведения.

Ключевые слова: дискурс, драматический дискурс, диалог, стилизация языка.

Дискурс – это термин, охватывающий широкий спектр различных понятий, которые были рассмотрены во многих дисциплинах с разных точек зрения. Его значение развивалось с самых далеких времен риторики (благодаря трудам Аристотеля) до самой тщательно разработанной формы в трудах Мишеля Фуко.

Общепринятого определения дискурса, которое охватывало бы все сферы его использования, не существует, и, видимо, именно это способствует такой большой популярности и актуальности обращения к этому термину в настоящее время при изучении традиционных концепций речи, текста, стиля и языка.

Дискурс – это феномен, изучаемый в данное время, то есть по мере его возникновения и развития, и при его анализе необходимо учитывать все социальные, культурологические и прагматические факторы.

С одной стороны, дискурс представляется как речевая деятельность, с другой стороны, как результат этой деятельности – законченное повествование построение взаимосвязанных семиотических уровней создания значения того или иного концепта.

Драматургический дискурс представляется многоплановым и многомерным феноменом, объединяющим не только литературу и театральное искусство, но и различные коммуникативные, семиотические системы. Отражая многообразные экзистенциальные ситуации с помощью воссоздания процесса коммуникации, драматическое произведение существует и как жанр литературы, и как текстовый материал для театральной постановки [5, 112].

Драматургический дискурс как сложное семиотическое единство обладает мощным интерпретационным потенциалом благодаря двум

видам решений – переводческим и постановочным, выраженным в следующих составляющих: 1) драматургических текстах, насыщенных диалогами, вербальными / невербальными кодами, интралингвистическими и экстралингвистическими знаками; 2) участниках (автор, переводчик, сценарист, режиссёр, актёр, зритель, критик); 3) ситуациях / пьесах / постановках, что допускает множественность интерпретаций как в процессе создания пьесы, так и при её постановке, а также в процессе зрительского восприятия [3, 39].

Драматическое произведение, в свою очередь, представляет собой своеобразный гипержанр, соединяющий гибкую систему речевых жанров, воссоздаваемых персонажами. Иными словами, отражение экзистенциальной и последующее формирование сценической роли основывается на жанровой презентации выписанного, созданного персонажа – определенной языковой личности [5, 114].

Данный тип дискурса представляет собой стилизованную разговорную речь, письменное проявление которой предполагает наличие диалогов персонажей. Помимо диалогической коммуникации, драматический дискурс включает в себя паралингвистическое сопровождение речи (т.е. мимику и жесты). Так, А. Юберсфельд определяет драматургический дискурс как «совокупность (ансамбль) лингвистических знаков, созданных в театральном произведении» [6, 247].

Следовательно, драматический дискурс – это не только текст, в котором представлена прямая речь персонажей пьесы (лингвистические знаки), но и паралингвистические элементы, которые направлены на понимание текста – авторские ремарки (экстралингвистические знаки):

КАТЯ. Угощайся, Валуха.

ВАЛЕНТИНА. Что это?

КАТЯ. Блины. Блинный торт. Бери, не стесняйся. (Берет в одну руку блин, в другую рюмку) Ну, Валя, за тебя. (какое-то время сидит молча, потом выпивает, закусывает блином)

ВАЛЕНТИНА. Ладно, царствия ему небесного. (делает глоток, остальное выплескивает на пол) [2].

С течением времени изменяется и тематика пьес драматического дискурса – в центре внимания оказывается не череда событий, действий, как это было в «шекспировском театре» и в «комедиях ошибок» XVIII века, но эмоциональное состояние персонажа. Начиная с XIX века драматурга и зрителя интересует психологическая драма, раскрывающая внутренний мир человека. Драматургу необходимо правильно охарактеризовать действующее лицо и подобрать адекватные языковые средства для отображения его эмоционального статуса [4, 83].

Драматическое произведение становится «сценой» интеракций действующих лиц мужского и женского пола, помещенных в определенный контекст, посредством использования речевых актов и их блоков – дискурсивных актов. Данные речевые высказывания в драматическом произведении являются не чем иным, как средствами характеристики персонажей, раскрытия их образа, проявления их эмоционального состояния, развития сюжета и хода событий.

Эмоциональные состояния в драме – это искусное применение языковых и речевых средств, с помощью которых создаются персонажи (так называемая драматическая направленность и ее развертывание в сюжете формулируются в терминах эмоциональных качеств героев драматического произведения).

Эмоции в драме должны учитываться не только в целях получения реалистичных сюжетов и правдоподобных персонажей, но и для того, чтобы они составляли специфический предмет самой драмы, заложенный и переданный через формальную структуру пьесы. Каждая драма, как и любой предмет искусства, имеет особый характер, настроение, общее чувство, связанное с аудиторией, на которую направлено произведение.

Помимо внешней диалогичности, которая направлена на читателя, драматический дискурс диалогичен и внутренне, поскольку представляет стилизованную разговорную речь участников коммуникации. Таким образом, мы можем говорить о диалогичности формы драматического произведения, которое включает в себя две составляющие: диалог персонажей и авторские ремарки-пояснения. Эта особенность обусловлена центральной отличительной чертой драматургического дискурса, которая выделяет его в границах художественного дискурса.

Диалогический фрагмент пьесы – письменная фиксация разговорной речи, особенности которой драматурги стремятся передать в своих произведениях в стилизованном формате, максимально точно воспроизводя лексические и грамматические особенности разговорной речи (разговорный язык имеет тенденцию сокращать высказывания, иногда упрощая синтаксис до фрагментов предложений):

КИРЮХА. Да зачем ж ты все ворчишь? Красиво – не красиво, с гулькин – не с гулькин... Такая работа – оттирать. А у другого работа – приклеивать. Может, он тоже там стоит и думает: «И зачем я это золотице приклеиваю? Все равно его Калина с Кирюхой оттирают...» И неохота ему, а он все равно приклеивает, приклеивает...

КАЛИНА. Ага. Так ты, значит, со мной не согласен, ты, значит, с ним согласен. А чё ж ты тогда сидишь тут со мной сдираешь, ты иди тогда с ним и клей. Иди, клей. Иди, Кирюха! А? Чё молчишь? Ты говори. Говори! Чё ты?

КИРЮХА. Чё-чё... Я хочу как раз сказать-то, а ты «чё-чё»!

КАЛИНА. А чё я? Я чё, ждать, что ли буду, пока ты родишь там? Рожай, давай скорей! Не тяни kota за яйца!

КИРЮХА. А я чего, тяну, что ли? Я и не тяну. А ты орешь только. Орешь, орешь... [1].

Таким образом, отличительной чертой драматургического дискурса является его категория диалогичности, которая прослеживается не только на уровне формы драматургического произведения, но и в более широком диапазоне драматургического дискурса в целом. Авторская речь почти полностью отсутствует, за исключением ремарок драматурга и сценических ремарок, какими бы значительными они ни были. Отсюда следует, что язык пьес всегда стилизован, т.е. стремится сохранить модус литературного языка, если только драматург не ставит перед собой особую цель, требующую использования нелитературных форм и выражений.

Стилизация разговорного языка – одна из черт пьес, которая на разных этапах истории драматургии проявляла себя по-разному, выявляя, с одной стороны, общие тенденции литературного языка, а с другой – личные особенности действующих лиц, созданных писателем.

Таким образом, диалоги драматического произведения имеют широкий спектр возможных интерпретаций. Диалогическая речь является формой, в которой стилистическое разнообразие национального языка находит свое реальное воплощение. Речь является особым видом коммуникации и обладает рядом определенных лингвистических характеристик. Эти специфические особенности объясняются исключительными условиями и целями общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартенев, М. М. Куба – любовь моя [Электронный ресурс] / М. М. Бартенев. – 2003. – URL: <https://sufler.su/katalog/b/бартенев-михаил> (дата обращения : 19.11.2022).
2. Вырыпаев, И. А. Валентинов день [Электронный ресурс] / И. А. Вырыпаев. – 2009. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=30256> (дата обращения : 19.11.2022).
3. Зиньковская, А. В. Драматургический дискурс как статусно новое дискурсивное образование / А. В. Зиньковская // Вестник АГУ. – 2015. – Вып. 2(153). – С. 36 – 42.
4. Кривченко, И. Б. Особенности выражения эмоциональных состояний персонажей в драматургическом дискурсе (на материале англоязычных пьес XXI века) / И. Б. Кривченко // Филологические науки. – 2015. – С. 83 – 85.

5. Сахарова, О. В. Жанры и роли (к вопросу о жанровой организации драматургического дискурса) / О. В. Сахарова // Жанры речи. – 2015. – № 2(12). – С. 112 – 118.
6. Ubersfeld, A. Lire le theatre / A. Ubersfeld. – Paris, 1977. – 316 p.

SUMMARY

Daria Mukhina. Genre specificity of dramatic discourse

The article highlights the issues of genre features of dramatic discourse. The specificity of the language of a dramatic work is demonstrated on the material of Russian-language plays of the 21st century.

Keywords: discourse, dramatic discourse, dialogue, language stylization.

Понкратенкова Анастасия

*Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ*

СЕМЕЙНЫЙ ДИСКУРС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В исследовании рассматривается лингвистический аспект повседневности, представлены параметры определения повседневности, а также проанализирован семейный дискурс как разновидность повседневности.

Ключевые слова: семейный дискурс, повседневность, коммуникативный акт.

Вопрос повседневности изучается многими гуманитарными науками. Так, культурологический аспект повседневности рассматривали Л. Беловинский, К. Богданов, П. Вайль, Г. Гачев, А. Генис; социологическую сторону – И. Гоффман, Л. Ионин, Д. Лукач, А. Шюц; философские категории пространства и времени в повседневности стали предметом исследований Г. Кнабе, Н. Козлова и др.

На данном этапе развития науки повседневность является темой статей, монографий, научных конференций. В филологии проблему повседневности рассматривают в процессе изучения бытового общения и живой разговорной речи, однако практически отсутствуют работы, в которых проанализировано место семейного дискурса в повседневности, в чем и заключается актуальность данной работы.

Австрийский философ Альфред Шюц ввёл термин «повседневность», который связывал с изучением проблемы обыденного знания и сознания. По трактовке А. Шюца, повседневное знание является результатом повторения жизненного опыта, это знание, которое всегда под рукой [5].

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова в монографии «Языковое существование горожанина» (2010 г.) подчёркивают невозможность рассмотрения проблематики повседневности без учёта лингвистических аспектов. В качестве обоснования приводится следующее мнение И. Т. Касавина: «Язык – ключевой объект при анализе повседневности во всей её полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь. Всякий исследователь обыденной реальности и сознания вынужден быть отчасти лингвистом» [3, 11]. Исследователь отмечает проблему типизации языкового поведения, указывая, что партнёры коммуникации воспринимают языковую ситуацию «сквозь сеть классификаций и типизаций, вытекающих из их социальных ролей» [3, 11].

Мы, изучая речь семьи, отмечаем, что «семейная коммуникация представляет собой повседневное общение с постоянным набором партнёров коммуникации, коммуникативных актов и повторяющимися коммуникативными ситуациями» [5, 68].

Цель данного исследования – рассмотреть семейный дискурс как один из видов повседневности. Задачей нашей работы является изучить лингвистический аспект повседневности, обосновать и проанализировать параметры, определяющие семейный дискурс как разновидность повседневности.

С конца XX века в русской филологии большое внимание уделяется исследованиям разговорной речи и повседневного общения (Н. Д. Арутюнова, Т. Г. Винокур, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, О. Б. Сиротинина и др.). Однако И. В. Тубалова подчёркивает, что вопрос так и не получил целостного описания – лишь «отдельные специфические характеристики повседневного (= бытового, = обиходного, = разговорного) дискурса нашли отражение в работах» [4, 41].

В статье «Специфика организации дискурсов повседневности» И. В. Тубалова, ссылаясь на позицию В. И. Карасика, противопоставляет повседневный и институциональные дискурсы [4, 42]. К институциональным видам дискурса, выделяемым на основе социолингвистических признаков, В. И. Карасик относит педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский и др. [1, 240]. Также исследователь выделяет личностно-ориентированный дискурс, который представлен бытовой и бытийной разновидностями, подчёркивая, что в первом случае «речь идёт об очевидных вещах, используется разговорная

форма речи, бытового дискурс диалогичен и является исходным типом общения» [1, 240]. Во втором же случае предпринимаются попытки «раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве» [1, 240] посредством литературной формы речи.

Несмотря на выраженную системность и типичность повседневности, повседневное общение разнообразно: оно может выступать в непосредственной и опосредованной форме и может быть неофициальным (бытовое общение).

И. В. Тубалова подчёркивает, что одной из основных характеристик повседневности как сферы общения является «принципиальная открытость границ» [4, 42]: участники коммуникации могут не следовать институциональным нормам и правилам.

Безусловно, семейный дискурс также является сферой общения, свободной от условностей, в семье практически не ограничено тематическое разнообразие бесед. Однако важно отметить, что всё же присутствуют определённые правила: необходимость придерживаться социальных ролей (муж, жена, мать, отец и т.д.), избегать табуированных тем, которые присутствуют практически в каждой семье, и даже соблюдать семейные традиции и ритуалы.

Основываясь на исследованиях разговорной речи М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, мы понимаем повседневность как систему типичных речевых практик с определённым набором коммуникативных компонентов. Учёные выделяют основополагающие параметры коммуникативной ситуации: время, место, партнёры коммуникации, тема [2, 24]. Считаем, что эти параметры необходимо учитывать при толковании повседневности с её системой типичных (повторяемых) речевых практик.

Принимая во внимание данное выше определение повседневности, мы можем анализировать семейный дискурс по каждому из указанных параметров. Рассмотрим их.

Время. В семейном дискурсе время понимается с точки зрения длительности и повторяемости, а также положения коммуникативного акта во времени суток.

Так, в монографии «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект» М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова делят коммуникативные ситуации на два типа в зависимости от того, «насколько «жёстко» они заданы пространственно-временными координатами:

1. Ситуации-стереотипы. К ним относятся ситуации, обусловленные социально-биологическим ритмом жизни человека (ср. пробуждение, еда, отход ко сну), а также ситуации, задающие шаблоны быта каждой семьи и формирующие внутрисемейный хронотоп (уход на работу, семейный чай, прогулка с собакой и т.п.).

2. Спонтанно возникающие ситуации. Подобные ситуации не обнаруживают жёсткой связи с хронотопом. Они могут периодически повторяться, но их повторяемость не носит регулярного характера. Спонтанно возникающие ситуации обычно группируются вокруг актуальных тематических доминант: здоровье, работа, учёба, межличностные отношения, вещный мир и т.п.» [2, 310-313].

Место. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова приводят оппозицию «дом / вне дома». Учитывая, что обязательным условием повседневности для нас есть повторяемость, основным местом семейного дискурса, безусловно, является дом. Мы также можем говорить о связи коммуникативного акта с местом в доме, т.е. типичности тематики речевых актов: в кухне это семейные беседы за совместным приёмом пищи, в прихожей – этикетные приветствия и прощания, а в детской – беседы и чтение с детьми.

Партнёры коммуникации. В повседневности «набор» партнёров коммуникации неизменен. Как было сказано выше, в семье существует чёткое распределение социальных ролей между партнёрами коммуникации.

Тема. Учитывая, что партнёры коммуникации в семейном дискурсе хорошо знакомы, круг тем практически не ограничен, за исключением табуированных (запретных) тем, известных всем в семье. Отметим, что на выбор темы коммуникации влияют коммуникативные цели участников беседы и их отношение друг к другу (уровень эмоциональной связи). В контексте повседневности мы можем говорить о типичных темах, обсуждаемых в семейном кругу (работа, учёба, бытовые вопросы).

Итак, семейный дискурс как разновидность повседневности, имея свои лингвистические особенности, целесообразно рассматривать с учётом основополагающих параметров коммуникативной ситуации, выделенных М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой. Семейное общение составляет большую часть повседневности, имеет признаки системности и типичности. Следовательно, перспективным является дальнейшее изучение лингвистических особенностей семейного дискурса как разновидности повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 280 с.
2. Китайгородская, М. В. Речь москвичей : Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М., 1999. – 396 с.
3. Китайгородская, М. В. Языковое существование современного горожанина : На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 496 с.

4. Тубалова, И. В. Специфика организации дискурсов повседневности / И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 4(16). – С. 41 – 52.
5. Понкратенкова, А. В. Семейная беседа как основной жанр семейного дискурса / А. В. Понкратенкова // Россия народная : россыпь языков, диалектов, культур : сборник материалов Всероссийской с международным участием научной конференции, [23-25 апреля 2019 г., г. Волгоград] / [гл. ред. : Е. В. Брысина, В. И. Супрун; редкол. : Е. И. Алещенко и др.] Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, Волгогр. отд-ние О-во рус. словесности. – Волгоград : Фортесс, 2019. – С. 68 – 72.
6. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129 – 137.

SUMMARY

Anastasia Ponkratenkova. Family discourse as a kind of everyday life

The study examines the linguistic aspect of everyday life, presents the parameters for defining everyday life, and analyzes family discourse as a kind of everyday life.

Keywords: family discourse, everyday life, communicative act.

Попова Алина

*Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Шишкина И. Е.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ*

РОМАН И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» КАК РОМАН ВОСПИТАНИЯ

Произведение И. А. Гончарова «Обыкновенная история» рассматривается как роман воспитания. Специфика этого жанра заключается в описании психологического, нравственного и социального формирования личности главного героя, в преодолении романтического идеала, приобщении к суровой деловой жизни. История Александра Адуева оказывается отражением исторически необходимых изменений общества.

Ключевые слова: жанровое своеобразие, «Обыкновенная история», роман воспитания, композиция.

Роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история» (1847) стал первым русским произведением, в котором исследовались

формы общественного прогресса в России. Новаторство писателя заключалось в том, что в судьбе отдельного человека он попытался увидеть проявление общественных закономерностей. Большое внимание исследователи творчества И. А. Гончарова уделяли жанровой природе его произведений. Так, Е. А. Краснощекова отмечает, что «Обыкновенная история», «являясь общественно-психологическим романом, вбирает в себя и черты философского просветительского романа, а в еще большей степени – романа воспитания» [3, 51].

Цель нашей работы – показать, что «Обыкновенная история» И. А. Гончарова имеет все признаки романа воспитания.

Известно, что жанр романа воспитания возник в немецкой литературе во второй половине XVIII в. в эпоху Просвещения, распространившись и в первой половине XIX в. в связи с изменением роли человека в обществе, появлением у просветителей убеждения о необходимости улучшить естественные данные человека через воспитание, опыт, самовоспитание. Термин «роман воспитания» ввел в 1774 г. Ф. Бланкенбург, определив его как тип романа с доминированием воспитания и формированием характера героя. А впервые термин «роман воспитания» начал использовать в своих работах профессор эстетики Карл Моргенштерн в 20-х годах XIX в. в процессе анализа романа И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795-1796). По мнению ученого, роман воспитания отличается от других разновидностей жанра, во-первых, темой, так как здесь показан процесс воспитания характера героя от первых лет его жизни до определенного этапа развития, описаны моральные добродетели, которые главный герой постепенно приобретает в процессе своего внутреннего развития, и способы их приобретения. Во-вторых, отличительной чертой этого жанра является довольно большая степень влияния произведения на воспитание читателя по сравнению с любым другим типом романа.

Изображение жизни «как опыта, школы, через которую должен пройти каждый», которое было характерно для романа-воспитания с самого его возникновения, было характерной чертой многих произведений XIX в. В них человек рассматривается как переменная ценность, которая зависит от внешних обстоятельств, и дается описание того, как человек формируется вместе с миром, отражая в себе историческое развитие самого мира.

В русском литературоведении, опираясь на образ человека и времени, в труде «Роман воспитания и его значение в истории реализма» М. М. Бахтин одним из первых исследовал теоретические основы романа воспитания, определил его специфические особенности и отличия от других жанровых форм, предложил собственную классификацию романа воспитания, проследил его

проблематику. Рассматривая жанровые разновидности романа воспитания, ученый сопоставил роман испытания и роман воспитания, обращая внимание читателя на то, что первый «исходит из готового человека и подвергает его испытанию с точки зрения готового уже идеала» [1, 128], указал на неизменность испытываемого уже готовым идеалом героя. А для романа воспитания характерно наличие идеи становления героя, которая организует художественную структуру произведения: «Жизнь с ее событиями служит уже не пробным камнем и средством испытания готового героя... Теперь жизнь с ее событиями, освещенная идеей становления, раскрывается как опыт героя, школа, среда, впервые формирующие характер героя и его мировоззрение» [1, 112]. Таким образом, по мнению М. М. Бахтина, роман воспитания – это художественная структура, главным организующим центром которой есть идея становления.

В романе воспитания большое значение отводится композиции, в которой важная роль принадлежит вещному миру (портрет, интерьер, географические названия, пейзажи, описание одежды, вещей, еды, пространственные координаты). Этот вещный мир выполняет не только конкретно-отражающую функцию, но и является знаками, символами определенных жизненных установок и ценностей, образа жизни (мотив пути, образ дома, сада, моря, города, села и т.д.).

Центральной фигурой романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» является Александр Адуев, о жизни которого в усадьбе Грачи подробно и неторопливо повествует писатель, создавая в воображении читателя образ милой сердцу самого автора дворянской провинции. Название усадьбы говорит о единстве природы и человека. А грачи, как и люди, живущие в загородных усадьбах, из года в год строят свои семейные гнезда. Часто зрелых детей, которые уезжают от родителей, чтобы осуществить свои мечты, сравнивают с птенцами, которые выросли и улетели из гнезда. Что и происходит с Александром Адуевым, которому наскучило жить под крылом у мамы, и он уезжает из родового имения, чтобы испытать свои силы в большом Петербурге. Уход из «дома» – решающий момент, с которого начинаются «годы учения». «Дорога» – это устойчивая метафора открывающейся жизни. Если в «романе странствий» (или «романе больших дорог») отдается абсолютное предпочтение пространственным координатам перед временными, то в романе воспитания – наоборот; смена места жительства для Александра принципиальна, но дорога сама по себе осмысливается не в пространственных, а во временных координатах (главному герою предстоит дорога длиной в пятнадцать лет). «Прямой путь» в контексте романа воспитания – путь самообретения. Дорога страданий и разочарований в период взросления – это дорога,

проходимая каждым человеком. Жизнь в Петербурге во много раз усложнила эту дорогу взросления для Александра. Юноша, видевший до этого только свою усадьбу, убежденный в своей исключительности и своем таланте, лелеет надежду, что перед ним распахнутся все двери, что его ожидает полное признание общества (особенно на литературном поприще): *Он мечтал о благородном труде, о высоких стремлениях ипреважно выступал по Невскому проспекту, считая себя гражданином нового мира* [2, 107].

Однако Петербург сначала удивляет, а потом и разочаровывает Александра. «Драматизм положения героя заключается в том, что первенство в домашнем, малом, интимном круге его уже не удовлетворяет, а для центрального положения в «большом» мире не достаёт способностей» [4, 10]. Разочарованный, Александр уезжает из Петербурга на пике своих огорчений, но через некоторое время возвращается в столицу, уже поставив перед собой другие цели. Герой отказывается от «возвышенных чувств», смиряется с реальной жизнью и готов «дело делать».

Петр Адуев – дядюшка Александра – играет важную роль в романе: выполняет функцию наставника. Наличие такого «наставника» – еще один важный признак романа воспитания. Становление личности Александра происходит быстрее и безболезненнее благодаря своеобразной опеке дядюшки, ведь племянник получает от него не только ругань и наставления, но и поддержку. В словесных боях с Александром он аргументированно разясняет ошибочность юношеской романтической экзальтации, пытается приобщить родственника к реальной жизни, чем оказывает значимое воздействие на Александра и участвует в его отрезвлении. Но когда Александр влюбляется, отрезвляющие слова дяди вообще перестают иметь хоть какой-то эффект. Мы предполагаем, это связано с тем, что автору, развивающему в начале романа обличительный замысел, в этот момент был нужен дядюшка в роли насмешливого оппонента-судьи, а не терпеливого учителя, находящегося на равных со своим учеником. Во второй части «Обыкновенной истории» Петр Адуев становится похож на маловлиятельную сюжетную фигуру, передав свои наставнические полномочия жене, и полнота этого образа возвращается лишь в эпилоге. «Глухой угол», в котором оказался Петр Адуев, возникает потому, что личностные отношения для него являются лишь приложением к службе, карьере.

Обратим внимание, что оба героя прошли практически одинаковый жизненный путь: романтический восторг, испытания, разочарования, и, в конце концов, познание мира. М. М. Бахтин указывает: циклическое становление личности «рисует некоторый типически повторяющийся путь становления человека от юношеского идеализма и мечтательности к зрелой трезвости и

практицизму» [1, 69]. Такой признак явственно реализован в образах обоих Адуевых.

В третьей главе романа мы встречаемся с развернутым портретом Александра Адуева. Этот портрет, очевидно, сопоставляется с другим его же портретом: в момент первого приезда в Петербург. Тут используется двойной акцент: есть и прелести ранней юности (лилии и розы), и возмужание. Отпечаток прошедших лет заметен и в манере поведения.

Таким образом, с главным героем романа случается такая же «обыкновенная история», как и с его дядей-наставником, да и с любой романтической натурой. И. А. Гончаров с иронией, состраданием и печалью констатирует, что человек, стремящийся с начала жизни быть исключительным, становится заложником устоявшегося к тому времени социального стереотипа.

Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод, что «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова присущи следующие типологические черты романа воспитания:

- главный герой проходит определенные этапы своего личностного развития: «годы учебы» – «годы странствий» – «годы мудрости»;
- показ образа «становящегося человека»;
- «изображение мира и жизни как опыта, как школы, через которую должен пройти всякий человек и вынести протрезвление»;
- наличие «наставника» на этом пути;
- произведение имеет ступенчатую художественно-композиционную структуру, показывающую духовное развитие главного героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма / М. М. Бахтин. – М. : Арт – МИР, 1979. – 197 с.
2. Гончаров, И. А. Обыкновенная история / И. А. Гончаров. – СПб. : Азбука – Аттикус, 2019. – 384 с.
3. Краснощёкова, Е. А. И. А. Гончаров. Мир творчества / Е. А. Краснощёкова. – СПб. : Искусство, 1997. – 159 с.
4. Пинженина, Е. И. Автор и герой в художественном мире И. А. Гончарова (структура текста и типология характеров) : 10.01.01 «Русская литература» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Пинженина. – Красноярск, 2011. – 24 с.

SUMMARY

Alina Popova. Roman I. A. Goncharov “Ordinary story” as a novel of education

The work of I. A. Goncharov “Ordinary story” is considered as a novel of education. The specificity of this genre lies in the description

of the psychological, moral and social formation of the personality of the protagonist, in overcoming the romantic ideal, familiarizing with the harsh business life. The story of Alexander Aduiev turns out to be a reflection of the historically necessary changes in society.

Keywords: genre originality, “Ordinary story”, novel of education, composition.

Пристаи Александр

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Святобаченко И. С.

ГОУ ВПО «Горловский институт

иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Концептуализация картины мира во многом обуславливает идейную, философскую, образную и языковую составляющие художественного произведения. Процесс создания и актуализации художественного текста – результат взаимодействия систем концептов автора и читателя.

Ключевые слова: концептуализация, концепт, картина мира, художественная картина мира.

Создание художественного произведения – довольно сложный процесс, включающий построение не только фабульной, образной, локально-темпоральной систем, но и многогранное взаимодействие философий героев произведения, отображение их картины мира, которая тем или иным образом соотносится / не соотносится с картиной мира самого автора.

Понятие картины мира, как и процесс её отображения в произведении, напрямую связано с концептуализацией как таковой, а также теми категориями, характеристиками и признаками, которые формируют определённый концепт. В то же время следует обратить внимание и на понятие «художественная картина мира», которая как раз формируется во многом на основе концептов автора и его личной картины мира.

По мнению С. Богатовой, именно термин «художественная картина мира» лучше, чем понятия «идиолект» и «идиостиль» справляется с тем, чтобы в полной мере показать целостность и творческую концепцию художественного произведения [1]. Художественная картина мира произведения основывается, с одной стороны, на совокупности лексических и грамматических

составляющих текста, с другой – представляет систему концептов, свойственных не только автору как личности, но и культуре и народу, к которым он принадлежит. Следовательно, автор в таком случае не создаёт свою систему концептов, но ретранслирует концептуальную картину мира своего окружения и личную картину мира как части этого окружения.

Концепт – (лат. *conceptus* мысль, понятие) – это «смысловое содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого понятия, напр. смысловое значение понятия...» [2]. В то же время в «Кратком словаре когнитивных терминов» концепт рассматривается как явление, служащее «объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативной содержательной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга» [3, 90].

Таким образом, система концептов не только формирует смысл произведения, его идейную составляющую, но и определяет то, с помощью каких слов и других языковых средств она будет передана. Так, А. Потебня считает «...художественное произведение есть синтез трех моментов: внешней формы, внутренней формы и содержания, т.е. видя в нем идеальность и цельность, свойственные искусству, мы замечаем, что и слово есть искусство» [5, 190].

В результате формирования концептов, их введения в контекст произведения происходит концептуализация художественной картины мира. При этом под концептуализацией понимаем «процесс познавательной деятельности человека, ориентированный на осмысление поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [2].

Восприятие и декодирование текста читателем также напрямую связано с понятием концепта и его концептуализацией картины мира, поскольку требует обращения к фоновым знаниям языковой личности, его ментальности, чувственности, восприятию, а также способности экспрессивного реагирования на вербальные знаки и выработке собственной оценочности. Каждая языковая личность также является носителем культурной идентичности. Следовательно, языковые знаки, использующиеся и воспринимаемые ею, способны быть «языком» культуры и, таким образом, отображать культурно-национальную ментальность личности.

М. В. Пименова выделяет 3 категориальные класса концептов, способом актуализации которых выступает язык:

- 1) базовые концепты (космические, социальные и психические (духовные) концепты);

2) концепты-дескрипторы (дименсиональные, квалитативные и квантитативные концепты);

3) концепты-релятивы (концепты-оценки, концепты-позиции и концепты-привативы) [4].

Каждый из этих типов концептов находит отображение в художественном произведении, при этом их задействие, как и декодирование, имеет восходящую направленность – от базовых, дающих фоновые знания, к концептам-релятивам, характеризующимся значительной степенью субъективности.

Анализ концептов как когнитивных образований позволяет исследовать языковую, литературную, философскую, социальную, историческую и культурную составляющие художественного текста, поскольку при создании художественного мира произведения автор не только представляет его в концептуальном виде, но и сознательно или неосознанно опирается на тексты и информацию, которые заложены в его памяти и связаны с основой произведения. В то же время писатель использует различные языковые особенности, помогающие познанию мира и его описанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатова, С. М. Концепт ДОМ как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф : дис. ... канд. филол. наук / С. М. Богатова. – Омск, 2006. – 176 с.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов : Изд. 5-е, испр. и доп. [Электронный ресурс] / Т. В. Жеребило. – Назрань : Изд-во «Пилигрим», 2010. – Режим доступа : <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/1695-концептуализация> (дата обращения : 20.11.2022).
3. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
4. Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – 2-2 (54). – С. 127–131.
5. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. Ред. коллегия : М. Ф. Овсянников (пред.) и др. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
6. Табулова, Т. Х. Концептуализация мира в художественном тексте : На материале произведений Ф. Искандера : автореф. дис. ... к. филол. н. / Т. Х. Табулова. – Нальчик, 2005. – 24 с.
7. Шубина, А. О. Концепты художественной картины мира / А. О. Шубина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 94–98.

SUMMARY

Alexander Pristash. The conceptualization of world picture in fiction

The conceptualization of world picture determines a lot the idea, philosophic, image and language aspects of fiction. The process of fiction texts creating and actualization is the result of interacting of author and reader concept systems.

Keywords: conceptualization, concept, world picture, fiction world picture.

Ращупкин Александр

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Васильева Г. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт

иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

В данной статье автор рассматривает основные особенности проектной и исследовательской деятельности в современном образовании. Выявлены общие и отличительные признаки, а также сформулирован вывод о дальнейшем развитии указанных видов деятельности.

Ключевые слова: *деятельность, исследование, образование, проект.*

Исследовательская и проектная деятельность характеризуется возможностью интегрирования в целостный образовательный процесс, а актуальность её использования определяется многофункциональной направленностью.

В педагогической литературе проектную и исследовательскую деятельность определяют как синонимы, однако, следует отметить, что между ними есть существенные различия.

С точки зрения обучающегося проектная деятельность предоставляет возможность самостоятельного поиска информации и проявления себя в команде. С точки зрения обучающего проект же является дидактическим средством, которое позволяет заниматься целенаправленной деятельностью для нахождения разных способов решения трудных задач, вытекающих из определенной проблемы при вычленении ее из конкретной ситуации.

Н. Г. Алексеев выделяет следующие важные признаки понятия «проект»: отнесение к будущему, близкому или далекому; как такового этого будущего еще нет, но оно желательно либо нежелательно; это будущее просматривается в идеальном плане [1, 95].

По данным признакам проектирование Н. Г. Алексеев определяет как процесс осмысления того, чего еще нет, но должно или не должно быть.

Исследование в повседневном обиходе в основном понимается как процесс освоения новых знаний, которые являются одним из видов познавательной деятельности человека. Источником исследования как деятельности является человеческое стремление к знаниям.

Если сравнивать понятия «исследование» и «проектирование», то можно отменить, что оба они имеют отношение к мыслительной деятельности, однако проектирование связано с ее началом, в то время как исследование – к осуществлению этой деятельности.

По мнению А. И. Савенкова, фундаментальное различие между исследованием и проектом заключается в том, что исследование не предполагает создания какого-либо заранее спланированного объекта или даже его модели или прототипа. Исследование – это процесс поиска неизвестного и обретения новых знаний [2, 117]. Проект и само проектирование ориентированы на практику, так как процесс предполагает не только поиск нового, но и решение вставшей перед обучающимся проблемы.

Под методом проектов в образовательной практике понимается система обучения, при которой учащиеся приобретают знания и умения в процессе планирования и выполнения постепенно и последовательно усложняющихся практических заданий-проектов.

По мнению А. И. Савенкова, исследовательский метод обучения следует считать одним из основных когнитивных методов, наиболее полно соответствующих характеру детей и современным учебным задачам. В процессе проектной деятельности зачастую приходится прибегать к исследованиям.

Что касается методов, необходимо учитывать, что проектная деятельность предполагает формулирование четкого плана действий и понимание изучаемых вопросов. Исследовательская деятельность – в отличие от проектной – более свободная и гибкая.

Таким образом, несмотря на различия в методах определения концептуального содержания понятий «исследование» и «проектирование», исследовательская и проектная деятельность, скорее всего, будут развиваться с точки зрения стимулирования интереса обучающихся, развития когнитивных навыков и мышления, самостоятельного конструирования знаний и способности анализировать информационное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Н. Г. Проектирование и рефлексивное мышление / Н. Г. Алексеев // Развитие личности. – 2002. – № 2. – С. 85 – 103.
2. Савенков, А. И. Психологические основы исследовательского подхода к обучению : Учеб. пособие / А. И. Савенков. – М. : «Ось-89», 2006. – 230 с.

SUMMARY

Aleksandr Rashchupkin. Features of design and research activities in modern education

In this article, the author considers the main features of design and research activities in modern education. Identified common and distinctive features, as well as formulated a conclusion about the further development of these activities.

Keywords: activity, research, education, project.

Светличная Влада

Научный руководитель –

д. филол. н., д., проф. Балко М. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт

иностраннных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

ВАРИАТИВНЫЙ ПОВТОР КАК РАЗНОВИДНОСТЬ РЕЧЕВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ

В соответствии с авторской классификацией речевой избыточности, вариативный повтор относится к дублирующей избыточности формально-семантического типа. Данная публикация содержит анализ научных трудов и работ различных типов, посвящённых изучению вариативного повтора. Представлены основные взгляды на типологию и функционирование данного вида повторов, выделены особенности его использования.

Ключевые слова: *речевая избыточность, вариативный повтор, вариативный развёрнутый повтор.*

В настоящей работе под термином «речевая избыточность» понимаем обусловленный коммуникативными, социально- и психолингвистическими факторами произвольно распознаваемый коммуникативный феномен, заключающийся в чрезмерности языковых средств передачи мысли, а также дублировании формы, смысла или их фрагментов.

Для описания типологии и структуры фактов речевой избыточности логичной представляется классификация, в зависимости от способа её проявления, согласно с чем выделяем дублирующую, асемантическую и повторно-асемантическую речевую избыточность. Типы дублирующей избыточности в соответствии с природой избыточного элемента разделяем на формальные, семантические и формально-семантические.

Одним из видов дублирующей избыточности формально-семантического типа является феномен, который в трудах различных учёных определяется как вариативный повтор, развёрнутый вариативный повтор, вариативный лексический повтор.

Впервые данное явление было описано М. Н. Кожиной в рамках изучения концепции механизма текстообразования в научном стиле. В разработанной учёным теории, согласно которой текст исследуется как процесс созидательного взаимодействия между автором и реципиентом, как процесс языкового воплощения (развёртывания) авторской интенции, одним из основных терминов-понятий является понятие механизма развёртывания текста, заключающегося в динамике чередования компонентов старого и нового знания. Инструментом реализации такого механизма текстообразования выступают развёрнутые вариативные повторы (РВП).

Позднее понятие РВП как средства развёртывания научного текста более детально было разработано Н. В. Данилевской, которая представляет развёрнутые вариативные повторы как «смысловые единицы различной протяжённости, чаще всего с перефразировкой повторяющие высказанное ранее в тексте положение и включающие в себя «частицу» нового знания, т. е. некоторое развитие темы (содержания) произведения» [2, 254].

К специфическим свойствам РВП относится развёрнутость содержания ранее высказанного положения в тексте, вариативный характер, или формальное изменение, основного высказывания и концептуальный характер (дублирование концептуально значимых элементов информации) [4, 9].

Являясь текстообразующим механизмом научной речи, развёрнутый вариативный повтор выполняет ряд частных функций, к которым относят функцию обобщения содержания основного высказывания, его конкретизации, пояснения, уточнения, оценки, акцентирования, ретроспекции и проспекции [4, 12]. Однако использование РВП в научном тексте обусловлено не только текстообразующей ролью, но и рядом экстралингвистических факторов: гносеологических (связанных с закономерностями научного познания и мышления), логических, психологических и коммуникативных [4, 10].

В зависимости от выполняемой функции лингвисты выделяют соответствующие виды развёрнутых вариативных повторов (обобщающие, конкретизирующие, поясняющие и т. д.), которые могут вводиться в текст как эксплицитно (отмеченные РВП), так и имплицитно (неотмеченные РВП) [3, 317 – 318].

Анализ семантических особенностей развёрнутых вариативных повторов, позволяет учёным сделать вывод о том, что воспроизведение ранее высказанного в тексте положения идёт одновременно по двум «каналам»: содержания и выражения (имеется в виду вербальный состав концептуальной информации), в соответствии с чем РВП могут входить в содержательную группу (в зависимости от объёма воспроизведения смысла) или в формальную (вербальную) группу (в соответствии с полнотой плана выражения). В плане содержательной модификации все развёрнутые вариативные повторы делятся на адекватные (полностью воспроизводящие смысл высказывания) и неадекватные (с сокращением смыслового объёма или приращением смысла). РВП формальной группы в зависимости от степени вербального изменения делятся на тождественные (характеризующиеся максимальной, но не абсолютной вербальной близостью с основным выражением) и нетождественные (при которых соответствие между повтором и основным выражением остаётся на смысловом уровне, а РВП выражен другими лексическими средствами) [4, 11–12]. Данное разделение развёрнутых вариативных повторов позволяет нам отнести нетождественные РВП к дублирующей избыточности семантического типа, а тождественные РВП вербальной группы – формально-семантического.

В текстах художественного стиля как разновидность развёрнутых вариативных повторов некоторыми учёными (см. труды Ю. Е. Бочкарёвой) выделяются вариативные лексические повторы, которые связаны с восприятием и интерпретацией текста адресатом, а «повторяющееся слово или сверхсловный элемент являются особенно важными в процессе текстообразования и восприятия текста, т. е. значимыми и на информативно-смысловом, и на прагматическом уровнях языка» [1, 9]. Структура вариативного лексического повтора включает доминанту (дословно повторяющийся элемент) и переменный компонент, выступающий в функции усиления общего смысла текста, а также дополнительной конкретизации доминанты. Наиболее общими функциями вариативных лексических повторов в художественном тексте выступают текстообразующая и регулятивная, обуславливающие и объединяющие определённые подфункции (уточнение, пояснение, акцентирование, обобщение, характеристика, оценка, выражение эмоций и др.).

Видоизменению контекста при его повторном употреблении уделено внимание и в рамках изучения успешности речевого

общения (см. труды В. А. Марковой). Недостаточно удобная для восприятия на слух фраза, не в полной мере обстоятельная или нестандартная, маркированная формулировка, а также стилистически окрашенные средства (эмоционально-экспрессивные, функциональные), окказионализмы, использованные говорящим, являются факторами коммуникативного риска, способными привести к коммуникативной неудаче и последующей коррекции первоначального сообщения, т. е. к использованию вариативного повтора. С целью облегчения слушающему задачи восприятия высказывания «совершенствование» первоначального контекста строится на двух основных типах изменений: коррекция длины контекста и замена используемого языкового средства повтора. Причём, в разговорном стиле вариативный повтор может быть построен как на расширении формального проявления (с возможным приращением или дополнением смысла), так и на сокращении данного показателя (при одновременном усилении концентрации на минимуме оставшихся в сообщении языковых средств, передающих нужный смысл, напр.: «Свет включи!» – «А?» – «Свет!») [5]. Предполагаем, что выражение одного и того же значения, кратная передача одной и той же мысли тождественными или нетождественными языковыми средствами в процессе речевого общения может использоваться не только с целью предотвращения коммуникативной неудачи, но и для усиления выразительности, наращивания эмоционального напряжения высказывания.

Как видим, отвечающий законам и принципам научного текстообразования, вариативный повтор присущ текстам и других коммуникативных сфер, речевая деятельность которых направлена на формирование и выражение нового знания о действительности (официально-деловой, публицистической, художественной, религиозной, разговорной), что свидетельствует об универсальном характере повторов данного вида. Такой повтор, состоящий в перефразированном дублировании высказанного ранее в тексте утверждения с полной или частичной заменой формального выражения, может быть использован с целью развёртывания текста и / или акцентирования внимания реципиента на концептуально значимых смысловых элементах и положениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарёва, Ю. Е. Вариативные лексические повторы как средство регулятивности в лирике М. И. Цветаевой : автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук : 10.02.01 / Бочкарёва Юлия Евгеньевна ; Томский госуд. педагогич. ун-т – Томск, 2007. – 23 с.
2. Данилевская, Н. В. М. Н. Кожина и её концепция механизма текстообразования в научном стиле / Н. В. Данилевская // Медиалингвистика. – 2013. – № S1. – С. 252 – 260.

3. Данилевская, Н. В. Развёрнутые вариативные повторы / Н. В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной ; члены редколлегии : Е. А. Баженова, М. П. Котурова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – С. 316–319.
4. Данилевская, Н. В. Развёрнутые вариативные повторы как средство развёртывания научного текста : автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук : 10.02.01 / Данилевская Наталия Васильевна ; Воронеж. ун-т. – Воронеж, 1990. – 16 с.
5. Маркова, В. А. Вариативный повтор как средство преодоления коммуникативной неудачи в устной диалогической речи [Электронный ресурс] / В. А. Маркова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5 – 3 (59). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/variativnyy-povtor-kak-sredstvo-preodoleniya-kommunikativnoy-neudachi-v-ustnoy-dialogicheskoy-rechi> (дата обращения : 06.06.2021).

SUMMARY

Vlada Svetlichnaya. Variable repetition as a kind of speech redundancy

In accordance with the author's classification of speech redundancy, variable repetition refers to a duplicate redundancy of a formal semantic type. This publication contains an analysis of scientific papers and works of various types devoted to the study of variable repetition. The main views on the typology and functioning of this type of repetition are presented, the features of its use are highlighted.

Keywords: speech redundancy, variable repetition, variable expanded repetition.

Сементина Ангелина

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Васильева Г. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт

иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

ОППОЗИЦИЯ «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ – МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ» В ПОЭМЕ АННЫ РЕВЯКИНОЙ «ШАХТЕРСКАЯ ДОЧЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

В статье дается определение категории локативности. Материал для анализа – глаголы с пространственным значением «перемещения – местонахождения», используемые в поэме А. Ревякиной «Шахтерская дочь».

Ключевые слова: категория, пространство, локативность, глагол, поэма.

Понятие локативности стало частой темой для многих научных работ. Оно привлекает внимание лингвистов к изучению особенностей функционирования языка, т.е. его использованию в коммуникативной деятельности. Большое количество работ было посвящено вопросам, связанным с феноменом пространства, и отдельным аспектам этой проблемы (С. Ю. Богуславская, Н. Т. Валеева, Л. В. Гукина, Дж. Динсмор, А. В. Дыбо, С. А. Зарецкая, Н. В. Зорхина-Нильсон, И. Л. Исаакян, И. В. Каменская, Э. Ф. Керо-Хервиля; В. А. Коробейникова, М. Л. Котин, А. Д. Кошелев, Л. В. Куркина, Г. И. Кустова, Ю. В. Мазурова, Т. Н. Маляр, Е. С. Микитченко, О. В. Мякшева, Е. И. Плотникова и др.).

А. В. Бондарко в «Теории функциональной грамматики» дает следующее определение локативности: семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства. Опираясь на «Теорию функциональной грамматики» А. В. Бондарко, рассмотрим глаголы как средства выражения локативности в русском языке.

Цель статьи – описать глаголы с пространственным значением, выражающие оппозицию «перемещения – местонахождения» в поэме Анны Ревякиной «Шахтерская дочь».

А. В. Бондарко в «Теории функциональной грамматики» рассматривает сущность оппозиции «перемещения – местонахождения», а также средства ее выражения.

Если субъект совершает перемещение, не выходя за пределы определенного пространства, он занимает в отношении локализации одно и то же место, данный процесс следует рассматривать как местонахождение: *Петр гуляет по саду*. Оно выражено глаголами, которые также называют эссивными или интралокальными.

Глаголы также выражают и представления о перемещении объекта. К ним относят глаголы движения. В эту группу включаются не только глаголы перемещения (*идти, плыть* и т.п.), но и любые глаголы, указывающие на отсутствие состояния покоя у объекта (*качаться, дрожать* и т.п.). Данные глаголы используются и в произведении А. Ревякиной «Шахтерская дочь». Например:

*Сочинял ежедневно завтрак и в ванной пел,
он ходил по субботам гулять со своим птенцом.
Говорил с Марией так ласково, как умел.
Его обувь была чиста даже в самый дождь,
его руки были огромны и горячи,
и Мария шагала рядом – шахтёрская дочь,
хотя в их роду остальные – все сплошь врачи* [3].

В части сложносочинённого предложения *он ходил по субботам гулять со своим птенцом* [3] использованы два глагола *ходил* и *гулять*, выражающие рассматриваемую оппозицию. По «Толковому словарю русских глаголов» под редакцией профессора Л. Г. Бабенко, глагол *ходить* отнесен к группе глаголов движения. Ср. «Ходить – несов. Двигаться в пространстве в разных направлениях или в разное время, ступая ногами» [4, 366].

Согласно данным «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, глагол *ходить* имеет семнадцать значений. В анализируемом примере данное слово выражает значение «передвигаться, ступая ногами, делая шаги в разных направлениях или в разное время» [2].

Глагол *гулять* в примере *он ходил по субботам гулять со своим птенцом* [3] в соответствии с «Толковым словарем русских глаголов» под редакцией профессора Л. Г. Бабенко отнесен к группе глаголов движения. Ср.: «Гулять – несов. Двигаться в разных направлениях, бегать, ходить где-либо, не торопясь, для отдыха» [4, 62]. Согласно данным «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, глагол *гулять* имеет восемь значений. В анализируемом примере данное слово выражает значение движения, перемещения в разных направлениях: «Гулять (разг.) – быть в движении, перемещаться в разных направлениях (обычно на широком, свободном пространстве)» [2].

В примере *и Мария шагала рядом – шахтерская дочь* [3] выделен глагол *шагала*, который входит в группу глаголов движения. Ср.: «Шагать – несов. Двигаться в определенном направлении, размеренно, энергично, ступая ногами» [2, 35]. Отметим, что по данным «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, данный глагол имеет следующие значения: «Шагать – нсв. 1. Идти (обычно размеренным шагом, в хорошем темпе). 2. через кого-что. Переступать шагом. 3. Передвигаться на шагающем ходу (о машинах, механизмах). 4. Продвигаться, развиваться в каком-л. направлении» [2].

В примере из рассматриваемого произведения донецкой поэтессы также употреблен глагол местонахождения *сидеть*. Ср.:

*на пурпурный распахнутый гроб,
словно двери в кровавый окоп,
где он денно и ночью сидел...* [3]

Во фрагменте *где он денно и ночью сидел* [3] глагол *сидел* отнесен к группе глаголов бытия в соответствии с типологией, изложенной в «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией профессора Л. Г. Бабенко. Ср.: «Сидеть – несов. Располагаться, размещаться. Оставаться в одном положении не передвигаясь, быть в положении, при котором туловище поддерживается вертикально и опирается на

что-либо нижней частью» [4, 418]. Соответственно, данный глагол выражает пространственное значение местоположения.

По «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, глагол *сидеть* имеет восемь значений. В анализируемом примере данное слово выражает значение нахождения в вертикальном положении: «Сидеть – нсв. Находиться в вертикальном положении, при котором туловище опирается на что-л. Своей нижней частью, а ноги (лапы) согнуты или вытянуты; занимать место для сидения где-л.» [2].

К глаголам перемещения следует относить такие глаголы, которые указывают на движение, связанное с преодолением пределов некоторого пространства.

В поэме автором употреблены следующие глаголы со значением перемещения:

*проходила в траурный зал
и глядела на лоб мертвеца,
на холодные губы отца,
на его восковеющий лик,
на немой неподвижный кадык...* [3]

В предложении *проходила в траурный зал и глядела на лоб мертвеца* [3] выделен глагол *проходила*, который выражает значение «пройти; регулярно происходить, иметь место где-л.» [2]. По «Толковому словарю русских глаголов» под редакцией профессора Л. Г. Бабенко глагол *проходить* отнесен к группе глаголов перемещения.

В другом примере из поэмы «Шахтерская дочь» А. Ревякиной употреблен глагол *идти*. Ср.:

*Смерть идёт по чьему-то следу,
дай-то Бог, чтобы шла в обход* [3].

По «Толковому словарю русских глаголов» под редакцией профессора Л. Г. Бабенко, глагол *идти* отнесен к глаголам движения. Ср.: «Идти – несов. Двигаться в пространстве в определенном направлении» [4, 418].

По «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, глагол *идти* имеет тридцать значений. В анализируемом примере данное слово выражает значение движения, перемещения в конкретном направлении (*по чьему-то следу*): «Идти – нсв. Двигаться, перемещаться в пространстве» [2].

Итак, в поэме «Шахтерская дочь» Анна Ревякина использует глаголы, выражающие оппозицию «перемещение–местонахождение». К глаголам местонахождения в проанализированном тексте относятся *гулять, ходить, шагать, сидеть*. В соответствии с «Толковым словарем русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко указанные слова относятся к группе глаголов движения. Однако

при таком движении субъект не выходит за пределы пространства. В число глаголов местонахождения включены глагол *проходить* и *идти*, называющие перемещение с преодолением пространственного предела. К средствам выражения описываемой оппозиции относятся также имена существительные (с предлогами и без), прилагательные и наречия с пространственным значением, исследование которых составит перспективу нашей дальнейшей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко, А. В. Локативность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики : Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак и др. ; Редкол. : А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. ; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – Л. : Наука, 1971. – С. 5–46.
2. Большой толковый словарь русского языка [Электронный документ] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – URL : [http:// gufo.me/](http://gufo.me/) (дата обращения : 16.11.2022)
3. Ревякина, А. Шахтерская дочь [Электронный документ] / А. Ревякина. – URL : [http:// reading-hall.ru/](http://reading-hall.ru/) (дата обращения : 16.11.2022)
4. Толковый словарь русских глаголов : идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М., 1999. – 694 с.

SUMMARY

Angelina Sementinova. Verbs expressing opposition displacement-location in Anna Revyakina's poem "Miner's Daughter"

In the article, the author defines the category of locativity and describes the linguistic means of its implementation. The material for analysis is verbs with the spatial meaning of displacement – location, used in A. Revyakina's poem "Miner's Daughter".

Keywords: category, space, locativity, verb, poem.

Созаева Алина

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Медведева М. С.

ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации»,

г. Ростов-на-Дону, РФ

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: ПОЭТИКА «ЖЕНСКОГО ТЕКСТА»

Сегодня женская литература выступает в качестве отдельного художественно-эстетического феномена и является альтернативой постмодернистскому холодному разумному скепсису. В статье поднимается вопрос актуальности исследования современной женской языковой картины мира, как особой научной дисциплины. Для будущего анализа выделены такие понятия, как «женская проза», «дамская повесть», «женский текст», «женский стиль письма». Приведены принципы гендерного анализа художественного текста, а также аргументы для обозначения целесообразности / нецелесообразности разделения литературы по половому признаку.

Ключевые слова: язык, гендерное исследование, женский текст, литературоведение, поэтика, гендерная проблематика, художественное произведение, женское / мужское, литература.

На современном этапе развития литературоведения актуальной проблемой для научного исследования является изучение гендерного аспекта поэтики. Концепция гендера была затронута в самых разных науках: политологии, культурологии, социологии, психологии и философии. На сегодняшний день зарубежные и отечественные исследователи занимаются разработкой приемов теоретического и прикладного анализа представлений о «женском» и «мужском». Идеи структуральной поэтики и психоанализа позволяют сформулировать ряд концепций и новых подходов к изучению художественного текста. Литературоведческая картина мира формирует не только образы, но темы и мотивы. Картина мира затронута нами, поскольку нередко половые различия влияют на эволюцию гендера. Определение границ женского и мужского, выявление сходств и различий языковой картины мира является одной из ключевых задач современной семантики и литературоведения. На наш взгляд, картина мира не существует лишь в виде зеркального отражения чего / кого-либо, у каждого она своя, и более того она индивидуально интерпретируется каждым писателем. Выделение особенностей отдельных картин мира позволит читателям художественных произведений уточнить

для себя возможные черты гендерной поэтики конкретного автора (если, конечно, сравнительная линия все-таки имеется).

Имеющиеся рамки гендерного исследования, посредством изменения представлений о мире, подвергаются постоянному расширению. Кроме того, перед наукой стоит цель найти гендерные особенности текста, тем самым сопоставить «женское-мужское».

В результате исторического развития женская проза стала отдельным направлением и открытием новых антропологических законов. Типы женского мышления, письма и творчества позволили понять настоящий образ женщины и женского начала. Однако в современной литературе статус женщины все же не определен. Существование терминов «женская проза», «дамская повесть», «женский текст», «женский стиль письма» – вовсе отрицается. Историки литературы отмечают, что женская проза расположена на скрещении натурализма и сентиментализма, а к основным признакам новой женской прозы относят: неопределенность, расплывчатость, протезизм персонажей и бессюжетность [2, 179]. Предметом гендерных исследований, как правило, изначально служил не только самостоятельный женский пол, но и диалог полов. Различия между полами включали в себя набор поведенческих и психологических черт, характеризующих исконную культуру мужского и женского. Значение исследования гендерной литературы состоит в закреплении равнозначности и полноправности другой стратегии и практики, существующей наравне с мужской.

Современная гуманитарная наука, отечественная филология под понятием «гендер» понимают не только термин для обозначения половой принадлежности человека, но и его определение в качестве социально-культурного феномена, подразумевающего поведение, деятельность, присущих атрибутов мужчин и женщин [3, 154]. Расцвет женской литературы берет свое начало в XX веке. Исследование гендерных проблем связано с актуальностью психологических факторов, модели поведения, профессии женщин и мужчин. Теория феминизма связана со становлением женского движения. Необходимо отметить, что явление гендерных стереотипов, выдвинутое британской писательницей Мэри Уолстонкрафт, было отражением нового взгляда на половые характеристики человека. Вопросы женского и мужского равноправия и порядка в обществе по сей день остаются открытыми.

Женский текст художественной литературы отличается повышенным интересом к вопросам «пола», поэтому категория рода часто выступает первостепенной. Следующей тенденцией подобного текста является семантика «уменьшительности». Зачастую произведения писательниц связываются с образом мужчины, который в лучшем случае изображается в роли ребенка, находящегося в руках

Женщины-матери. Обратите внимание, инфантилизация мужчин находит отражение во многих произведениях художественной литературы современного периода. Стоит уточнить, что она не носит негативный характер, а выражается в системе сравнений (к примеру, «ты разозлился, я стала тебя успокаивать, как мать успокаивает своего ребенка»). Женская манера письма обычно выражается на локальном уровне и уровне композиции текста. Если говорить о последнем, то в данной ситуации, например, имена собственные и те же сравнения вместе с определенными явлениями становятся стилеобразующими, тем самым организуют нарративную структуру художественного текста.

Художественное творчество А. Ахматовой, М. Цветаевой, Ф. Алиевой, Б. Ахмадуллиной всем известно. Женщины-художники такого масштаба дарования не раз конкретизировали свой угол зрения на проблему художественного своеобразия, а также разработку вопросов об исключительно «женской» или «мужской» природе литературного мировидения. Художественное своеобразие творчества женщин зачастую определялось в виде пародии на мужское. Тем не менее, женская поэтика была признана, но ей отдавали второстепенное значение. Слова «писательница», «поэтесса» допускались в словесных оборотах, но опять же носили пренебрежительное звучание. И только на рубеже XX – XXI веков за женской литературой закрепился официальный статус. Безусловно, гендерная дифференциация целесообразна и важна, поскольку влияет на процесс творчества и восприятие его результатов. Вопрос целесообразности / нецелесообразности много раз затрагивался, до сих пор актуален в рамках гендерных отношений. Представления о половых ролях и различиях связаны с научным поиском определенной теории женского творчества.

По нашему мнению, ценность женской литературы, несомненно, ясна и очевидна. Сегодня, несмотря на неполную закреплённость статуса женщины, воплощение женской ментальности находится наравне с литературным творчеством мужчин. Женская литература позволяет читателю «взглянуть в сторону» и избавиться от однобокости, неизменно существующей в обществе. В своих произведениях писательницы рассматривают такие категории, традиционно приписываемые женщине – мужчине:

1. Логичность (м) / интуитивность (ж), абстрактность (м) / конкретность (ж);
2. Власть (м) / подчинение (ж);
3. Порядок (м) / беспорядок, хаос (ж);
4. Инструментальность (м) / экспрессивность (ж) [1, 67 – 73].

Иллюстрируя вышеприведенные утверждения, следует отметить, что гендерная проблематика нашла свое отражение в

современном литературоведении. Еще в XVIII веке писательницы выходили за границы традиционных представлений о мире, выражая собственную точку зрения. Сегодня женский текст развивается как в литературоведении, так и в лингвистике. Вопрос гендерных исследований является достаточно важным и полностью неизученным. Поэтому в данной работе мы тезисно рассмотрели лишь общие положения женской литературы и отметили важное значение женского письма и женской языковой картины мира. Таким образом, женская поэтика продолжает выступать в качестве яркого и многоликого феномена современной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. А. О назначении человека : Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – Москва : Современные записки, 1993. – 478 с.
2. Галина, М. Деструктивные начала в женской прозе / М. Галина // Общественные науки и современность. – 2001. – № 5. – С. 179.
3. Эминли, А. А. Основы гендерных исследований в мировой литературе / А. А. Эминли // Обмен знаниями в образовательном процессе : сборник научных трудов. – Казань : ООО «СитИвент», 2021. – С. 153–157.

SUMMARY

Alina Sozaeva. Gender research in literature: the poetics of the “female text”

Today, women’s literature acts as a separate artistic and aesthetic phenomenon and is an alternative to postmodern cold reasonable skepticism. The article raises the question of the relevance of the study of the modern female linguistic picture of the world as a special scientific discipline. For future analysis, such concepts as “women’s prose”, “ladies’ story”, “women’s text”, “women’s writing style” are highlighted. The principles of gender analysis of a literary text are presented, as well as arguments for indicating the expediency / in expediency of separating literature by gender.

Keywords: language, gender research, women’s text, literary criticism, poetics, gender issues, fiction, female / male, literature.

Сокирка Александра
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Калинин В. М.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ЭЛЕМЕНТЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Работа посвящена проблеме формирования орфографической компетентности в области русского языка в средней школе. Для преодоления трудностей усвоения орфографии бесспорочных слов предлагается использовать элементы этимологического анализа, что, по нашему мнению, повысит эффективность работы с ними в рамках традиционных школьных средств обучения.

Ключевые слова: анализ, орфография, этимология.

«Поиск эффективных способов обучения школьников правописанию является традиционной проблемой в методике обучения русскому языку. Этим определяется непреходящая актуальность проблемы. Многие лингвисты считают эту цель практически недостижимой, а немногие знающие учителя русского языка в совершенстве владеют орфографией и пунктуацией. Все остальные пишущие люди, считающиеся грамотными, грамотны лишь относительно» [4, 59].

Этот вопрос имеет особое значение, так как наблюдается повсеместное снижение уровня грамотности. Современные школьники практически не читают художественную литературу, многие из них не интересуются уроками русского языка; обучение орфографии в таких условиях малоэффективно, поэтому необходима разработка новых методов и приемов, направленных на развитие познавательных интересов учащихся, использование активных форм обучения.

Заучивание бесспорочных слов малопродуктивно и вызывает большие трудности у учащихся, во-первых, из-за огромного количества таких слов, а во-вторых – механическое заучивание без осознания и понимания является трудоемким и скучным процессом, а потому малоэффективным способом приобретения знаний. Эта проблема может быть решена за счет использования элементов этимологического анализа при работе со словарными словами, так как это способствует осознанному восприятию особенностей написания слов и вызывает у учащихся интерес к изучению русского языка.

Целесообразно и необходимо включать элементы этимологического анализа слов и фразеологизмов в практику обучения русскому и родному языку, так как современные языки, современная литература активно используют слова и выражения, которые обладают уникальной историей происхождения и семантикой, знаниями, способными не только расширить языковой кругозор школьников, но и научить сложному анализу текста через осознание его скрытых смыслов и умение понимать содержание языкового художественного замысла.

Использование этимологического анализа активизирует внимание учащихся, способствует осознанному овладению правилами русского языка, расширяет их словарный запас и кругозор, знакомит с историческими закономерностями языкового развития, которые оставили свой след в современном русском языке.

В практике обучения русскому языку можно активно использовать несколько видов упражнений, способствующих развитию у детей навыков этимологического анализа и критического мышления. Такую работу желательно выполнять систематически: ей можно уделить 3 – 7 минут в начале урока.

В первую группу упражнений входят задания к тексту, содержащему этимологическую информацию. Предлагаем примеры упражнений, которые апробированы на уроках русского языка в 5 – 8 классах.

1) Прочитайте текст и перескажите его. Латинский корень *–ман–* – «рука» – лежит в основе многих слов: *маникюр* (буквально «забота о руках»), *манера* (буквально «ловкая рука»), *манипуляция* («сложный приём в работе ручным способом»; «действие, требующее ловкости рук»), *манускрипт* («древняя рукопись на папирусе, пергаменте»; буквально «написано рукой»), *мандат* (буквально «данный в руке, вручённый»), *мануфактура* (одно из значений – «форма производства, в основе которого лежит ручной труд») [1, 34].

2) Прочитайте текст и ответьте, что такое этимология, исходя из прочитанного.

Древнегреческое слово *etymologia* [этимология] впервые встречается в сочинениях древних философов-стоиков. Происхождение этого слова можно установить без какого бы то ни было труда: греческое *etymos* [этимос] означает «истинный, верный», а *logos* [логос] – «смысл, значение» [3, 132].

Таким образом, этимология стремится найти «истинное значение» слова – почему мы называем что-то именно так, а не иначе. Восстановить самые ранние этапы истории слова, которые у нас есть, выявить причины, приведшие к появлению слова, определить его ближайших «родственников» – таковы основные задачи этимологии.

Отдельную группу составляют упражнения, направленные на подготовку монологического ответа учащегося. Задание основано на умении обосновать точку зрения автора высказывания или свою точку зрения на содержание высказывания. Эти упражнения развивают не только навыки устной монологической речи, но и навыки критического мышления.

Например: Прочитайте текст. С его помощью докажите справедливость слов русского педагога М. А. Рыбниковой: *«Найти корень слова – это значит найти его внутренний затаённый смысл – то же, что зажечь внутри фонаря огонёк»*.

В структуре слова с течением времени могут происходить изменения. Например, в существительном «желудок» выделяется корень *-желудок-* (ср. *желудочек, желудочный, поджелудочный*). Несколько веков назад мы бы назвали в нём корень *-желуд-*, потому что этот орган пищеварения назван так по форме, напоминающей плод дуба – жёлудь.

Другой пример. Существительное «мешок» имеет корень *-мешок-*. Но образовано слово от существительного *мех* в старом значении «мешок, изготовленный из шкуры (меха) дикого зверя или домашнего животного».

Именно в таком значении слово *мех* употреблено в одном из произведений А. С. Пушкина: *«Козий мех, вином налитый, у сатира на плечах»*. Значит, исторически в слове мешок выделяется корень *-мех-* (*-меш-*) [2, 134].

Есть упражнения, в которых представлена группа слов, и необходимо на основании этимологического и толкового словарей установить историческую связь этих слов:

Используя толковый и этимологический словари, установите, почему эти слова исторически связаны. Напишите вывод в виде сложноподчиненного предложения с придаточным.

Грамматика, программа, криптограмма, пиктограмма, телеграмма, сейсмограмма, грамота, анаграмма, телефонограмма, граммофон, кардиограмма, радиограмма, стенограмма, фонограмма, диаграмма, монограмма, эпиграмма [2, 137].

В следующем типе упражнений этимология связана с правописанием. Согласно заданию, необходимо объяснить написание слов, используя сведения о происхождении слов в этимологическом словаре:

- рассмотрев значение иностранных слов, содержащих буквосочетания *ман* и *мон*, определите их происхождение и написание. Напишите слова и сгруппируйте их в соответствии с историческим контекстом. Проверьте правильность задания по этимологическому словарю.

М_нера, м_нархия, м_никюр, м_нография, м_нжета, м_ндат, м_нограмма, м_нускрипт, м_нополия, м_нолог, м_нуфактура, м_ноплан, м_нипуляция.

Составьте и запишите предложения с этими словами. Постарайтесь сделать так, чтобы в каждом предложении использовалось не одно, а два или более слов из этого списка [1, 30].

Таким образом, упражнения, направленные на этимологический анализ слова, разнообразны, благодаря чему не только расширяют кругозор учащегося, пополняют его словарный запас, но и дают представление о связях между разделами языкознания, позволяют повторить ранее изученный материал, раскрыть тайны из истории языка и улучшить орфографическую зоркость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова, А. В. Практикум по русской пунктуации : Практическое пособие / А. В. Богданова. – М., 2019. – 49 с.
2. Рыбченкова, Л. М. Русский язык. 6 класс / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, О. В. Загоровская и др. – М. : Просвещение, 2014. – Ч. 1 – 2. – 159 с.
3. Шмелев, А. Д. Русский язык 7 класс / А. Д. Шмелев, Э. А. Флоренская, Л. О. Савчук. – М. : Вентана-Граф, 2017. – Ч. 1 – 2. – 304 с.
4. Щерба, Л. В. Об идеально грамотном человеке / Л. В. Щерба // Учительская газета. – 1940. – № 142. – 188 с.

SUMMARY

Alexandra Sokirka. Theoretical and practical problems of studying the regional version of youth slang

The article is devoted to one of the most pressing problems of teaching the Russian language – the problem of the formation of spelling competence in secondary school. As a way to increase the level of spelling literacy of students, it is proposed to use a methodology in the classroom that includes elements of etymological analysis. The need to develop and implement a new methodology is determined by the insufficiently effective implementation of work with unverified words within the framework of traditional school teaching tools.

Keywords: etymology, spelling, analysis.

Сытник Наталья
Научный руководитель –
д. филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н.
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ РУБЕЖА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Современная русская драматургия для детей ориентирована на определённые возрастные группы, в каждой из которых можно выделить жанровые предпочтения. Наряду с классическими жанрами в настоящее время активно формируются новые.

Ключевые слова: современная русская детская драматургия, жанр, целевая аудитория, проблематика.

Современная детская драматургия – явление, активно развивающееся, но малоизученное. Немногочисленные работы в этой области (исследования М. А. Черняк, Н. С. Щербаковой) не могут дать полного представления о её генологии и основных тенденциях развития. **Актуальность** темы подтверждается и тем фактом, что ежегодно в Москве проходит международный конкурс молодых драматургов, пишущих для детей, – «Маленькая премьера», куратором и неизменным организатором которого является Светлана Кочерина.

Цель исследования – дать характеристику основным направлениям развития русской детской драматургии рубежа XX – XXI столетий, что обусловило следующие задачи: выявить основные жанровые предпочтения драматургов и классифицировать пьесы по целевой аудитории.

Современная драматургия для детей и подростков определённо существует. Однако проблема современной драматургии как художественного целого всё ещё находится на стадии осмысления.

Учитывая целевую аудиторию, драматургию для детей можно разделить на три группы:

1. Драма для детей младшего возраста, которая представлена жанрами сказок, ремейков и инсценировок. Пьесы-сказки представлены как оригинальными произведениями («Как Настенька чуть кикиморой не стала» В. Илюхова, «Все мальчишки – дураки!» К. Драгунской, «Ёжик встречает Новый год» Д. Голубецкого), так и созданными на литературной и фольклорной основах («Морозко» И. Токмаковой, «По щучьему веленью» С. Образцова, «Мальш и Карлсон» В. Плучека и М. Микаэлян, «Мальчик-с-пальчик» Б. Понизовского).

2. Драма для подростков и юношества – конфликтная, раскрывающая «кризис сознания». Её своеобразие заключается не только в возрастных и социальных характеристиках адресата, но и в психологии, обусловленной пограничным, промежуточным положением подростка между взрослым и детским мирами. Одним из драматургов, творчество которого предназначено для этой возрастной категории, является театральный деятель, создатель и руководитель театрального проекта «Вишнёвый шкаф» С. Ю. Орлова (пьесы «Дерево без цветов», «Сто мёртвых воздушных шаров»).

3. Драмы, ориентированные как на взрослого зрителя, так и на ребёнка (Ж. Кусанова, «Мечты обучённой вороны. Пьеса для подростков», «Вечно эта 345-ая!!!», «Про мальчика Павлика, который...»; Я. Пулинович «Люди добрые», «Наташина мечта»; О. Богаев «Dawn-way»; А. Богачёва «Волшебная сила», «Учиться, учиться, учиться»; 3. Демина «Бог любит»; А. Зинчук «Игра в DOOM»; В. Сигарёв «Божьи коровки возвращаются на землю» и др.).

Жанровый диапазон произведений для второй и третьей групп шире и разнообразнее: притчи, мистерии, рождественские пьесы и т.д.

Следует отметить отдельный формирующийся жанр – это пьесы для чтения (драматическое литературное произведение, которое не предназначено автором для сценического воплощения, то есть адресовано не зрителю, а читателю) – А. Гиваргизов «Контрольный диктант и древнегреческая трагедия», С. Козлов «Снежный цветок». В пьесах отмеченного жанра можно наблюдать совершенно особый способ организации текста для чтения – диалоговый.

Нынешнее поколение драматургов, пишущих для детей, освещают проблематику, соответствующую возрасту целевой категории. И если в пьесах для детей младшего возраста доминируют вечные темы и проблемы, то произведения, предназначенные для подростков и их родителей, не только отличаются более разнообразной и сложной проблематикой. Драматурги касаются таких проблем, как: вера, любовь, конфликт поколений, взросления молодых людей и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черняк, М. А. Гид по современной драматургии [Электронный ресурс] / М. А. Черняк. – Режим доступа : <https://sochisirius.ru/news/4624> (дата обращения : 24.11.2022).
2. Щербакова, Н. С. Драма для подростков и юношества школы Коляды в аспекте отечественной и европейской традиций [Электронный ресурс] / Н. С. Щербакова. – Режим доступа : <http://www.vector.nsc.ru/userfiles/models/autoreferats-files/ascherbakova-f227.pdf> (дата обращения : 24.11.2022).

SUMMARY

Natalia Sytnik. The main trends in the development of Russian children's drama at the turn of the millennium

The article highlights the problem of modern children's drama. The main focus of this study is primarily on modern drama as an artistic whole. The genre range of works in this direction is wide and diverse. The current generation of playwrights who write for children cover issues that correspond to the age of the target category.

Keywords: modern Russian children's drama, genre, target audience, problems.

Тюренков Никита

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Святобаченко И. С.

ГОУ ВПО «Горловский институт

иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЖАНРА

В статье исследуется становление и развитие гражданской лирики в различные эпохи. Темы, всегда волновавшие народ, – патриотизм и судьба Родины – позволили сделать вывод, что гражданская лирика остаётся актуальной в любое время и подчёркивает важность общечеловеческих ценностей, неразрывную связь настоящего с прошлым, с культурой, языком и традициями народа.

Ключевые слова: *гражданская лирика, патриотизм, история, художественные средства выразительности.*

Гражданская лирика – это отображение настроений и чувств общества, народа, авторский взгляд на определённые события в жизни Отечества, преданность своей Родине. Данный жанр является разновидностью философской лирики, в основу которой легли раздумья о вечных ценностях человека.

Для полного раскрытия понятия «гражданская лирика» нами было рассмотрено значение термина «лирика», которое пришло к нам из греческого языка. Лирика содержит в себе понятие лиризм, т.е. «чувственность в переживаниях, в настроениях...», носит «лирический характер» [3]. В словаре Т. Ф. Ефремовой мы находим определение, что это отображение действительности «путём передачи глубоких душевных переживаний, мыслей и чувств автора,

обычно в стихотворной форме» [1]. Стоит обозначить, что лирика, помимо стихотворений, включает в себя послания, элегии, романсы.

Появление и развитие русской гражданской лирики обусловлено событиями, которые создали историю современной России, испытаниями, через которые ей было необходимо пройти, существованием социальных проблем простого народа и их решениями, политическими реалиями. Многие произведения, написанные такими известными писателями, как А. Пушкин, А. Ахматова, О. Мандельштам, В. Жуковский, Н. Некрасов и др., пропитаны противовластием и чувством патриотизма, которые отображают не только личные мысли автора, но и мнение всего русского общества. Можно сказать, что гражданские поэты выступали защитниками своего народа, поскольку выражали его патриотический дух и стремление к совершенствованию.

Сущность гражданской лирики заключается в основных понятиях: патриотизм, гражданский долг, Родина и её судьба. Отметим, что понятие патриотизм (в античной Греции носил название «политейя», что означало «принадлежность граждан к какому-либо полису») трактовалось как гражданство [3]. В Греции был хорошо развит так называемый «полисный» патриотизм, т. е. любовь к своему городу.

Позже, в Древнем Риме, особенно ярко проявились такие черты патриотизма, как коллективизм, верность традициям, любовь к родине, мужество [2, 292]. Сами жители Рима считали своей отличительной чертой любовь к Отечеству.

В Средние века патриотизм рассматривался не как любовь к своей Родине, городу, месту, где человек родился, а как любовь к определенному уделу, феодальному владению. Связано это было с крестовыми походами и религиозными войнами, что, можно сказать, отнимало у человека возможность быть привязанным всю жизнь к одному государству и, соответственно, считаться патриотом. Также на первое место люди выдвигали веру и делали всё, чтобы защитить её.

Одним из важных этапов формирования патриотических взглядов становится эпоха Возрождения. Этот период возвращает многие европейские государства к прошлому значению понятия *патриотизм*. У людей формируется понятие Отечества и возникает чувство верности своей Родине.

Эпоха, именуемая Новым временем, характеризуется изменением мировоззрения людей. Такие понятия, как «патриотизм» и «Родина», приобретают новый смысл и входят в состав часто употребляемых слов.

В то же время в любую историческую эпоху были поэты, которым было больно за своё Отечество, которые посвящали своё творчество переживаниям за судьбу государства.

Патриотизм и судьба Родины – темы, всегда волновавшие народ, поэтому жанр гражданской лирики занимает одну из главенствующих позиций в системе литературных жанров. В стихотворениях, принадлежащих к гражданской лирике, большое значение имеет смысл, глубокий и наполненный.

Гражданская лирика, несомненно, занимает важную роль в творчестве наших соотечественников, писателей Донбасса. Не одно стихотворение связано с судьбой нашего плодородного края, особенно с событиями, которые затронули нас в последнее десятилетие. Стихотворения, написанные не только профессиональными литераторами, но и обычными людьми, являются настоящим голосом Донбасса. Можно сказать, что поэзия наших писателей возрождает новую культурную жизнь. Как отмечает В. Никонов, стихотворения наших земляков – «проявление мужества... открытое обращение к народам и правителям мира: Остановите войну!» [4]. К примеру, нами были исследованы произведения таких писателей, как Владислав Русанов, Владимир Скобцов, Екатерина Ромашук, Владислав Артёмов и многих других.

Стихотворения писателей насыщены различными средствами художественной выразительности. Эпитеты, метафоры, олицетворения, сравнения – не только своеобразное украшение, но и основа создания художественного образа: *Но, коль свинцовый дождь к земле прижмет* (В. Русанов); *Кровью наша омыта земля За распятую вами страну* (Е. Ромашук) и т.д. Тропы в произведениях помогают читателю прочувствовать на себе эмоции и переживания автора. Используя средства художественной выразительности, писатель «оживляет» написанный текст.

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданская лирика остаётся актуальной в любое время и подчёркивает важность общечеловеческих ценностей, неразрывную связь настоящего с прошлым. Стихотворения писателей Донбасса описывают страшные реалии сегодняшних дней. Эти правдивые произведения передают всю боль и трагедию Донбасса, который даже в трудные времена проявляет свои лучшие качества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 2314 с.
2. Махлаюк, А. В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху империи / А. В. Махлаюк // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 1. – С. 288–299.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 277 с.
4. Русанов, В. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014 – 2015 годов. Сборник стихов В. Русанов, Н. Лясковская. – М. : Перо, 2015. – 112 с.
5. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М., 1996. – 334 с.

SUMMARY

Nikita Tyurenkov. Civic lyrics: the linguacultural aspect of genre

The article examines the formation and development of civic lyrics in various epochs. The themes that have always worried people – patriotism and the fate of the Motherland – allowed us to conclude that civic lyrics remain relevant at any time and emphasize the importance of universal values, the inseparable connection of the present with the past, culture, language and national traditions.

Keywords: civic lyrics, patriotism, history, means of expression.

Усенко Анастасия

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Медведева М. С.

ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации»,

г. Ростов-на-Дону, РФ

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ИСТОЧНИК ОБНОВЛЕНИЯ РУССКОГО ЛЕКСИКОНА

Данная статья включает в себя систематизацию, анализ новых лексических единиц русского языка, появившихся в 2020 году, в период пандемии COVID-19. Неолексемы образуют целостную тематическую группу, отчетливо отражающую тенденции обновления словарного состава современного русского языка.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, иноязычные слова, неолексемы, лексика.

Среди более пяти тысяч языков, существующих сегодня в мире, русский язык занимает видное место по значению и функциям, которые он выполняет [5]. Значимость русского языка в современном мире неоспорима. Есть ли еще какой-нибудь язык в мире столь богатый и разнообразный, как наш? Где ещё вы найдете огромное число синонимов и антонимов, синтаксических конструкций? Только

в русском языке, отвечая на поставленный вопрос фразой: «Да нет» можно выразить свою неуверенность решения. Обилие синонимов в русском языке дает возможность придавать различные оттенки одним и тем же явлениям, поэтому при грамотном использовании русских слов, русская речь звучит как песня. Данная научная статья затрагивает основную проблему современности – это сохранение русской истории и культуры.

Так, в настоящее время происходят изменения во всех сферах жизни общества, в том числе и в общественных отношениях. «Контактное» взаимодействие между людьми заменяется на общение через интернет-мессенджеры, которые становятся источником «заражения» лексикона людей иноязычными словами. К большому сожалению, сегодня в наш родной язык все чаще проникают иностранные слова, сленги. Что приводит к засорению истинного русского языка. Мне, как русскому человеку, видеть и слышать это больно и обидно, а принять это просто невозможно, так как русская речь – это ценное наследие нашей страны. Очень жаль, что молодое поколение, живущее в XXI веке мало интересуется заслугами таких знаменитых людей, как Кирилл и Мефодий, подарившими нам алфавит, не ценит важности трудов В. Даля, который всю свою жизнь посвятил изучению русского языка.

Мы живём в период, когда мир, в том числе и Россия, столкнулся с ситуацией, вызвавшей экстренное принятие решений, повлиявших на жизнь граждан разных стран. Так, в конце декабря 2019 года появилось новое заболевание, которое охватило не одно государство, а целый мир. COVID-19 – чрезвычайная ситуация для нашей страны, относительно чего в России сформировался новый режим жизни общества [1]. Казалось, несколько лет назад люди даже представить не могли, что их квартира (дом) на время превратится в многофункциональное пространство, не выходя за пределы которого им придется объединить все области жизни. Именно это событие повлекло за собой появление большого числа новых слов, употребляемых в речи россиян.

Для начала разберемся, а что вообще такое «лексика»? Этим термином обозначается совокупность слов того или иного языка, меняющаяся вместе с развитием общества, или какая-то часть слов (жаргоны, просторечие и пр.) [4]. В толковом словаре русского языка лексика определяется следующим образом «Словарный состав русского языка или произведений какого-либо писателя»

В период пандемии в лексике людей также появилась «инфекция». Ключевым аспектом являлась так называемая «коронавирусная инфекция» (коронавирус), данное выражение постоянно звучало не только в СМИ, но и в речи россиян. Для каждого из нас период пандемии – самый сложный этап, однако, даже при данных условиях

существования, люди активно стали придумывать новые песни, фильмы где данные слова приобретали новую окраску, например, «коронаминус» (данное слово соотносится с названием популярной песни).

Соответственно, в словарный запас молодежи мгновенно пополнился. Как показывает лексический материал, это слова разных частей речи, но в большей мере:

1) имена существительные: коронобонус, коронатайм, коронавайрус, ковидло, коронабл, коронарка, карантинки, вирулентность, зумбомбинг, ковидоворс, дезинфекция, суперспредер и т.п. [2];

2) имена прилагательные, перешедшие в разряд существительных, типа коронованный, то есть субстантивированные прилагательные.

Особо следует остановиться на причинах создания в речи граждан новых сленговых образований. Так, часть слов является узуальной, активно используемой в речи россиян, особенно в СМИ в 2020 году. Причинами тому являются:

- сленговые названия вирусной инфекции, больше являются шуточными выражениями для облегчения общения;
- выражение иронического отношения к малоизвестному заболеванию COVID-19 как стимул преодоления страха перед ним;
- языковая игра с целью экспрессии общения;

Так, все «новые» слова можно разделить на несколько групп:

1. Слова, образованные путем сложения (слияния) слов, например, карантикулы (карантин + каникулы), коронапаника (COVID-19+паника), самоизоляция (само+изоляция), корононяшка (коронавирус + «няша»), коронофобия (корона + фобия) и др.;

2. Слова, образованные путем языковой игры, в результате чего образовались сленгизмы, например, кивидло-повидло, коронаминус-коронавирус и др.;

3. Иноязычные слова, например, ковидоворс от английского «ковидоразвод», ZOOM от англ. «маштабирование», COVID-19 – английская аббревиатура от англ. выражения «coronavirus disease» – коронавирусная инфекция, обсервация – от польского «наблюдение за ним» и др. [3].

Таким образом, исходя из вышеизложенной теории и анализа практического опыта, можно сделать следующий вывод: лексические изменения в русском языке, связанные с пандемией коронавируса, масштабны, а пути «заражения» новыми словами разнообразны. Несмотря на сложившуюся ситуацию в мире, первостепенная задача каждого человека – это сохранение родного языка, который нуждается в бережном к нему отношении, любви и охране от иностранного засорения. Важно помнить, что русская речь – это ценное наследие нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коронавирусы [Электронный ресурс]. – URL : <https://google-info.org/2097373/1/koronavirusy.html>
2. Антоненко, И. Словарь новой реальности : 10 слов, о которых вы должны знать» [Электронный ресурс] / Иванна Антоненко // Ещѐ! Женский журнал. – URL : <https://e-w-e.ru/slovar-novoj-realnosti-10-slov-o-kotoryh-vy-dolzhy-znat/>
3. Мелихова, Е. Коронавирус пополнил русский язык новыми словами [Электронный ресурс] / Елена Мелихова. – URL : <https://rg.ru/2020/05/01/regufo/koronavirus-popolnil-russkij-iazyk-novymi-slovami.html>
4. Семёнов, А. В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я» / А. В. Семёнов. – М. : Издательство «ЮНВЕС», 2003 – 704 с.
5. Бужумова, М. М. Русский язык в полицентрическом мире [Электронный ресурс] / М. М. Бужумова. – URL : <https://infourok.ru/statya-russkiy-yazik-v-policentricheskom-mire-2086865.html>

SUMMARY

Anastasiya Usenko. The Covid-19 pandemic as a source of updating the Russian lexicon

This article contains an overview of new lexical units of the Russian language that appeared in 2020, during the COVID-19 pandemic. Neolexems form an integral thematic group that clearly reflects the trends of updating the vocabulary of the modern Russian language.

Keywords: pandemic, COVID-19, foreign words, neolexems, vocabulary.

Щур Екатерина

Научный руководитель –

д. филол. н., доц., проф. Балко М. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт

иностраннных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ РУССКОЙ ЭРРАТОГРАФИИ

Глобализация, мировой кризис, цифровизация привели к изменениям современной языковой системы и речевой нормы русского языка. Наблюдается рост потребностей аудитории в подаче информации в виде визуальных текстов. Данная статья посвящена проблеме

использования эрративов как особого приёма в креолизованных текстах интернет-мемов.

Ключевые слова: *эрратография, эрратив, креолизованный текст, мем.*

Начало XXI столетия характеризуется глобальными социальными, политическими и культурными изменениями. Состояние языковой системы и речевой нормы, безусловно, также трансформируется. Наблюдаются кардинальные видоизменения в мировом коммуникативном пространстве. Вследствие развития средств массовой информации, интернет-ресурсов в частности, происходит рост потребностей аудитории в невербальных средствах коммуникации и визуализации текстов.

В. П. Белянин [2] характеризует текст как основную единицу коммуникации, способ хранения и передачи информации, форму существования культуры, продукт определённой исторической эпохи и отражение психической жизни индивида.

Визуальный текст – это графическое исполнение словесного текста, что включает его графическое членение, использование различных гарнитур шрифта, а также наглядный материал иллюстрированного и иного характера [4, 35].

Одним из типов визуального текста является креолизованный текст, в котором сочетаются вербальные, невербальные и изобразительные средства коммуникации.

Реализацией креолизации текста считается комплексный феномен интернет-коммуникации, целостная, завершённая единица с текстом и изображением – мем. В данном объекте визуальное восприятие даёт возможность уловить суть сообщаемой информации сразу.

Основные функции мема в процессе интернет-коммуникации – информативная, коммуникативная и развлекательная. Они же и являются важными факторами роста популярности креолизованных мемов среди пользователей Интернета, вследствие чего стали особыми единицами виртуального общения.

Достаточно часто как средство усиления воздействия текста в мемах используется эрративное написание слов.

Эрратив – это слово с умышленным нарушением его орфографического и графического вида. Эрратография является одним из ярких феноменов русского письма конца XX – начала XXI века. Данный приём выполняет несколько функций в ходе реализации интернет-общения: он придаёт экспрессивности информации, помогает передать речевую особенность или определённую характеристику персонажей.

Рассмотрим применение эрратографии в текстах интернет-мемов на конкретных примерах, среди которых можно выделить некоторые типы эрративов:

1) фонетические эрративы, передающие особое произношение слов, акцент или манеру речи («ТЫ МОЙ ДОБРЫЙ ШОБАК / Я ТВОЙ ШОБАК»; «Дратуги товарищ / Дратуги...», «СТОЙ А ТИ КУПИЛЬ ЛЕПОШКА ДАМОЙ ИЗ ВАСТОЧЬНИЙЪ КАРЭЙА», «Харашо Насяльника»);

2) графические эрративы, характеризующиеся заменой букв, усечением слов, применением графогибридизации («Фет / ПРИФЕТ», «А МНЕ НОРМ», «*AGA KANESHNA*»);

3) смешанные эрративы, соединяющие в себе особенности вышеназванных типов («*АЛИСА / ЦАС Я ВЫХАЖУ ВАЩЕЦ!», «С ДР КАРОЧ», «А ТЫ СОБСНА КТО?»).

Поводом для появления мема может стать новость, символ, персонаж книги или фильма и пр. Характерной чертой текста мема – креолизованного текста – является использование акцента на размере, цвете и гарнитуре шрифта, пунктуационных и математических знаков, других паралингвистических средств.

Применение эрративного письма в тексте мема особенно помогает реализовать его развлекательную функцию, например, передать речевую особенность изображённого персонажа.

Следовательно, мемы как креолизованные тексты являются широким пространством реализации русской эрратографии. При этом заметим, что подобные тексты являются ярким примером проявления частичной девербализации русской письменной речи, примитивизации, обеднения языковой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина, Т. В. Специфика вербальной составляющей креолизованных интернет-мемов [Электронный ресурс] / Т. В. Аникина // Интерактивная наука. – 2017. – № 19. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-verbalnoy-sostavlyayuschey-kreolizovannyh-internet-memov> (дата обращения : 20.11.2022).
2. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 120 с.
3. Власова, О. В. Креолизованный текст : понятие и типология / О. В. Власова // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития: Международный сборник научно-методических статей IV-й Международной научно-практической конференции преподавателей, магистрантов и аспирантов, Псков, 19 апреля 2019 года. – Псков : Псковский государственный университет, 2019. – С. 158–164.

4. Мантусов, А. Б. Использование поликодового текста как одна из сторон информатизации / А. Б. Мантусов, З. Б. Доржинова, К. Т. Байниева // Природно-ресурсный потенциал Прикаспия и сопредельных территорий : проблемы его рационального использования : Материалы IX Национальной научно-практической конференции, Элиста, 21 – 22 апреля 2022 года. – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Сциентиа», 2022. – С. 127–133.
5. Школьник, Л. С. Язык улицы / Л. С. Школьник, Е. Ф. Тарасова. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. – 62 с.

SUMMARY

Ekaterina Shchur. Creolized text as a space for the implementation of Russian erratography

Globalization, the global crisis, digitalization have led to changes in the modern language system and the speech norm of the Russian language. There is an increase in the audience's needs for non-verbal means of communication and the presentation of information in the form of visual texts. Creolized texts, in particular memes, facilitate and accelerate the transfer of information between people. This article is devoted to the problem of using erratives as a special technique in Internet memes.

Keywords: erratography, errative, creolized text, meme.

Чугун Вероника

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Герасименко И. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР, РФ

МОДНЫЕ ИМЕНА ГОРЛОВЧАН СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОДЕЛИ МОДЫ А. Б. ГОФМАНА

Цель данного исследования – описать феномен модного имени жителя Горловки с использованием двухъязычной теоретической модели моды А. Б. Гофмана.

Ключевые слова: антропоним, имя, Горловка, языковая мода, универсальность, современность, демонстративность.

Антропонимика – раздел ономастики, изучающий собственные именованья людей: личные имена, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища

и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрываемые имена). Также к собственным наименованиям людей относятся антропонимы литературных произведений, имена героев в фольклоре, мифах и сказках. Предметом нашего исследования стал горловский антропонимикон с позиций языковой моды.

По мнению Т. А. Бойковой, в языке феномен моды заслуживает особого внимания, поскольку мода занимает важное место в современном обществе и понимается как один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения [1, 1].

Цель нашего исследования – описать феномен модного имени жителя Горловки с использованием двухъязычной теоретической модели моды А. Б. Гофмана.

Создавая теоретическую модель моды, т.е. представляя её в виде структуры, А. Б. Гофман выделяет следующие ее элементы:

1. Модный стандарт. Модные стандарты реализуются посредством модных объектов. Те или иные стандарты и объекты становятся модными только тогда, когда они обладают модными значениями, выступают в качестве знаков моды, т.е. указывают на какие-то ценности, которые в обществе или социальных группах выступают как модные.

2. Поведение участников моды. Такое поведение, которое ориентировано на стандарты, объекты и ценности моды [4, 148].

Социолог А. Б. Гофман считает, что основами сравнительного анализа состава и частности личных имён в различные периоды развития общества являются атрибутивные ценности моды – универсальность, современность, демонстративность.

Универсальность проявляется в том, что «различные образцы могут переходить от одной социальной группы к другой, испытывая при этом различные трансформации. В движении этих образцов, скрывающем за собой реальные социально-экономические и традиционные национальные различия, и выражается универсальность (диффузность)» [4, 20].

Современность, по определению А. Б. Гофмана, является фундаментальной ценностью в структуре моды [4, 16]. В моде ценность современности выражается в стремлении к новизне, но новизну «следует понимать в условном смысле: это то, что ново лишь по отношению к предыдущему стандарту» [4, 18].

Демонстративность, в отличие от универсальности и современности, «не ограничена пространственными и временными рамками. Она имеет корни в биологических аспектах человеческого существования, в стремлении быть внешне привлекательным для другого, способствует быстрой и экспрессивной демонстрации своего «я», хотя в различных культурах, безусловно, выступает совершенно по-разному» [4, 20].

Рассматривая личные имена с позиций двухърусной теоретической модели моды А. Б. Гофмана и атрибутивной ценности моды (универсальности, современности, демонстративности), мы изучили полный архив имён горловчан, которые были даны новорожденным в Горловке за последнее время. С этой целью мы провели анализ состава и частотности мужских и женских имён новорожденных в период с 2019 по 2022 гг. на материале данных Территориального отдела записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС) города Горловки, в основе которого лежат атрибутивные ценности моды – универсальность, современность и демонстративность.

Применительно к антропонимам можно утверждать, что наличие лишь одного признака – универсальности – не указывает на модность имени. Для того, чтобы имя было признано модным, оно должно обладать, как минимум, двумя атрибутивными признаками, например, универсальностью и современностью.

Универсальными можно назвать антропонимы, которые могут использоваться в разных социальных слоях, имея нейтральный общественный статус и наиболее высокую частотность. По нашим данным, к таким универсальным мужским именам, зарегистрированным в Горловке с 2019 по 2022 годы, можно отнести *Михаил, Дмитрий, Александр и Илья*. Имена *Михаил* и *Александр* повторяются по 39 раз за контрольный срез, а имена *Дмитрий* и *Илья* – до 30 раз. Среди женских имён, зарегистрированных в Горловке за данный период, универсальными являются *София, Вероника, Виктория* и *Мария*. Из них наиболее частотным выступает имя *София*, которое повторяется 43 раза за контрольный срез (в то время, как *Виктория, Мария* и *Вероника* повторяются до 35 раз).

Следует сказать, что по данным Минюста ДНР новорожденным в 2020 году чаще всего давали имена греческого или еврейского происхождения. К таким женским именам относятся *Анастасия, Анна, Александра, Алина, Вероника, Виктория, Елизавета, Ева, Дарья, Мария, Полина* и *София*. К универсальным мужским именам 2020 года принадлежат *Александр, Артём, Андрей, Даниил, Дмитрий, Иван, Илья, Кирилл, Максим, Матвей* и *Михаил* (об этом см.: [6]).

По А. Б. Гофману, не все имена, употребление которых превысило порог частотности, можно назвать модными. Для признания антропонима модным языковым объектом также необходимо учитывать такую атрибутивную ценность, как современность. А. Б. Гофман современность связывает с прогрессивностью, готовностью к изменениям и творчеству, она противопоставляется косности, рутине, консерватизму [4, 15]. Для определения современности исследуемых имён мы проанализировали их производные формы с помощью словаря русских личных имён Н. А. Петровского.

Мы определили, что в списке имён практически все образуют большое количество производных форм. Например, имя *Вероника* образует формы *Вероничка, Вера, Вероня, Роня (Рона), Ронюша, Веруня, Веруша, Вика, Ника, Никаша, Никуша*. Имя *Дмитрий* образует формы *Дима, Димаха, Димаши, Димуша, Димуля, Димуся, Митя, Митюша, Митяха, Митяша, Митря (Митра), Митраша, Митрюха, Митрюша*. Остальные имена в списке исследуемых имеют до 42 производных форм. Это указывает на современность имён, их прогрессивность и готовность к изменениям.

Следующая атрибутивная ценность моды – демонстративность. Как было сказано выше, она имеет корни в биологических аспектах человеческого существования, в стремлении быть внешне привлекательным для другого, способствует быстрой и экспрессивной демонстрации своего «я» [3, 146].

Демонстративность в антропонимии связана с выбором редких имён. Поскольку редких имён всегда больше, чем нередких, то изменения в этой части именника более заметны [1, 3].

Анализ горловского именника показал, что редкими, экзотическими именами девочек называют чаще, чем мальчиков. При этом наблюдаются две противоположные модные тенденции.

Во-первых, среди редких антропонимов выделяются имена, не входящие в традиционный русский именник, зачастую не зафиксированные в святцах. В избранном нами контрольном срезе за 2019 – 2022 гг. встретились такие редкие женские имена, как *Виолетта, Гюнай, Альбина, Амира, Бонита, Анита* и другие. Среди мужских имён встретились *Аяз, Дамир, Доминик, Габриэль, Аким, Кай* и другие.

Во-вторых, к редким относятся зафиксированные в святцах старинные имена, которые на протяжении ряда лет не давались новорожденным. Например, с 2019 по 2022 гг. были зарегистрированы такие редкие женские имена, как *Агния, Василиса, Варвара, Елена, Вера*, которые есть в святцах. Среди мужских имён зафиксированы *Адам, Аркадий, Валерий, Геннадий, Давид, Аристарх и Герман*.

Таким образом, нами было проведено исследование феномена модного имени с помощью двухъярусной теоретической модели моды А. Б. Гофмана на материале данных, предоставленных ЗАГСом г. Горловки за 2019 – 2022 гг. В результате исследования мы выяснили, что для того, чтобы имя могло быть названо модным, оно должно соответствовать минимум двум атрибутивным ценностям, которые выделил А. Б. Гофман – универсальность, современность и демонстративность. Проанализировав список самых частотных имён с точки зрения универсальности и современности, мы определили, что данным атрибутивным ценностям соответствуют такие женские

имена, как *София, Вероника, Виктория* и *Мария*. Среди мужских имён можно выделить такие имена, как *Михаил, Дмитрий, Александр* и *Илья*. Эти имена содержат два признака моды – они универсальны и современны. При этом третья атрибутивная ценность – демонстративность – не является прямым показателем модности имени, если ему не присущи современность или универсальность.

Данный анализ не является исчерпывающим. В своих последующих работах мы планируем анализировать другие признаки горловского именника, среди которых происхождение модных имён горловчан и стилистические особенности их производных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойкова, Т. А. Волгоградский именник с точки зрения языковой моды / Т. А. Бойкова // Ономастика Поволжья : Мат-лы XIII Междунар. науч. конф. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 113 – 116.
2. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.
4. Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – М., 1994. – 160 с.
5. Популярные имена детей в 2020 : данные Минюста [Электронный ресурс] // DNR LIVE : сайт. – URL : <http://dnr-live.ru/populyarnyie-imenadetey-v-2020-dannyie-minyusta/> Деловой портал (дата обращения : 20.11.2022).

SUMMARY

Veronika Chugun. Fashionable names of the city of Gorlovka through the prism of A. B. Hoffman's fashion model

The purpose of this study is to describe the phenomenon of the fashionable name of a resident of Gorlovka using a two-tier theoretical model of fashion by A. B. Hoffman.

Keywords: anthroponym, name, Gorlovka, linguistic fashion, universality, modernity, demonstrativeness.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексееenkova Ульяна</i> НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ТОПОНИМЫ И МИКРОТОПОНИМЫ: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ.....	3
<i>Андреева Диана</i> ДЕМОТИВАТОРЫ КУЛИНАРНОЙ ТЕМАТИКИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	8
<i>Баранова Дария</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	12
<i>Бладысик Ольга</i> ОНОМАСТИКА КАК РАЗДЕЛ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ	16
<i>Бляшко Юлия</i> ТРАНСДИСКУРСИВНЫЙ АВТОР: К ТЕОРИИ ВОПРОСА.....	20
<i>Богомолова Валерия</i> СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-БАХУВРИХИ С КАЧЕСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ.....	22
<i>Бондарь Виктория</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ УКРАИНСКОГО МАТЕРИАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ О. М. СОМОВА	27
<i>Гелюх Наталья</i> ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ	31
<i>Грунистая Альбина</i> ЧАСТОТНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ РЕЧЕВУЮ АГРЕССИЮ, В РАМКАХ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ РОМАНА ДИНЫ РУБИНОЙ «МАНЬЯК ГУРЕВИЧ».....	36

<i>Демченко Наталья</i> ЭТНОФОЛИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ).....	40
<i>Дмитриева Анна</i> ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	44
<i>Добровольская Наталья</i> ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ФУНКЦИИ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА В РОМАНЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЁВЫ»	47
<i>Жданова Юлия</i> МЕТОДИКА ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	52
<i>Казаченко Мария</i> СПЕЦИФИКА ДРЕВНЕРУССКИХ ПРОЗВИЩ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ	55
<i>Ковальчук Сергей</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРАВДА».....	58
<i>Кубышина Алина</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛОЗУНГА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	62
<i>Кулакова Алина</i> СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА».....	68
<i>Лебедева Валерия</i> ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	72
<i>Макаров Никита</i> ПОДРОСТОК ПЯТИДЕСЯТЫХ: ОБРЯД ИНИЦИАЦИИ В РОМАНЕ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»	

И В ПОВЕСТИ А.Т. ГЛАДИЛИНА «ХРОНИКА ВРЕМЕН ВИКТОРА ПОДГУРСКОГО»	76
<i>Малахов Руслан</i> КОСВЕННЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ НА МАТЕРИАЛАХ СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ.....	80
<i>Малова Елена</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В КУЛИНАРНОМ РЕЦЕПТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЦЕПТОВ А. ЗИМИНА В ЖУРНАЛЕ «КОММЕРСАНТЪ WEEKEND»)	84
<i>Машенцова Ева</i> СЕМАНТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ НЕПРИЯТНЫЙ	88
<i>Медведева М. С.</i> К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ТЕКСТОВ ОПЕРНОГО ЛИБРЕТТО.....	92
<i>Мухина Дарья</i> ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ДРАМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	97
<i>Понкратенкова Анастасия</i> СЕМЕЙНЫЙ ДИСКУРС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	101
<i>Попова Алина</i> РОМАН И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» КАК РОМАН ВОСПИТАНИЯ	105
<i>Пристаи Александр</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ.....	110
<i>Ращупкин Александр</i> ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ	113

<i>Светличная Влада</i> ВАРИАТИВНЫЙ ПОВТОР КАК РАЗНОВИДНОСТЬ РЕЧЕВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ.....	115
<i>Сементина Ангелина</i> ОППОЗИЦИЯ «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ – МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ» В ПОЭМЕ АННЫ РЕВЯКИНОЙ «ШАХТЕРСКАЯ ДОЧЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)	119
<i>Созаева Алина</i> ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: ПОЭТИКА «ЖЕНСКОГО ТЕКСТА».....	124
<i>Сокирка Александра</i> ЭЛЕМЕНТЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	128
<i>Сытник Наталья</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ РУБЕЖА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ.....	132
<i>Тюренков Никита</i> ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЖАНРА.....	134
<i>Усенко Анастасия</i> ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ИСТОЧНИК ОБНОВЛЕНИЯ РУССКОГО ЛЕКСИКОНА	137
<i>Щур Екатерина</i> КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ РУССКОЙ ЭРРАТОГРАФИИ.....	140
<i>Чугун Вероника</i> МОДНЫЕ ИМЕНА ГОРЛОВЧАН СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОДЕЛИ МОДЫ А. Б. ГОФМАНА	143

Научное издание

СЛАВИСТИКА:
НОВЫЕ ИМЕНА В НАУКЕ

Сборник научных трудов участников VI Международной очно-заочной
научно-практической конференции молодых учёных, приуроченной
210-летию со дня рождения И. И. Срезневского

Главный редактор *И. А. Герасименко*

Технический редактор *Н. А. Сытник*
Компьютерная вёрстка и макетирование *Н. А. Сытник*
Корректоры *Н. В. Лешкова, Ю. Л. Дмитриева,*
О. В. Сырова, Л. А. Штакина

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 21.02.2023.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 8,17. Уч.-изд. л. – 9,5.
Усл.-изд. л. – 8,83.
Тираж 100 экз. Зак. № 4.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25